

МИРА ЛЬВОВА

ЖАЖДА
БЕССМЕРТИЯ

Annotation

Шел 1995 год...Профессор Воронов так увлекся новым изобретением, что не заметил, как рухнула его жизнь. Сможет ли он вернуть жену и восстановить доверие на работе? Или бросит все и сбежит... в параллельный мир?

Глава 1

Профессор смахнул со стола кусочки проволоки и еще раз обвел взглядом кабинет. Все лежало на своих местах, кроме радиоприемника. Громоздкий радиоприемник его отца уже полгода, как вещал не только новости страны и ближнего зарубежья, но и других, более отдаленных мест. Сегодня утром Карл Борисович слушал песни какой-то норвежской группы, а после обеда картавый оратор вещал решения, принятые немецким парламентом — Бундестагом.

— Мда. Надо бы подучить языки, а то половину слов не понял, — с негодованием сказал он, уменьшил громкость и склонился с паяльником над платой.

Остаток дня Карл Борисович просидел в кабинете, над новой разработкой, и только вечером с кряхтением разогнулся. Он спрятал радиоприемник в железный ящик, прикрученный к стене. Затем вышел и запер кабинет.

— Карл Борисович, ты еще здесь? — подала голос уборщица Мария, старательно протирающая плитус.

— Машенька, тебе не надоело заниматься этим бессмысленным делом? Мы же почти одного возраста, а ты все попой кверху гоняешься за пылью. Сиди уж дома. Пусть молодые работают.

— Эх, Карлуша, не прожить мне на эту пенсию. Сам знаешь, какая. Твоя, небось, недалеко от моей ушла.

— Да, не прожить, — задумчиво произнес он. — Ладно, пойду. Завтра хочу пораньше прийти.

— Иди-иди. Уже девять. Молодая жена другого заведет, пока ты сутками напролет на работе пропадаешь.

— Не заведет. Она у меня хорошая.

Карл Борисович махнул рукой и устало поплелся по длинному коридору к лифту. На стене кабины лифта было прикреплено узкое зеркало в полный рост. По утрам перед ним прихорашивались сотрудницы завода, по вечерам — профессор. Он достал из кожаного портфеля расческу, баночку с гелем и пригладил вихор седых волос, торчащий на затылке. Затем стряхнул с пиджака сор и протер губкой носки ботинок.

Лифт дернулся и остановился на первом этаже. Карл Борисович подошел к посту охраны. Тучный охранник с упоением читал журнал «Закон и порядок».

— Я позвоню? — спросил профессор и потянулся к телефону. Охранник кивнул, не отрываясь от чтения.

— Алло, — послышался мелодичный голос.

— Светочка, я в магазин заеду. Тебе что-нибудь купить?

— Купи молока и пирожных. И себе на ужин что-нибудь. Я не готовила. Была занята. Только ничего копченного! Помни о своем желудке.

Он с улыбкой выслушал наставления жены, положил трубку и вышел на улицу. На парковке одиноко стоял черный джип, отражая свет фонарей начищенными боками. Карл Борисович сел за руль, завел мотор и вырулил на оживленную трассу.

Лето выдалось жарким. С самого утра температура поднималась до двадцати семи, а в полдень останавливалась на отметке тридцать пять градусов. Во всем административном

здании завода царила духота. Семен Семенович, директор завода, спасался тремя вентиляторами, обдувающими с разных сторон. Секретарь Алла Шалвовна набила холодильник «Бирюса» стеклянными банками с водой и квасом.

— Позвоните Карлу Борисовичу. Пусть срочно зайдет ко мне, — велел директор, когда Алла Шалвовна закончила клеить газеты на окна.

— Зачем? — равнодушно спросила она, спрыгнула со стула и принялась надевать босоножки.

— За хлебом! Я что, перед всеми должен отчитываться! — взревел он и тут же остыл. — Скажите, чтобы не мешкал. Знаю я эту «отрыжку Ломоносова», увлечется и забудет про меня.

Алла Шалвовна усмехнулась и, удостоверившись, что газеты надежно спасают от горячих солнечных лучей, вышла за дверь. Семен Семенович достал из нагрудного кармана рубашки листок телеграммы и еще раз прочел. Он знал наизусть текст сообщения, но пытался уловить скрытый смысл или подсказку.

«Помоги мне, Всевышний», — подумал он и возвел руки к потолку.

Тем временем секретарь набрала номер телефона научно-технического отдела и с нетерпением ждала ответа.

— Алло, — наконец раздался раздраженный мужской голос.

— Позовите Карла Борисовича.

— Он заперся у себя. Просил до вечера не беспокоить.

— Семен Семенович вызывает. Срочно! — с нажимом сказала секретарь.

— А я говорю, просил не беспокоить, — сухо ответил мужчина и положил трубку.

Алла Шалвовна вскочила со стула и, стуча каблуками, зашагала по коридору.

— Ни в какие ворота не лезет! Их отдел как отдельное царство. Сказано, срочно — значит, срочно, — зло шептала она, дожидаясь лифта.

Через пять минут, не дождавшись лифта, запыхавшаяся и сердитая Алла Шалвовна барабанила кулаком по двери с табличкой: Заведующий отделом Воронов Карл Борисович. Из соседних кабинетов выглянули любопытствующие.

— Карл Борисович, это Алла. Вас директор вызывает. Срочно! — кричала она, не прекращая стучать.

Дверь открылась, и взъерошенный профессор извиняющимся тоном сказал:

— Аллочка, я сейчас приду.

— Срочно, — смягчилась Алла Шалвовна и, развернувшись на каблуках, удалилась.

«Какой от все-таки умница. Жалко, что женатый», — подумала она и обернулась.

Голова Карла Борисовича вновь скрылась за дверью, и он щелкнул замком. Сотрудники отдела, давно привыкшие к странностям своего руководителя, принялись за работу. Они знали афоризм, придуманный и часто повторяемый профессором: гений творит в тишине. Поэтому никто из подчиненных не смел беспокоить Карла Борисовича, когда тот работал.

Тем временем Карл Борисович прибрал стол, запер железный ящик и вышел из кабинета. Озадаченный внезапной срочностью, он не стал дожидаться лифта и побежал вниз по лестнице.

— Фух, какая у вас жара, — сказал он Алле Шалвовне, сидящей у настезь открытого окна, и снял пиджак.

— Конечно, у нас же нет такой системы, как на вашем этаже, — пожаловалась она. — Хотя могли бы и нам установить ту штуковину. Как она называется? Постоянно забываю.

— Кондиционер, — по слогам сказал он и кивнул в сторону двери кабинет директора. — Ждет?

— Ждет-ждет, заходите, — махнула она рукой и подставила лицо легкому ветерку.

Карл Борисович легонько постучал и вошел.

— Семен Семенович, вызывали?

Тучный директор с потным ярко-красным лицом сидел в кресле и обмахивался газетой.

— Беда, Карл Борисович, — жалобно сказал он и протянул листок телеграммы. — На, читай.

Профессор медленно и с каким-то благоговением взял помятый листок, спустил очки со лба и прочел надпись: Почти 80 процентов. Решено закрыть.

— Что это значит? — недоуменно спросил он и перевернул листок в надежде найти причину паники директора.

— Как, что? Ты что, не понял? — вскочил тот с кресла и вплотную подошел к профессору. — Главный бухгалтер в Москве. Написала сразу после собрания акционеров. Восемьдесят процентов за то, чтобы закрыть завод!

— Почему?

— Вот зарылся ты в своих бумагах и не знаешь, что творится, — упрекнул директор. — Таких заводов, как наш, по стране уже несколько десятков. Все склады забиты полиэтиленом. Предложение превысило спрос. Никому он в таком количестве не нужен.

— Да-а, — протянул профессор и почесал щеку. — Печально.

— Погоди печалиться, — заговорщически зашептал Семен Семенович. — Я тут подумал. А что, если нам из полиэтилена что-то производить? Вот кто-то тару делает, кто-то трубы, кто-то бутылки. Поэтому и вызвал тебя. Придумай-ка, Карл Борисович, такую штуковину, чтобы всем была нужна, а купить можно было только у нас.

Карл Борисович удивленно поднял брови и хотел возразить, но Семен Семенович прервал его:

— Не тороплю. Думаю, полгода у тебя в запасе есть. Но помни, если нас закроют, то это ты не сработал. Ты умный, с тебя большой спрос.

Он похлопал ошарашенного профессора по плечу и подтолкнул к выходу.

— Не смею задерживать. Знаю, у тебя полно работы.

Карл Борисович развернулся и медленно вышел. Алла Шалвовна всполошилась и схватила графин с водой, увидев его бледное лицо.

— Вам плохо? Воды?

— Нет-нет, — замотал он головой. — Все хорошо... Если что, я у себя.

Он засунул телеграмму в карман и зашагал вверх по лестнице. На пятом этаже выдохся и два последних этажа поднялся на лифте. Спроектированные им кондиционеры висели на потолке по периметру всего седьмого этажа. Как только он вышел из лифта, прохлада привела его в чувство.

Карл Борисович похлопал в ладоши. Глухой звук эхом разнесся по этажу, и из кабинетов показались головы сотрудников.

— Экстренное совещание! — провозгласил он и направился в конференц-зал.

Сотрудники безмолвно расселись вокруг длинного стола и вопросительно уставились на руководителя. Карл Борисович обвел их взглядом и улыбнулся. Каждого привел лично и знал, что они лучшие из лучших. По пятницам он преподавал в техническом университете. Платили там гроши, но интерес у него был свой. Именно оттуда он приводил на завод самых

умных и талантливых ребят.

— Директор возложил на нас ответственность за будущее завода, — он достал из кармана телеграмму и помахал ею, высоко подняв над головой. — Пришли очень плохие новости: акционеры решили закрыть завод.

Все переглянулись, однако тишину никто не посмел нарушить.

— Есть один выход, — он замолчал и обвел взглядом напрягшихся сотрудников. — Нам надо придумать, как использовать полиэтилен по-новому, да так, чтобы никто кроме нас так больше не умел. Каждую неделю по понедельникам буду ждать вас с предложениями. Не смею задерживать. Все за работу.

Перешептываясь, они покинули зал. Карл Борисович взглянул на часы.

— Столько времени зря потерял, — сказал он с досадой и направился в свой кабинет.

Уже второй месяц молодые инженеры прибегали к Карлу Борисовичу с предложениями. Он внимательно слушал, забирал листы с проектами и неизменно повторял:

— Неплохо. Но не совсем то, что нужно. Еще есть время. Думай.

Его мысли были далеки от проблем завода. Вот уже полгода он тратил силы и время на изобретение, которое могло стать наивысшим достижением в его жизни. Каждое утро он запирался в кабинете и вытаскивал из железного ящика старый радиоприемник, внутри которого находилась сложная система приема и преобразования электромагнитных волн. От прежнего радиоприемника остался только деревянный корпус.

— Так, сейчас проверим, — он подмигнул глиняному истукану, стоящему на столе. Карл Борисович часто разговаривал с ним, делился достижениями и даже спрашивал совета.

Весь последний месяц профессор конструировал сверхмощный усилитель. Пришло время его испытать.

Усилитель представлял собой коробку размером с кирпич и примерно такую же по весу. Из него торчали три телескопических усика. С помощью проводков разных цветов Карл Борисович соединил усилитель с радиоприемником.

— Интересно? — обратился он к истукану. — И мне интересно. Ну что ж, приступим.

Карл Борисович воткнул вилку в розетку, повернул ручку настройки громкости до предела и вытянул усики. Сначала кроме треска и невнятного бормотания ничего не было слышно. Он начал поворачивать усики в разные стороны. Вдруг среди шума появились голоса. Профессор развернул все три усика в одном направлении и помехи пропали, а в кабинет полилось многоголосье: одни ругались, другие смеялись, третьи спорили. Язык, на котором разговаривали люди, Карл Борисович не мог распознать.

— Может, португальский? — спросил он у истукана и сам ответил, пожав плечами. — Если бы они говорили на английском, французском, китайском, испанском, немецком или итальянском, я бы понял. Но этот язык мне неизвестен.

Он взял ручку, блокнот и стал записывать слова, которые смог разобрать.

— Послушай-ка, — он откашлялся. — Сервато рубока син. Узнаешь? И я нет. А вот это: нигад де ремола фибар. Красивый язык, правда?

Профессор отложил ручку и прислушался. Лаяла собака. Две женщины что-то обсуждали и заливисто смеялись. Пожилой мужчина монотонно говорил, изредка прерываемый восхищенным возгласом молодого парня.

Карл Борисович повернул усики усилителя чуть левее, и звуки поменялись. Из динамика радиоприемника донеслась печальная мелодия струнного музыкального инструмента. К

нему присоединился духовой инструмент и жалобно завыл. Профессор закрыл глаза. Перед внутренним взором открылась долина, утопающая в зелени. Вдали возвышались остроконечные горы, подернутые молочной дымкой. Солнце, уходя на покой, отбрасывало последние лучи и окрашивало облака в розовый цвет. Старец, с большим округлым инструментом на коленях, перебирал узловатыми пальцами струны. Рядом примостился юноша с копной вьющихся соломенного цвета волос. К губам он прижимал свирель, сделанную из камыша.

Громкий стук вырвал профессора из чудесного видения.

— Карл Борисович, это Сева. Я кое-что придумал, — послышалось из-за двери. Карл Борисович чертыхнулся, выключил радиоприемник и подошел к двери.

— Сева, я же сказал. По понедельникам отчитываемся.

— Но сегодня только пятница. Я не могу так долго ждать. Это просто потрясающе! — восторженный тон двадцатипятилетнего Севы возбудил в профессоре любопытство. Он убрал радиоприемник в железный ящик и вышел из кабинета.

— Что там у тебя? Показывай.

Сева протянул лист и в нетерпении уставился на профессора. Карл Борисович спустил очки со лба и внимательно прочел.

— Тара?

— Не просто тара. Контейнер для еды. Многие приносят с собой обед. Я в стеклянной банке, у Кости жестяная коробка из-под чая, Виктор Савельевич обычно приносит курицу, завернутую в пергамент. Надо выпускать контейнеры разных форм и размеров, чтобы каждый мог себе подобрать.

Он замер в ожидании вердикта. Карл Борисович задумчиво кивал головой, глядя на лист. Молчание затянулось и Сева решил его поторопить:

— Здорово, правда?

— Как ты думаешь, может обычная человеческая речь, например, разговор на улице, распространяться с помощью электромагнитных волн? — спросил Карл Борисович, погруженный в свои мысли.

— Электромагнитных волн? — переспросил Сева и задумался. — А при чем здесь волны?

Карл Борисович восторженно так, словно только что проснулся, и еще раз взглянул на лист.

— Хорошо, я бы даже сказал: отлично! Молодец! Продолжай в том же духе, — он развернулся в сторону кабинета, но Сева вцепился в его руку.

— Зачем что-то еще придумывать, если выход уже найден? Сходите до Семена Семеновича и покажите, — повелительным тоном сказал Сева. Он знал, что рискует, ведь Карл Борисович не любил, когда ему указывали. Однако знал также и рассеянность своего руководителя.

— Хорошо, Сева, схожу, — тяжело вздохнув, пообещал Карл Борисович. Зашел в кабинет и крикнул из-за двери. — Но не сегодня.

Сева разочаровано топнул ногой, но снова тревожить профессора не решился. Карл Борисович удостоверился, что Сева ушел и в нетерпении бросился к железному ящику.

— Светочка, ты представляешь, я могу слушать любую радиостанцию мира, — как-то похвастался он жене.

— Слушай, что хочешь, — равнодушно ответила она и продолжила наматывать волосы на горячие бигуди.

— Куда собираешься? — удивленно спросил он, увидев в зеркалах туалетного столика отражение накрашенной Светы.

Она проигнорировала вопрос и продолжила заниматься прической. Карл Борисович немного подождал, пожал плечами и пошел на кухню. В холодильнике лежала открытая банка шпрот и черный хлеб.

— А чем ужинать будем?

— Меня пригласили в ресторан. У Вали день рождения.

— Светочка, а мне чем поужинать?

— Карлуша, я не для того замуж за взрослого мужика выходила, чтобы с ним нянчиться, — раздраженно ответила жена и выругалась, обжегшись об бигуди. — В конце концов, твоя мама живет на соседней улице. Ужинай у нее. Заодно проведаешь.

Карл Борисович взглянул на наручные часы, разочаровано выдохнул и вновь подошел к холодильнику. Он долго жил бобылем и привык питаться консервами. Бутерброд из трех копченых рыбок и куска черствого хлеба выглядел весьма аппетитно для голодного человека. Он в два укуса проглотил бутерброд, запил горячим сладким чаем и вернулся в комнату. Светлана вертелась перед зеркалом. Белая блузка, черная мини-юбка и лаковые сапоги по мнению Карла Борисовича делали его жену вызывающе сексуальной. Однако он, как обычно, промолчал и развернул газету.

— Карлуша, денюжку дай, — протянула Светлана и прыгнула ему на колени. Он мысленно сделал пометку, где закончил читать статью, отложил газету и устало спросил.

— Сколько надо?

Светлана задумчиво посмотрела вверх и приставила палец ко рту. Карл Борисович за три года совместной жизни изучил все ее уловки. Сейчас она считала расходы и умножала их как минимум на три. Но считала медленно, поэтому не стал дожидаться ответа и сказал:

— Кошелек в кармане пиджака. Возьми сколько надо.

— Я уже смотрела. Там мало, не хватит, — захныкала она и обидчиво скривила губы. Карл Борисович вспомнил, что так и не нашел времени сходить в кассу за зарплатой. Поэтому скрепя сердце сказал:

— Возьми из кубышки.

Светлана чмокнула в щеку, покрытую жесткой щетиной, укололась и снова обидчиво хныкнула:

— Некоторые каждое утро бреются.

Карл Борисович провел ладонью по щетине и виновато опустил голову. Работа часто выбивала его из реальной жизни. Бывало, забывал поесть, пропускал дни рождения родных, надевал один и тот же костюм, пока локти и манжеты не начинали лосниться от грязи. Пять лет назад он так увлекся разработкой охладительного аппарата для Пивзавода, что пришел на работу в пижаме и в ботинках на босу ногу. Именно тогда он и поставил экспериментальные кондиционеры на седьмом этаже административного здания своего завода. Семен Семенович не раз просил установить кондиционер в его кабинет, но загруженный работой Карл Борисович так и не нашел на это времени.

Светлана вспорхнула с колен и бросилась в кабинет. Мать Карла Борисовича надеялась, что эта комната превратится в детскую, но ни Карл Борисович, ни Светлана речь о детях никогда не заводили. Их устраивала такая жизнь.

Кубышка стояла на полке с посудой, статуэтками и колокольчиками, сделанными из глины. В одно время Карл Борисович увлекся поиском необычных вещей из глины, однако быстро остыл. Пузатая кубышка с рельефными боками была доверху наполнена аккуратно сложенными купюрами. Светлана отсчитала нужную сумму и спрятала деньги в кожаную сумочку. В самом начале совместной жизни они договорились, что деньги в кубышке лежат на «черный день», и их следует тратить только по очень важным поводам. Если бы Карл Борисович знал, что Светлана считала важным поводом каждый поход в магазин, то давно бы уже пересчитал накопленные деньги и, что было бы лучше, перепрятал их втайне от жены.

Он проводил жену до двери и неодобрительно цокнул вслед, когда увидел, что юбка едва прикрывала нижнее белье. Светлана не обратила внимания и принялась спускаться по лестнице, осторожно вышагивая в неудобных лаковых сапогах.

Уважаемый читатель, чтобы не пропустить новые главы, не забудь подписаться и добавить книгу в библиотеку!

Пьяная Светлана ввалилась в квартиру в пятом часу утра. Карл Борисович в это время завтракал горячим сладким чаем, так как больше ничего не было.

— Карлуша, ты меня ждешь? — спросила она, с трудом стягивая сапоги.

— Нет, дорогая, на работу собираюсь, — он поднял ее на руки и отнес на кровать. Такое случалось почти каждую пятницу, поэтому Карл Борисович не придавал этому событию никакого значения. От Светланы пахло алкоголем, сигаретами и духами.

Он принялся раздевать посапывающую жену, изредка пытающуюся его ударить. Пьяная, она часто набрасывалась на него, а протрезвев просила прощения. Хотя последние два раза сделала вид, что ничего не помнит. Карл Борисович терпеть не мог выяснять отношения. Разборки лишали его сил и вдохновения, поэтому предпочитал молчать или уходить из дома.

Он снял некогда белую блузку и увидел торчащий из бюстгальтера клочок бумаги. Медленно, чтобы не разбудить, вытащил и развернул. Посередине листа корявым почерком был записан номер телефона.

«Что за номер? Вечером спрошу, если не забуду», — подумал Карл Борисович и положил бумажку на прикроватную тумбочку. Затем расстегнул задравшуюся мини-юбку и, взглянув на часы, направился к дверям. Сегодня Семен Семенович ждет его с докладом, надо подготовиться.

Черный джип, так нравившийся Светлане, доставлял массу неудобств. Во-первых, Карл Борисович был согласен с теми, кто утверждал, что богатством кичиться — дурной тон. Во-вторых, громоздкая машина занимала много места на парковке и узких улочках города. В-третьих, привлекала внимание подозрительных лиц, среди которых могли быть угонщики. Хотя преступная волна, наводнившая большие города страны, до них пока не добралась, Карл Борисович прекрасно понимал, что это дело времени.

Он подошел к кабинету и произвел привычный ряд действий: огляделся, открыл дверь, снова огляделся и запер дверь изнутри. Оглядываться, чтобы убедиться, что никто не подсматривает, он начал со школьной скамьи. Не любил, когда списывали, и считал бессовестными тех, кто нечестно пользовался его умом.

На столе лежала стопка листов с предложениями от сотрудников. Карл Борисович выбрал наиболее подходящие, внимательно изучил и подготовил на каждое изобретение речь. Затем скрутил листы в трубочку, вышел из кабинета и запер дверь.

Раскрасневшаяся Алла Шалвовна как раз дырявила стопку документов шилом.

— Карл Борисович, опять припозднились, — с укором сказала она и смахнула волосы, прилипшие к потному лицу. — Семен Семенович сердится. Дословно сказал так: пусть бегом бежит это «исчадие Да Винчи».

— Ого, вот как закрутил. Молодец, — похвалил Карл Борисович и похлопал в ладоши. — В прошлый раз назвал «отростком Коперника».

— Ага, — улыбнулась она. — А когда ругается из-за кондиционера, то обзывает «выродком Теслы».

Они рассмеялись. Алла Шалвовна махнула рукой, поторапливая. Карл Борисович почувствовал, как жар приливает к лицу, и расстегнул ворот рубашки. Директора он совсем не боялся, однако, не любил ссор и разборок.

Он легонько постучал и зашел в душный кабинет. Семен Семенович дремал на кресле и

блаженно улыбался.

— Семен Семенович, я пришел. Как вы и велели, — громко сказал он.

— А, — встрепенулся директор и чуть не свалился с кресла. — Ты что здесь делаешь?

— Сами же вызвали, — удивленно произнес Карл Борисович.

— Да-да-да. Проходи, садись, докладывай.

Семен Семенович притянул к себе поднос, на котором стояли графин с водой и стакан. Вода была теплая, поэтому он сморщился и отставил стакан. Карл Борисович тем временем сел напротив, развернул записи и принялся объяснять каждое изобретение.

— Я тебя не узнаю, — опешил директор, после того как выслушал профессора. — Прошло два месяца, а ты приносишь мне чехол для гитары, картофелечистку и горшки для рассады?

— Чехол для гитары — это пример использования. Можно сделать чехол для контрабаса или скрипки. Суть остается прежней. Как и горшки для рассады. Кто мешает в такой горшок посадить кактус или герань?

— Нет, это не годится. У нас не так много музыкантов, и вряд ли домохозяйки возьмут в руки полиэтиленовую картофелечистку и откажутся от ножа. Думай, Борисович, думай, — Семен Семенович встал и подошел к окну. — Ты же прекрасно понимаешь, если завод закроется, твои прихлебатели...

— Сотрудники, — поправил Карл Борисович.

— Ну ладно, сотрудники. Так вот, они останутся без работы. Городок у нас маленький, рабочих мест ограничено. Помни: мы в ответе за тех, кого приручили, — он поднял указательный палец вверх и многозначительно посмотрел на профессора. — Осталось не так много времени, поторопись.

Карл Борисович кивнул и вышел. Алла Шалвовна сидела на диванчике для посетителей и ела конфету. Шило торчало в стопке бумаги. Не говоря ни слова, профессор подошел и, навалившись всем телом, продырявил документы до конца. Алла Шалвовна поблагодарила, вытащила из кармана еще одну конфету и протянула:

— Заслужил.

Карл Борисович засунул конфету за щеку и направился к лифту.

Каждый день Карл Борисович приходил на работу в шесть утра и уходил около полуночи. Он похудел и осунулся, но глаза горели. Кто-то считал, что азартом, кто-то — сумасшествием. Сотрудники научно-технического отдела посовещались и решили, что профессор помешался на очередной разработке.

— Лично я думаю, что наш КБ уже придумал, что мы будем выпускать из полиэтилена, и сейчас занимается тем, что проектирует новые станки, — сказал Костя на обеденном перерыве. Они с Севой сидели на скамейке в парке и кормили хлебом уток.

— Если так, то нечестно об этом молчать. Мы бы перестали ломать голову.

— Подожди, — удивился Костя. — Ты все еще работаешь над этим?

— Конечно. А ты нет?

Костя прыснул так, что утки испуганно закричали и уплыли. Отсмеявшись, он вытер слезы с уголков глаз и ответил:

— Нет, и уже давно. Как и остальные.

— А вот и неправда, — вспыхнул Сева. — Мы с Аней только на прошлой неделе обсуждали ее задумку по поводу столовых приборов.

— Хорошо, — согласился Костя. — Кроме тебя и Аньки.

— Но ведь каждый понедельник все приносят подписанные листы с предложениями.

— Да, приносят. Но он их ни разу не читал, иначе бы заметил, что я горшки для детских садов приношу уже в шестой раз!

Сева задумчиво уставился на воду. Костя встал, крошил оставшийся хлеб голубям и дружелюбно сказал:

— Не расстраивайся. Мудрость приходит с опытом. Пошли на работу, обед закончился.

Они зашагали в сторону завода, уворачиваясь от мчащихся навстречу подростков на велосипедах.

«Если КБ не расскажет о контейнерах, я сам пойду к директору», — подумал Сева и настроение сразу улучшилось.

Карл Борисович сидел у радиоприемника и слушал уже знакомых музыкантов. Он даже дал им имена: Струнный и Духовой. Струнный сегодня был в хорошем расположении духа и наигрывал веселую ритмичную мелодию. Духовой изредка включался, но потом и вовсе замолк.

Профессор исписал весь блокнот, но так и не смог перевести ни единого слова. Поход в библиотеку на прошлой неделе не принес результатов. Русско-португальского словаря у них не оказалось. Зато в магазине «Музыкальный мир» он нашел пластинку с популярными ариями разных стран. Одна из арий была на португальском языке. Карл Борисович попросил продавца включить арию и прослушал ее несколько раз. Однако ни одного знакомого слова не услышал.

— И вообще, с чего я решил, что они говорят по-португальски? — допытывался он у истукана. — Может, это язык какой-нибудь африканской страны?

Он развернул ватман, на котором вчера изобразил циферблат, но вместо цифр написал то, что слышит. Цифру двенадцать он обозначил, как «Деревня». Там всегда было много людей. Они что-то горячо обсуждали, стучали ложками и весело смеялись. На цифре один слышались голоса молодой пары, которая то ласково мурлыкала, то яростно ругалась. На остальных цифрах говорили редко и в основном пожилые люди. С четырех до одиннадцати голосов вообще не было, только журчание воды и пение птиц. Два раза в полной тиши кабинета раздавались громогласные раскаты, от которых Карл Борисович испуганно подпрыгивал. В промежутке между одиннадцатью и двенадцатью играли Струнный и Духовой.

Он вытащил радиоприемник из сейфа, вытянул усики в направлении цифры двенадцать и включил на полную громкость. Голоса заполнили кабинет. Он откинулся в кресле, закрыл глаза и перенёсся в деревню. Бревенчатые дома располагались вокруг расчищенной от кустов площади, посреди которой стояли столы и скамейки. Кто-то вынес выпечку и угощал соседей, кто-то вырезал из сука ложку, кто-то плёл корзину из коры. Карл Борисович не заметил, как уснул.

— Спасибо, Луиза, вы восхитительный кулинар, — услышал он сквозь сон.

«Светочка телевизор смотрит», — подумал профессор, попытался удобнее улечься и понял, что сидит в кресле. Он вскинулся и прислушался. Гул голосов все так же доносился из динамика радиоприемника, но теперь профессор понимал каждое слово.

— Аймо, пойдём мяч погоняем.

— Нет, я хотел крышу починить. Птицы снова наделали дыр.

— Луиза, можно еще кусочек? Оливер уступил мне.

Ошеломленный профессор прильнул ухом к динамику и тихо повторял:

— Этого не может быть. Быть этого не может.

Тем временем, женщина бархатистым голосом подозвала Оливера и велела:

— Отнеси пудинг старику Савелию, опять забыл прийти на ужин.

— Луиза, ты бы слышала, как он вчера играл, — восхищенно сказал Оливер. — Как глухой человек может так играть? Уму непостижимо.

— Надеюсь, вы нас снова порадуете своим дуэтом, — вмешался еще один женский голос, но уже более взрослый, с небольшой хрипотцой. Оливер издалека что-то ответил, но Карл Борисович не расслышал. Он убавил громкость, подбежал к двери и выглянул в коридор. Уборщица Мария, поднявшись на стремянку, протирала плафоны круглых светильников.

— Маша, где все?

— Здравствуй, Карлуша, — укоризненно сказала она. — Все — уже дома. Спать ложатся.

— Как спать? Сколько времени? — удивился профессор и взглянул на наручные часы. — Половина десятого.

— Конечно. Я вот разберусь с этим светильником и тоже домой.

Тут Карлу Борисовичу пришла идея.

— Машенька, зайди ко мне, пожалуйста, — попросил он и мило улыбнулся. Мария вытаращила глаза и прижала руку с тряпкой к груди.

— Нет-нет, — испугался профессор. — Это не то, что ты подумала. Мне помощь нужна.

Мария с облегчением выдохнула, спустилась со стремянки и вошла в кабинет. Карл Борисович указал на радиоприемник и спросил:

— На каком языке они говорят?

Мария вслушалась и пожала плечами.

— Я только немецкий немного знаю. Эту тарабарщину не могу разобрать.

Тем временем двое мужчин обсуждали рыбалку и Карл Борисович понимал все, что они говорят.

— Они точно не по-русски разговаривают?

— Ты что, за дуру меня держишь? — напустилась Мария. — Сам-то послушай.

Она развернулась и вышла из кабинета, бормоча под нос.

Когда Карл Борисович захлопнул за собой дверь, Светлана перестала притворяться, что спит, и с наслаждением вытянулась в кровати. Утреннее солнце золотило комнату, с улицы доносилось пение птиц. Она мечтательно улыбнулась, вспомнив вчерашнюю встречу.

— Какая ты красивая, — восхищенно произнес Артем, разглядывая ее обнаженное тело. — Твоему мужу повезло с такой женой.

Она шутливо ущипнула его за щеку и принялась одеваться.

— Ему со мной повезло, а мне с ним — нет.

Артем сразу посерьезнел и, повернувшись на бок, спросил:

— Почему? Тиранит?

Светлана усмехнулась и с резким звуком застегнула молнию на юбке.

— Нет, он не такой. Хотя сама не знаю, какой он. Весь в себе. С одной стороны, мне же лучше. Но с другой, — она задумалась. — Иногда так хочется поскандалить, а не с кем.

Артем резво вскочил с постели, подбежал и поднял ее на руки. Светлана взвизгнула и ударила ладонью по голой груди.

— Скандалить и со мной не надо. А вот супружеский долг возьму на себя.

Он бросил ее на кровать и приземлился сверху, страстно стягивая одежду. Это было их второе свидание после знакомства в ресторане. Светлана даже не старалась скрыть зарождающийся роман. Все равно Карл Борисович перестал обращать на нее внимание и приходил домой только поспать.

Она вынырнула из воспоминаний и крепко обняла подушку, представляя, что это Артем. Затем вылезла из-под одеяла и пошла на кухню. На столе стояли открытая банка колбасного фарша, тарелка с яичницей и два куска батона с маслом. Карл Борисович всегда готовил завтрак на двоих. Она налила чай, сложила еду на поднос и вернулась в спальню. Затем включила телевизор и воткнула в видеомагнитофон кассету с индийским фильмом. Раньше она проводила весь день в кровати за просмотром фильмов. Неважно, каких, от голливудских боевиков с эффектными взрывами и горами трупов до слезливых мелодрам. Так проходил каждый день, не считая редких походов по магазинам и пятничных встреч с подругами. Однако теперь, с появлением Артема, жизнь Светланы заискрилась и наполнилась яркими эмоциями и мечтами.

Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, Светлана бросилась к телефону и набрала его номер. Клочок бумаги, который Карл Борисович нашел в ее бюстгальтере, покоился в мусорном баке. Она знала номер наизусть.

— Алло, — услышала раздраженный голос, и пыл поубавился.

— Привет. Это я, — она попыталась придать голосу уверенности. — Как дела?

— Ты на часы смотрела? Еще семи нет, — сухо сказал Артем, проигнорировав вопрос.

— Прости, не посмотрела, — она со злостью пнула пуфик и тут же пожалела. Больно хрустнул большой палец. — Какие планы на сегодня?

— Товарняк приходит вечером. Пойду разгружать, деньги нужны.

— Ты что, грузчиком работаешь? — прыснула она.

— Да. И что? — огрызнулся он. — Тебя что-то не устраивает?

Светлана притихла, наматывая шнур от трубки на палец. Она хотела сохранить эти дивные страстные встречи, поэтому решила быть сдержанней в эмоциях.

— Всё устраивает, кроме того, что мы не сможем встретиться.

— Да, жаль.

Наступила пауза. Светлане пришла мысль, которую она тут же озвучила:

— Я дам денег. Сколько надо?

— Серьезно? — она улыбнулась, услышав его радостный голос.

— Конечно.

— Ну, за жильё надо заплатить, еды купить, кеды порвались, — принялся перечислять он. — Думаю, для начала четыреста тысяч хватит.

«Для начала?» — удивилась Светлана, но ничего не сказала. В конце концов Карл Борисович зарабатывал хорошо и, бывало, за одно посещение гастронома она тратила больше.

— Хорошо. Принесу. Когда встречаемся? — несмело спросила она.

— Да хоть сейчас. Теперь я могу с тобой целый день провести, — последнюю фразу он страстно прошептал и чмокнул в трубку. Светлана закрыла глаза и томно промурлыкала:

— Уже лечу, мой зайчик.

Карл Борисович припарковал джип, схватил портфель и бросился к проходной. На входе его за руку схватил запыхавшийся Сева.

— Здравствуйте, Карл Борисович! Я кричу-кричу, а вы даже не обернулись.

Растерянный профессор уставился на него, затем расплылся в улыбке.

— А, Сева, здравствуй. Не слышал. Что ты хотел?

— Хотел спросить насчет контейнеров. Ходили к Семену Семеновичу?

Карл Борисович задумчиво насупил брови.

— Я приносил вам проект на прошлой неделе. Контейнеры для еды, — пытался помочь Сева.

— А-а-а, — протянул профессор. — Контейнеры для еды. Конечно, помню. До маразма мне еще далеко.

— И? — не отступал Сева.

— Думаю, это прекрасная идея. Семен Семенович обязательно одобрит.

Карл Борисович похлопал Севу по плечу и прошмыгнул за дверь. Сева выругался, топнул ногой и поплелся следом.

Через час, когда все сотрудники были на местах и старательно делали вид, что заняты работой, на седьмом этаже появился Семен Семенович в сопровождении Аллы Шалвовны. Он шел по широкому коридору, кивая на приветствия, и наслаждался прохладным ветерком от потолочных кондиционеров. Алла Шалвовна забежала вперед и показала на дверь кабинета.

Семен Семенович громко постучал и крикнул:

— Карл Борисович, выгляни в окошко! Дам тебе горошка.

Алла Шалвовна захихикала. Шум привлек любопытных, которые, увидев директора, тут же ретировались.

— Спишь ты там, что ли?

Дверь открылась и выглянул покрасневшийся Карл Борисович.

— Семен Семенович, что-то случилось? — испуганно пролепетал он и пригладил волосы на затылке.

— Случилось-случилось. Дай пройти.

Директор отодвинул оторопевшего профессора, зашел в кабинет и огляделся.

— Уютненько, — он наклонился к полке с миниатюрными образцами приборов и аппаратов. — Мой сын в детстве отдал бы всё за такие игрушки.

Он со стоном выпрямился, подошел к столу и плюхнулся в кресло. Алла Шалвовна закрыла дверь и села на краешек стула в углу кабинета.

— Борисович, время идет, а от тебя толковых предложений пока не было. Но, говорят, ты здесь что-то мастерешь. Покажешь?

Семен Семенович уставился на растерянного профессора и принялся вертеть статуэтку истукана. Карл Борисович, в попытке найти союзника, умоляюще посмотрел на Аллу Шалвовну, однако та одобрительно кивнула и улыбнулась.

— Есть у меня одна идея. Но она на стадии разработки, — промямлил он и прикоснулся к пылающим ушам. — Не хочу показывать, пока...

— Показывай, — велел директор и ударил истуканом по столу.

Карл Борисович принялся судорожно придумывать оправдание, но вспомнил разговор с Севой и облегченно выдохнул. Он подошел к столу и взял стопку листов с разработками.

Проект с контейнерами лежал сверху. Профессор окинул его взглядом, порадовался тщательно проведенной работе и протянул лист Семену Семеновичу.

— Контейнеры для еды. Больше не надо думать, во что завернуть обед ребенку и мужу. Дома, в дороге, на работу — куда угодно. Можно выпускать разных размеров.

Семен Семенович расцвел и закивал головой.

— Очень хорошо! Я знал, что на тебя можно положиться. Ты гений!

Он поднялся и направился к двери. Алла Шалвовна подмигнула профессору и засеменила за директором. Карл Борисович выдохнул, устало опустился на стул, на котором только что сидела Алла Шалвовна, и принялся считать пульс на запястье.

— Какой молодец, Борисович! — восхищенно произнес Семен Семенович и нажал на кнопку вызова лифта. — Отлично придумал! Контейнеры для еды точно выстрелят. Надо рекламу забаббахать и отвезти в Москву. Пусть акционеры выдохнут.

Они зашли в лифт и не заметили Севу, подошедшего сзади. Он остался стоять в коридоре, пораженный услышанным.

Карл Борисович поставил на стол радиоприемник, повернул усики усилителя на «Деревню» и включил. Многоголосье разлилось по кабинету. Веселый смех детей вперемешку с тьяканьем собаки слышался приглушенно, издалека. Зато разговор взрослых звучал так, будто профессор сидел рядом с ними.

— Хороша уха, — послышался мужской голос и причмокивание. — Моя матушка такую же готовила, только с картошкой.

— Да, плохо, что картошки нет. Сейчас бы картофельный гратен с сыром. М-м, — ответил старческий голос и тоже захлебал.

— Луиза, можно добавки? — крикнула женщина и тихо сказала. — Я этой картошкой на всю жизнь наелась. Во время войны одной картошкой питались.

— Вера, о какой войне ты говоришь? — полюбопытствовал старик.

— О Гитлеровской. С Союза я.

— Гитлеровской? Нет, не знаю. Меня тогда на земле уже не было. Я раньше переселился.

Озадаченный Карл Борисович повернул рукоятку на полную громкость. По голосу Вера была не старше тридцати лет. И что значат слова старика: «Меня тогда на земле уже не было?» Тем временем разговор продолжался.

— Когда вы переселились, Гюстав? — спросила Вера.

— Как только женушка покинула меня. Луиза сказала, что те времена стали называть «Сумасшедшие двадцатые». Не знаю. На моем шато ничего сумасшедшего не было. Кроме одиночества.

Повисло молчание, прерываемое стуком ложек, смехом детей и счастливым лаем собаки. Карл Борисович повернул усики в промежуток между одиннадцатью и двенадцатью. Печальная мелодия Струнного зазвучала из динамика.

— Интересно, — профессор поставил истукана к себе лицом и принялся задумчиво разглядывать знакомую статуэтку.

— Совсем запутался и никак не могу сообразить, — признался он истукану. — «Сумасшедшие двадцатые» были во Франции в двадцатом веке, после Первой мировой войны. Как старик мог жить в то время? Опять же эта Вера. По голосу — совсем молодая.

Карл Борисович вскочил с кресла и принялся ходить по кабинету, почесывая заросшую щеку.

— Люди разных возрастов, из разных стран, живущие в разное время — сидят вместе и общаются. Как такое возможно?

Он то подходил к столу, то смотрел в окно, то прислушивался к музыке Струнного. Прошло около получаса, но профессор продолжал без устали мерять шагами кабинет.

Вдруг пришла мысль, за которую он ухватился, вытянул, как шнурок, и с облегчением замотал в клубок понимания. Для такого эрудированного человека, как Карл Борисович, что-то не знать или не понимать равносильно тому как если бы атлет не мог поднять пятикилограммовую гирю. Он плюхнулся в мягкое кожаное кресло и доложил истукану:

— Это столовая психиатрической больницы. Сидят там эти Наполеоны с Пушкинами и басни травят. С этим разобрались. Но как быть с тем, что разговаривали они сначала на непонятно каком языке, а потом на русском? Хотя, Маша говорит — тарабарщина. Опять же,

как вообще радиоприемник ловит обычную человеческую речь?

Он снова принялся чесать щеку, пока та не отозвалась жжением. Пару раз вскидывал вопросительный взгляд на истукана, но тот безмолвствовал.

— Эх, придется Воле позвонить, — махнул рукой профессор и схватил трубку. Номер старинного друга он помнил наизусть, но пальцы то и дело соскакивали с барабана. После нескольких попыток из трубки зазвучали гудки.

— Алло, — послышался ленивый голос.

— Алё, Вовка, это я. Ты спишь, что ли?

— А, Карло, привет! — вмиг оживился друг. — Конечно, сплю. Что же еще на пенсии делать?

— М-да, пенсия, — протянул профессор и, загнав подальше ерепящуюся гордость, продолжил. — Я посоветоваться с тобой хотел.

— А я тебе говорил, что ей только денег надо.

— Я не про то, — перебил его Карл Борисович. — Помнишь, про радиоприемник тебе рассказывал?

— Не-а, — признался Вова после паузы.

— Не важно. У меня такой вопрос. Может ли речь обычного человека каким-то образом превратиться в радиоволну без помощи передатчика?

— Карло, ты меня пугаешь, — посерьезнел Вова. — У тебя, похоже, старческая деменция началась. Ты бы кроссворды порешал, а то...

— Я серьезно. Можно ли услышать через радио речь человека на улице? Всё-таки речь — тоже излучение.

— Акустическое излучение, — по слогам проговорил он. — А не электромагнитное.

— Но всё-таки это волны! — возмутился Карл Борисович. — Может, мы просто чего-то не знаем, и в определенных условиях они могут как-то...

— Карло, — перебил Вова. — Сядь на скамейку рядом со своими студентами и еще раз пройди физику. Не морочь мне голову. Светке привет.

Профессор услышал короткие гудки и положил трубку. Друг был прав. Такой вопрос мог задать только студент-двоечник.

Светлана жарила яичницу в общей кухне коммунальной квартиры. На соседней конфорке варились пельмени. Лысый мужичок в нетерпении смотрел на часы.

— Готово! — воскликнул он, выключил газ и, схватив кастрюлю, засеменил в свою комнату.

Артем подошел сзади и приобнял Светлану.

— Есть так хочется. Не готово еще?

— Почти. Поставь тарелки, сейчас принесу, — промурлыкала она и чмокнула в губы. Артем шлепнул ее по ягодицам и ушел.

— С каждым разом все распутнее, — услышала она сзади недовольный голос.

В дверях стояла худая сутулая старуха и с презрением смотрела на ее голые ноги. Светлана одернула рубашку Артема, но от этого та не стала длиннее. Старуха зашаркала по кафельному полу до белья, висящего у окна на веревках.

— Каждый раз новых таскает, — продолжала она, стягивая застиранные панталоны и складывая на подоконник. — До тебя пухлая была. Даже толстая. С бульдожьими щеками. Тоже стряпала без конца. То котлеты, то блины. Напекла целую стопку блинов и даже не

поделилась... А до нее была пацанка. Стопроцентная пацанка. Ни сисек, ни жопы, и волосы короткие. Постоянно курила в туалете. А у меня астма, мне дым нельзя. Получила по горбу клюкой, больше не показывалась.

У Светланы испортилось настроение. Она схватила сковородку и вернулась в комнату Артема.

— Пахнет вкусно. Накладывай.

Светлана грохнула сковородой по столу, отчего стаканы с вином подпрыгнули, уперла руки в бока и сурово спросила:

— Ты бабник, что ли?

Артем приподнялся с кровати.

— Не понял.

— Соседка твоя сказала, что ты каждый раз новых таскаешь, то толстух, то курильщиц.

Артем запрокинул голову и громко рассмеялся:

— Нашла кого слушать. Нет, ты не подумай, я не отрицаю и хочу признаться: до тебя у меня были девушки. Аж целых три!

Он вновь повалился на подушки, уставился в экран телевизора и жалобно протянул:

— Как кушать хочется.

Светлана усмехнулась и выложила яичницу на тарелку. «Для двадцатисемилетнего красавца три девушки — почти однолюб». Она отпила красное вино из стакана и позвала Артема к столу.

Сева топтался у двери приемной директора, не решаясь войти. Сначала он хотел пойти к Карлу Борисовичу и поругаться. Высказать, что, мол, за несправедливость такая, воровать чужие идеи. Он представил, как профессор сначала покраснеет, затем начнет извиняться, но кончится всё тем, что скажет:

— Какая разница, кто придумал? Мы работаем для общего блага.

Может, даже премию выпишет и перед отделом похвалит, но Севе этого было мало. Он понимал, что Карл Борисович стареет, и вскоре его попросят уйти на пенсию, а на место начальника назначат кого-то из отдела, кого-то стоящего. Назначать этого кого-то будет, естественно, директор. Поэтому сейчас надо напомнить Семену Семеновичу о своем существовании. Сева обдумал дальнейшие шаги: сегодня расскажет, как спас завод от закрытия, завтра, если повезет, уступит последнюю котлету в столовой, а послезавтра подружится с директорской дочкой.

Однако, чем ближе он подходил к кабинету директора, тем быстрее спадал пыл, а возле приемной и вовсе ушел в минус. До пенсии Карла Борисовича мог пройти год-два, а может, и все пять. Поэтому ссориться с ним было плохой идеей. Сева развернулся и быстро зашагал прочь.

— Эй, ты куда рысью поскакал? — послышался сзади голос Аллы Шалвовны. — Видела, терся у приемной. Выкладывай, что хотел?

Сева с досадой топнул ногой и повернулся.

— Хотел с директором поговорить. Но это не к спеху. Могу позже зайти.

— Зачем позже? Он один, заходи, — велела Алла Шалвовна и смачно откусила кусок от яблока. — После обеда в налоговую едет, поэтому до завтра его не увидим.

— Вот и хорошо, — обрадовался Сева. — Не хочу настроение портить. Пусть к налоговой готовится.

Он приставил руку к голове, рефлекс после армии остался, и помчался в сторону лифта. Алла Шалвовна пожалала плечами и бросила огрызок в корзину.

— Какой начальник — такие и подчиненные. Странные.

Карл Борисович зашел в квартиру и устало опустился на банкетку в прихожей. Из спальни доносилось веселое щебетание Светланы. Он снял обувь, носки и пошлепал по полу.

— Бедненький, спину потянул, — посюсюкала Светлана в трубку. — Завтра массаж сделаю. У меня есть барсучий жир.

Карл Борисович остановился в дверях спальни и принялся стягивать галстук. Светлана обернулась и вздрогнула.

— Марина, завтра принесу жир. Натрешь им спину мужа. Ну всё, пока, — быстро закончила она разговор. — Милый, ты чего так рано?

Карл Борисович пожал плечами, погруженный в свои мысли. Светлана помогла снять пиджак, повесила на вешалку и участливо спросила:

— Неприятности на работе?

— Нет, на работе всё хорошо. Просто я устал что-то. Выдохся.

Он разделся, схватил полотенце и поплелся в душ. Вода успокаивала и расслабляла, хотя мысли беспрестанно крутились вокруг нерешенных вопросов. Он выключил воду, надел махровый халат и пошел на кухню. На плите шумел чайник, готовясь закипеть. Светлана нарезала сырокопченую колбасу на деревянной разделочной доске и исподлобья поглядывала на мужа.

— У тебя как дела? — он положил кружок колбасы на хлеб и принялся тщательно пережевывать.

— По-прежнему, — равнодушно ответила она.

— В последние дни ты изменилась, — продолжал профессор. — Стала спокойнее и мягче. Нашла занятие по душе?

Светлана задумалась, пожалала плечами и выключила свистящий чайник.

— Может, возраст? Всё-таки не молодею.

Карл Борисович потянулся, схватил жену за талию и посадил к себе на колени.

— Похоже, я снова увлекся и забыл о тебе. Хочешь, завтра отпрошусь и проведу целый день с тобой?

Светлана вскочила и на ходу ответила:

— Нет, не хочу.

В спальне заговорил телевизор. Карл Борисович налил чай в большую глиняную кружку, сделал еще бутерброд и тоже пошел в спальню. Светлана полулежала на подушках и делала вид, будто слушает диктора, говорившего о прелестях жизни на даче. Профессор сел на пуфик и принялся с шумом пить горячий чай.

— Меня бесит, когда ты так делаешь! — взорвалась она. — Ты не можешь разбавить холодной водой или подождать, когда остынет? Почему я должна отвлекаться на твоё хлюпанье?

Она встала с постели, схватила журнал «Крестьянка» и прошествовала в гостиную. Карл Борисович доел бутерброд, поставил кружку на столик и пошел следом.

— Ты вся на нервах. Что-то случилось? — спросил он и опустился на краешек дивана.

— Ничего не случилось, — огрызнулась она.

— Ты недовольна, потому что я не уделяю тебе внимания?

— Вот этим-то я как раз довольна. Можешь совсем домой не приходиться, — выпалила она.

Карл Борисович улыбнулся и погладил ее по голой коленке.

«Точно. Обиделась, что дома редко бываю», — подумал он и сказал:

— Всё-таки я отпрошусь с работы. Сходим с тобой в театр, посидим в кафе, на велосипедах покатаемся.

— Не люблю я велосипед, — буркнула Светлана.

— Любишь-любишь, — ласково сказал он и обнял, словно капризного ребенка. — Ты же на велосипеде ездила, когда мы познакомились.

Светлана усмехнулась, вспомнив, как взяла соседский велосипед и специально упала возле его машины. Разодранная коленка зажила быстро. Так же быстро влюбился и профессор, который до этого считался закоренелым холостяком.

— Как же ты заворожила такого неприступного богатея? — удивлялась подруга Марина. — Говорили, что он на женщин даже не смотрит.

— В том-то и дело, — Светлана демонстративно обмахивалась веером из новеньких купюр. — Надо было сделать так, чтобы он посмотрел.

Карл Борисович вздрогнул от резкого телефонного звонка.

— Я возьму, — встрепенулась она, но профессор уже вскочил с дивана.

— Это, наверное, Вовка. Я ему звонил сегодня, — на бегу крикнул он и схватил трубку.

— Ты почему меня Мариной назвала? — послышался пьяный мужской голос. — Во сколько тебя завтра ждать?

Светлана, прибежавшая следом, услышала голос Артема и в ужасе уставилась на мужа. Однако Карл Борисович пожал плечами и положил трубку.

— Похоже, номером ошиблись. Пойдем в кровать, хочу выспаться.

Она с облегчением выдохнула и кивнула. Затем украдкой, пока Карл Борисович чистил зубы, выдернула шнур телефона, чтобы Артем больше не мог дозвониться.

Светлана стояла возле плиты на кухне коммунальной квартиры и помешивала кипящий гуляш.

— Что горит?! — раздался сзади хриплый крик, и она чуть не уронила ложку в кастрюлю. Старуха подошла и недовольно пробурчала:

— Огонь сбавь, горит.

Светлана выключила плиту, накрыла крышкой кастрюлю и направилась к двери.

— Дай попробовать, — попросила старуха и протянула алюминиевую тарелку.

— Вот еще, — пробурчала Светлана, протискиваясь к приоткрытую дверь комнаты.

Артем лежал на кровати и читал журнал.

— Как мне надоела твоя карга, — пожаловалась она и поставила горячую посуду на подставку. — Такое ощущение, что специально караулит меня.

— Что на этот раз выдумала? — равнодушно спросил Артем. Светлана махнула рукой и принялась накладывать еду в тарелки.

— М-м-м, как вкусно пахнет, — Артем сел за стол и попробовал. — Вкусно. Не знаю что буду делать без твоей еды.

Светлана напряглась и медленно опустилась на стул. Артем, тем временем, с чавканьем разжевывал большой кусок говядины.

— В смысле? — тихо спросила она и принялась нарезать хлеб.

— Ну, я же не могу вечно работать грузчиком. В нашем городе работы для меня нет, значит, надо ехать в другой.

— Ты уже давно не работаешь, — еле слышно сказала она и протянула ему бутерброд с сыром. — Денег нам хватает. Зачем ехать?

Артем зло бросил ложку на стол и вперился в нее взглядом.

— В том-то и дело, что не хватает. Мне не хватает. Я тоже хочу ездить на шикарной машине, как твой муженёк. И по ресторанам хочу ходить, а не хлебать твои харчи.

Он встал, схватил пачку сигарет и вышел из комнаты. Светлана прижала к лицу кухонное полотенце и заплакала.

«Может, не вкусно?» — подумала она, взяла ложку и запихнула в рот горячую еду. Мягкое сочное мясо в ароматном томатном соусе было гораздо вкуснее ресторанной еды. Это она знала точно, ведь Карл Борисович не скупился и приглашал ее в ресторан довольно часто.

«Может, он хочет расстаться и нашел повод?» — ужаснулась Светлана, вскочила и побежала следом за Артемом. Он сидел на скамейке у подъезда и курил.

— Иди ешь, пока не остыло, — она примостилась рядом и положила голову ему на плечо.

— Докурю и пойду, — сухо отозвался он.

— Зачем тебе рестораны? Поверь, я лучше готовлю. У них то салат горчит, то мясо, как подошва, то хлеб деревянный. В студенческой столовой и то вкуснее, чем в ресторане.

Он выкинул окурок в лужу и тяжело вздохнул.

— Не нужен мне никакой ресторан. Просто жизнь такая надоела. Коммуналка эта надоела. Вот ты говоришь, у вас видеомаягнитофон есть и кассеты разные, а у меня нет. Ты в отдельной квартире живешь, а я в бабушкиной комнатке. Муж твой на джипе ездит, а я пешком хожу или на электричке езжу. Мне нищета надоела так, что хоть в петлю лезь.

Светлана отпрянула и ошарашено уставилась на него.

— В петлю? — еле слышно спросила она.

— Да, не вижу смысла жить без радости и удовольствий, — он обнял ее и поцеловал в лоб.

— А как же я?

— А что ты? У тебя все хорошо. Профессор уже старый. Помрет и все тебе оставит. А мне никто ничего не оставит. Родители живут в двушке с младшим братом. И проживут еще долго.

Светлана уткнулась в его грудь и еле слышно прошептала:

— Зато я тебя люблю.

Артем отодвинулся и насмешливо спросил:

— Что ты скулишь? Громче говори или молчи.

Светлана обиженно надула губы и отвернулась.

— Пойдем есть. Пока старуха не свистнула кастрюлю.

Он встал и зашел в подъезд. Светлана услышала, как скрипнула дверь квартиры, и направилась следом.

«Завтра куплю ему видеомаягнитофон и боевики какие-нибудь. И пару фильмов о любви, чтобы вместе смотреть», — думала она, поднимаясь по лестнице.

Карл Борисович выключил будильник и медленно встал с кровати, чтобы не разбудить жену. Он надел тапочки, пошел на кухню и поставил чайник на огонь. Затем отдернул занавеску и посмотрел в окно. По стеклу били крупные капли дождя, сильный ветер наклонял кроны деревьев, солнце пряталось за темными тучами. Лето близилось к концу.

— Ну и погода. Хоть сапоги надевай, — он открыл дверь холодильника и разочарованно выдохнул. На полке стояла кастрюля с гречкой, лежали засохший хвостик копченной колбасы и покрытые плесенью помидоры.

— Эта кастрюля уже неделю стоит. И чем Светик целыми днями занимается?

Он заварил черный чай и стал макать в него твердые галеты, найденные в шкафу за пачкой соды. Тут на кухню пришла сонная Светлана.

— Ты еще здесь? — сквозь зевоту спросила она и тоже заглянула в холодильник. — В магазин не ходил.

— Нет, не успел. А ты во сколько домой пришла? Я не слышал.

— Не знаю, — она насыпала в чашку растворимый кофе и чертыхнулась. — Хотела с молоком попить и забыла, что оно вчера закончилось.

— Да, в холодильнике — шаром покати. У меня много работы, поэтому не успеваю зайти за продуктами. Не могла бы ты сходить в магазин? — спросил он и с упреком добавил. — Раньше ты сама ходила.

Светлана медленно пошла в сторону ванной и на ходу ответила:

— Я, между прочим, тоже занята.

— Чем же это? — изумился профессор. — На работу устроилась?

Светлана повернулась и фыркнула:

— Вот еще! Не для того замуж выходила, чтобы работать. Ты же обещал мне перед свадьбой, что будешь обеспечивать. Вот и держи слово. А я саморазвитием занимаюсь.

— Чем? Прости, не расслышал. Мне показалось, что ты сказала «саморазвитием», — усмехнулся он.

Светлана резко остановилась, захлопнула дверь ванной и размашистым шагом вернулась обратно.

— Ты что хочешь сказать? Что я тупая, да? Тупая?

— Милая, ты чего, — опешил профессор. — Я так не говорил.

— Значит, так, милый, — при слове «милый» ее губы в презрении скривились. — Не надо со мной ссориться, а то уйду. Ты же понимаешь, что мне не составит труда найти другого. А на тебя, такого распрекрасного, никто даже не взглянет. Помрешь в одиночестве.

— Светочка, ты чего? Я ведь действительно не расслышал. Поэтому переспросил, — принялся оправдываться он. — Прости, если обидел.

Светлана сделала вид, что задумалась, хотя повод для ссоры искала давно.

— Ладно, допустим, ты не расслышал. Но ты меня обидел, — она надула губы и опустила голову. — Думаешь, приятно слышать от близкого человека такие оскорбления?

— Светочка, какие оскорбления? — воскликнул Карл Борисович и обнял ее. — Ты самая хорошая, самая милая, самая красивая.

Он принялся целовать ее в лоб, щеки и почти прикоснулся к губам, но она отодвинулась.

— Хорошо, прощаю. Но ты давно меня не баловал. А я хочу новые наряды.

— Я все понял, — улыбнулся он. — Вернусь пораньше с работы и поедем по магазинам.

— Не надо. С Маринкой пойду. Ты все равно ничего в моде не понимаешь.

Карл Борисович поспешил в прихожую и вытащил из кожаного портфеля кошелек.

— Светочка, тебе сколько?

Она подошла, вытащила деньги из кошелька и пересчитала.

— Карлуша, я же сказала: наряды, а не носки, — она поцокала языком и протянула ладошку.

Он снова залез в чемодан и вынул из потайного кармашка туго закрученный рулетик денег.

— Ого! — она схватила его, стянула резинку и расправила бумажные купюры. — Так вот где ты заначку от меня прячешь.

Карл Борисович махнул рукой и усмехнулся:

— Это ко мне вчера главный энергетик Молокозавода приходил. За проект установки деньги принес. Два месяца из руководства их выбивал. Как ты меня научила, сказал, что сначала деньги. А то привыкли даром брать.

— Молодец, — похвалила она.

Он с удовольствием наблюдал, как светлеет лицо и расплзается улыбка, пока она пересчитывала деньги.

— Да здесь на машину хватит, — с восторгом сказала она и прикоснулась к покрасневшимся щекам.

Он пожал плечами и обратно забрал деньги.

— Надо на сберегательную книжку положить.

— Подожди, а мне, — спохватилась она. — Ты обещал.

Светлана вытянула руку и вопросительно уставилась на него. Карл Борисович отсчитал половину и отдал ей.

— Спасибо, — она чмокнула его в губы и закружилась в вальсе. — Теперь мне на все хватит. Кстати, может, не будешь на книжку класть? Вдруг пригодятся.

Он скрутил деньги, перевязал резинкой и направился в кабинет.

— Ну да. Оставлю дома.

— Дай, я положу, — спохватилась она. Если бы Карл Борисович заглянул в кубышку, то сразу бы увидел, что денег там осталось меньше половины емкости. Поэтому Светлана выхватила рулетик и быстро скрылась в кабинете. Однако, прежде чем положить, вытащила еще несколько купюр и спрятала в бюстгальтере.

Карл Борисович надел костюм и печально вздохнул, оттирая пятно клея на рукаве.

— Светочка, — позвал он. — Как наша новая стиральная машина работает?

— Работает, — отозвалась она из спальни.

— Надо бы костюмы постирать, а то все грязные.

— Хорошо, постираю, — с раздражением ответила она и сделала телевизор громче.

«Что это с ней творится? Надо к маме сходить, посоветоваться», — он надел сапоги, схватил портфель и вышел из квартиры.

Карл Борисович зашел в кабинет, закрылся и подошел к сейфу.

— Что же делать мне с тобой? Как понять? — обратился он радиоприемнику, вытаскивая его из железного ящика. — Может, в Москву позвонить? Но кому?

Он поставил радиоприемник на стол, включил и вытянул усики.

— Как хорошо здесь, — послышался довольный голос Гюстава. — Я только об одном жалею.

— О чем же? — спросила Луиза.

— Что жена моя по-другому умерла.

— Ты думаешь, мы умерли? — удивилась она.

— Ну, а как же? Там умерли и появились здесь.

— Не-ет. Мы сразу появились здесь. А там пропали.

Тут в разговор вмешался еще один мужчина, имени которого Карл Борисович не знал:

— Я тоже так думаю. Иначе как объяснить мой шрам.

— А при чем здесь шрам? — распалился Гюстав. — При чем здесь какой-то шрам, я спрашиваю?

— А при том! Если мое тело осталось в ущелье, то почему на этом теле остались шрамы. Я, между прочим, получил их при взрыве, когда мне было десять лет. Бандиты машину взорвали.

— А откуда ты, Реган? — уточнила Луиза.

— С Ирландии. Так вот, я думаю, что мы пропали. Наши тела не нашли.

Гюстав что-то недовольно пробурчал. Луиза усмехнулась и возразила:

— Я согласна с тобой, Реган. Ведь мы остались в том возрасте, в котором ушли из нашего мира. Мне все так же сорок три года, хотя болезни пропали.

— Вот это поддержу, — откликнулся Гюстав. — Ничего не болит, будто мне снова двадцать, а не семьдесят два. Я здесь счастлив так, как никогда не был счастлив на Земле. И знаете, что я понял?

Никто ничего не сказал, и он продолжил:

— Только прожив почти сто пятьдесят лет, я понял смысл жизни.

— И в чем же смысл? — несмело спросил Реган.

— В жизни, — бодро ответил Гюстав, и послышались одобрительные возгласы остальных.

Тут в дверь громко постучали, и Карл Борисович встрепенулся будто ото сна. Он выключил радиоприемник и подошел к двери.

— Кто там?

— Карл Борисович, это Алла, — услышал он знакомый голос. — До вас дозвониться невозможно. Включите, наконец, свой телефон.

Он с раздражением взглянул на красный барабанный телефон и провод, лежащий на полу.

— Семен Семенович вызывает. Сейчас же, — с нажимом сказала она, и каблук застучали прочь.

Он спрятал радиоприемник в сейф, запер его и вышел из кабинета. Сотрудники проходили мимо, здоровались, и никто не замечал, как ликовал внутри Карл Борисович. Его радиоприемник поймал сигнал не из другой страны, а из другого мира. Притом люди туда попали с Земли.

Алла Шалвовна распахнула дверь, и Карл Борисович увидел директора. Тот стоял возле открытой форточки и бросал крошки хлеба воробьям, сидящим на выступе по ту сторону окна.

— Он пришел, — заявила Алла Шалвовна, подтолкнула профессора и закрыла дверь.

— А-а-а, пришел, наконец-то, — расплылся в улыбке директор. — Садись, а то упадешь от счастья.

Карл Борисович опустился на стул и выжидательно уставился на него. Семен Семенович неторопливо докрошил хлеб, отряхнулся и подошел к шкафу:

— Пить будешь? Есть коньяк и водка.

— Нет, я за рулем.

— Пф-ф, — прыснул директор. — Выветрится до вечера.

— Нет, лучше стакан воды.

Семен Семенович махнул рукой, вытащил бутылку коньяка, два стакана и плюхнулся в кресло.

— Воду ты будешь у себя в кабинете пить, а в моем — армянский коньяк.

Карл Борисович недовольно поморщился, глядя, как из бутылки вытекает янтарная жидкость.

— У меня много работы. Нужна ясная голова, — предпринял он еще одну попытку отказаться от спиртного, но директор строго взглянул из-под кустистых бровей и протянул стакан.

— За победу! — провозгласил Семен Семенович и сильно ударил стаканом о стакан. Карл Борисович испугался, что стекло разобьется, но оно выдержало.

— За какую победу? — несмело спросил он и сделал маленький глоток. Приятно обожгло язык.

— Нас не закроют. Более того, планируют увеличить штат и найти спонсоров, чтобы выпускать эти твои контейнеры.

Он отхлебнул коньяк и с довольной улыбкой уставился на профессора.

— Ты рад?

— Конечно, — Карл Борисович почувствовал себя неловко под пристальным взглядом директора.

— Борисович, выкладывай, что случилось? — строго спросил он и одним глотком допил спиртное.

Профессор прислонился к спинке стула и устало ответил:

— Ничего не случилось. С чего вы взяли?

— Не ври мне! Мы же почти как родственники. Столько лет бок о бок. Выкладывай!

Карл Борисович не хотел говорить, что все мысли только о радиоприемнике, и решил соврать.

— Вы же знаете, что у меня жена молодая.

— И? — директор подался вперед и весь обратился в слух, в надежде услышать интимные подробности семейной жизни. — Хочет больше, чем ты можешь?

— Наверное, — притворно согласился он и склонил голову.

Директор самодовольно улыбнулся и пожурил пальцем.

— А мы тебя предупреждали: надо было сверстницу выбирать. Вот мы с Надькой — одногодки. Она дома сидит, борщи варит, носки штопает, а по ночам спит. И ей хорошо, и у меня голова не болит. А с молодухой одни траты и нервотрепка. Ну, расскажи, что она еще учудила?

Он вальяжно развалился в кресле, подлил себе в стакан коньяк и нажал на кнопку селектора:

— Алла Шалвовна, зайди.

Через пару секунд дверь распахнулась, и на пороге возникла секретарь с лейкой в руке.

— Что хотели?

— Принеси нам что-нибудь на закуску.

Она окинула быстрым взглядом бутылку коньяка, растерянного профессора и предложила:

— Коробка шоколадных конфет с Нового года лежит. Принести?

Семен Семенович недовольно сморщил нос.

— А колбаски или сыра нет?

— Не-а. Но могу сбегать.

Карл Борисович взглянул на часы и горестно вздохнул. Директор знал, что профессор очень дорожит своим временем, поэтому махнул рукой:

— Неси шоколад.

Алла Шалвовна кивнула, пропала за дверью и вскоре вернулась с коробкой конфет фабрики «Красный октябрь».

— Давай-давай, рассказывай, — поторопил Семен Семенович, как только секретарь закрыла за собой дверь.

— Ну, что рассказывать, — замялся профессор. — Дело молодое, а мне некогда. Ей нужны походы по магазинам, ресторанам, в кино. А я пропадаю на работе целыми днями и без выходных.

— Вот это ты брось! — воскликнул директор, и Карл Борисович испуганно подпрыгнул. — Брось по выходным работать. Я тебя не заставляю. У тебя есть график работы, где черным по белому написано, что в пять ты должен идти домой, как все остальные. А суббота и воскресенье у всех, кроме производства, выходные дни. Не надо перерабатывать, а то жена полюбит другого и уйдет. Опять останешься один со своими проектами и схемами.

Профессор кивал, а сам думал, как бы быстрее вернуться в кабинет к радиоприемнику.

— Ты все понял? — вернул его в реальность директор.

— Конечно.

— Тогда иди и займись работой. Будем в следующем месяце запускать пробное производство. С тебя, как обычно, станки и материалы. Главбух с тобой свяжется насчет сметы.

Карл Борисович кивнул, вскочил и направился к дверям.

— Борисович, — окликнул директор. — Я на тебя надеюсь. Не подведи.

Сева сидел на скамейке в парке и смотрел на разноцветные осенние кусты. На душе было скверно. Прошло больше недели с тех пор, как он услышал разговор директора и секретаря о том, что контейнеры придумал Карл Борисович.

— Ну как так-то? — воскликнул он и ударил рукой по колену. Костя, который только что подошел с двумя кружками пива, усмехнулся.

— Ты все еще из-за КБ переживаешь? — он отдал кружку с пивом и подошел к пруду. — Плюнь и забудь.

— Ага, тебе-то легко говорить. Это же моя идея. Моя! А он ее украл.

Костя отпил холодное пиво и блаженно улыbnулся.

— Хорошо, что сегодня пятница. Давай сходим куда-нибудь, потусим?

Сева сдул пену и попробовал.

— Какое-то невкусное. Опять водой разбодяжили. Кость, а что бы ты сделал на моем месте? Только не говори, что простил бы. Не поверю.

Костя кивнул, вытер губы рукавом и ответил:

— Я бы сделал очную ставку с КБ при директоре.

Сева задумался. Прийти в кабинет к директору и попросить вызвать Карла Борисовича будет нетрудно. Но кому поверит директор, если профессор будет отпираться? Конечно же, профессору.

— Это не вариант. Он поверит КБ, а не мне. Надо придумать что-то другое.

Костя пожал плечами, допил остатки пива и махнул рукой.

— Обед закончился. Пошли на работу. А насчет КБ — не переживай. Он-то знает, кто придумал, и не обделит премией. Кстати, ты не ответил. Может, сходим куда-нибудь?

— Да, давай сходим, — согласился он и поплелся за другом.

«Не нужна мне премия. Я хочу его место. Хочу быть начальником отдела. А в будущем директором завода», — Сева представил, как сидит в директорском кресле, и по спине побежали мурашки от волнения.

Светлана сидела верхом на Артеме и делала массаж.

— Вот здесь сильнее разомни. И поясницу тоже кулачками.

— Бедненький ты мой, — запричитала она. — Вся спина больная.

Артем кряхтел от боли и стонал от наслаждения почти одновременно.

— Конечно, попробовала бы ты носить эти ящики и мешки. Особенно тяжело стройматериалы разгружать. Я даже примерно не вспомню, сколько листов фанеры и банок краски перетаскал...О, фильм закончился. Поменяй кассету.

Светлана, как и хотела, подарила Артему видеомэгафитон и кассеты. Когда они посмотрели все фильмы, стала приносить кассеты из дома. Муж все равно ничего не замечает. Не заметит и пропажу кассет.

— Что тебе включить? — она слезла с Артема и села на корточки перед полкой с кассетами, которая находилась под телевизором.

— Давай еще раз посмотрим про динозавров.

— Опять? В третий раз?

— Мне нравится. Включай про динозавров, — велел он, встал с кровати и подошел к столу. — А что, мандарины уже закончились?

Светлана вставила новую кассету и с усмешкой сказала:

— Динозавры, мандарины — ты прямо как ребенок. Может, тебе пустышку надо купить?

Артем скомкал вафельное полотенце и с силой запустил в нее. Светлана схватилась за щеку и уставилась ошарашенными глазами.

— Ты как со мной разговариваешь? — напустился Артем, брызжа слюной. — Если что-то не нравится, то я не держу. Иди к своему старикану! Через пару лет будешь сиделкой для него. Будешь жопу и слюни подтирать. А мне и без тебя хорошо.

Он пнул табурет и выбежал из комнаты. Светлана обхватила колени и заплакала. Она чувствовала, как загорелась щека и как сжимается сердце от обиды.

«Почему он такой грубый? Я ничего плохого не сказала», — думала она. Слезы градом сыпались из глаз и пропитывали майку. Вдруг в дверь комнаты постучали, и на пороге

возникла соседка — старуха.

— Что ревешь? Скорую вызывать надо, — грубо сказала она.

— Зачем скорую? Это же полотенце, — всхлипнув, ответила Светлана и прикоснулась в горячей щеке.

— Ты думаешь, он только шишкой отделается? Вряд ли.

Светлана недоуменно посмотрела на нее.

— Вы о чем?

— Как о чем? Твой суженый с лестницы полетел. Лежит внизу без сознания.

Светлана вскочила и босиком выбежала из квартиры. Соседи толпились у лежащего без движения Артема. Из его рта текла кровь.

— Интересно, как там Струнный поживает? — Карл Борисович включил радиоприемник и настроил усики. Тишина.

— Отдыхает, наверное, — решил он и подмигнул истукану. — Значит, послушаем «Деревню».

Он направил усики на цифру один и повернул ручку на полную громкость. Тишина. «Неужели сломался?» — испугано подумал он, и кинулся к шкафу в поисках подходящей отвертки.

В дверь постучали.

— Кто там? — он нашел нужную отвертку и вернулся к радиоприемнику.

— Карл Борисович, это Сева. Мне нужно с вами поговорить.

«Может, проводок где-нибудь отошел? Или замкнуло?»

Профессор выдернул шнур из розетки и принялся судорожно откручивать заднюю крышку радиоприемника. В дверь снова постучали.

— Ну кто там? — раздраженно крикнул он.

— Это я, Сева. Уделите мне минутку... Пожалуйста.

Карл Борисович аккуратно снял крышку, надел налобный фонарь и принялся тщательно изучать механизм.

«Так, на первый взгляд, ничего не перегорело».

В дверь снова постучали.

— Сева, если ты еще раз постучишь, то вылетишь с работы, к чертовой матери! — он схватил истукана со стола и со всего размаху кинул в дверь. Истукан ударился, оставив вмятину, и отскочил в сторону.

Карл Борисович снова наклонился к радиоприемнику. Сердце бешено колотилось, на лбу выступила испарина.

— Вроде все цело, — он посмотрел каждый провод, каждое соединение. — Может с усилителем что-то случилось?

Он, по привычке, обратился к истукану, но его на месте не оказалось. Растерянный профессор огляделся вокруг и нашел его на полу.

— Прости, я не хотел, — Карл Борисович поднял истукана с пола и сочувственно погладил по скелетной ноге. — Радиоприемник не работает. С ним, вроде, все в порядке. Надо усилитель проверить.

Он поставил истукана на место и задумчиво почесал затылок.

«Сначала проверю все направления. Разобрать всегда успею», — решил он, поставил крышку на место и воткнул вилку в розетку.

Медленно поворачивая усики по часовой стрелке, он напряженно прислушивался. На цифре четыре раздалось журчание воды, жужжание пчел и щебет птиц.

— Ура! Работает! — закричал он и, не в силах сдержать радости, принялся подпрыгивать. — Работает, работает, работает.

Он скинул пиджак, ослабил галстук и плюхнулся в кресло. Звуки из динамика радиоприемника разносились по кабинету и дарили успокоение. Карл Борисович мечтательно улыбнулся, закрыл глаза и мысленно переместился в сад необыкновенной красоты. Маленькие разноцветные птички покачивались на розовых кустах и пели песни.

Неугомонные пчелы сновали от цветка к цветку на пестрых клумбах. Быстрая речушка с холодной водой прокладывала свой путь от гор, видневшихся вдаль, и исчезала между деревьями.

— Просто райский сад, — тихо произнес он и почесал затылок. — Как же они туда попали?

Он повернул усики на место, обозначенное как «Деревня». Гул голосов чуть не оглушил. Люди о чем-то спорили и перебивали друг друга.

— Амон! Амон! Ответь на мой вопрос! — профессор узнал Оливера.

— Давай по старшинству, — перебил его Гюстав.

— Вообще-то я старше тебя, — возмутился Оливер.

— А я по земным годам считаю. Мне было семьдесят два, когда я сюда попал. А тебе только восемнадцать. Значит, я старше, — упрямо сказал Гюстав и крикнул. — Амон, послушай меня!

— Говори, Гюстав, — услышал профессор незнакомый мужской голос, звучащий издали. — Спрашивай.

Гюстав зашептал, удаляясь:

— Пропустите меня. Дайте поближе подойти. Он со мной хочет поговорить... Амон, скажи, как далеко ты дошел?

— Очень далеко. Я шел по прямому пути ровно двадцать пять лет, но не нашел конца. Наша благословенная земля простирается на много-много шагов. Это уже третье мое путешествие. И третья сторона.

— Скажи, а ты бросил свои странствия или снова покинешь нас? — послышался женский голос. Это была Вера.

— Я достаточно сидел на одном месте, поэтому обязательно пойду. Но я устал ходить один. Забываю человеческую речь. На четвертую сторону возьму с собой попутчика.

— Возьми меня! Возьми меня! — закричал Оливер. К нему присоединились еще голоса. Карл Борисович уменьшил громкость и откинулся в кресле.

«Двадцать пять лет. Интересно... Может, у них год по-другому идет? Как день, например? И имя такое: Амон. Сразу египетские пирамиды вспоминаются. Я должен разгадать эту загадку, иначе не смогу спокойно жить».

Карл Борисович запер радиоприемник в железном ящике, подмигнул истукану и вышел из кабинета. В коридоре Маша оттирала отпечаток обуви на светлой стене.

— Узнаю, кто это сделал, в узел завяжу, — зло прошептала она и с трудом выпрямилась.

— Здравствуй, Машенька, — поздоровался он и, по привычке, пригладил вихор на затылке. — Как жизнь молодая?

— А, — махнула она рукой и поправила косынку. — Картошку надо копать, а мои отдыхать уехали. Что им на даче не отдыхается? Речка, баня, свежий воздух.

— М-да, молодежи спокойно не живется, — он вспомнил Светлану. — Пойду домой.

— Подожди, а ты-то как? — участливо спросила Мария.

Карл Борисович пожал плечами и невольно покрутил кольцо на безымянном пальце.

— Нормально. Живу потихонечку. Дом — работа, работа — дом.

— А мама твоя как?

Он вдруг осознал, что уже несколько дней не звонил маме и даже не знает, что с ней.

— Все хорошо. Машенька, мне пора, — сказал он на ходу и побежал к лифту.

На улице шел дождь. Мелкие холодные капли неприятно били по лицу. Он запрыгнул в машину, вытер лицо носовым платком и зябко поежился.

«Не люблю осень. Холодно и грязно. Надо выяснить, как Оливер, Гюстав, Вера и остальные попали туда. И где находится это «туда»?» — думал он, петляя между машинами.

Профессор остановил машину возле подъезда, поднялся на третий этаж и позвонил в звонок. Дверь открылась, но на пороге стояла чужая женщина.

— Вы кто? — опешил Карл Борисович и испуганно заглянул через ее плечо. — Что с мамой?

— Ничего, Карлуша, заходи, — услышал он знакомый голос и с облегчением выдохнул. — Просто у меня руки в тесте.

Женщина приветливо улыбнулась и ушла на кухню. Карл Борисович снял ботинки и пошел следом. Мама сидела за столом и лепила пельмени.

— Здравствуй, мамочка, — он поцеловал ее в щеку. — Прости, давно не звонил. Забегался. Как ты?

— Карлушка, ну что же ты такой невоспитанный, — возмутилась она. — Познакомься, это Полина. Поселилась на прошлой неделе, прямо подо мной.

Полина улыбнулась и скромно опустила глаза. Карл Борисович оценивающе посмотрел: на вид ей было лет сорок, густые каштановые волосы с седыми прожилками убраны в хвост, вельветовый брючный костюм свободно сидит на стройной фигуре.

— Здравствуйте, Полина, — он протянул ей руку, которую та легонько пожала. — Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — еле слышно ответила она. — Я пойду. Мне надо ужин готовить. Она попрощалась и вышла.

— Приятная девушка, — сказала мама и многозначительно посмотрела на Карла Борисовича. — Одинокая, скромная и хозяйственная. Таких в жены берут.

— Зачем ты мне это говоришь? — сказал он и залез в холодильник.

— Просто так... Как дома дела? Что-то Светки давно не видно, — она протянула плоскую тарелку с пельменями и велела. — Убери в морозильник.

Он достал сковороду с голубцами и поставил на плиту.

— Не знаю, как у Светы дела. Наверное, хорошо. Я сделал потрясающее открытие! — оживился он и сел напротив. — В прошлом году я перебрал старый папин радиоприемник. Поменял кое-какие детали, поставил современные датчики, и он начал ловить радиоволны других стран.

— Очень интересно, — сказала мама и кивнула, чтобы он продолжал.

— Я слушал немецкое радио, американское, норвежское и даже австралийское.

— Серьезно? И что же они там вещают?

— Не важно, — махнул он рукой. — Это со словарем надо сидеть, и то — не разберешь. Говорят быстро. Я только немецкий более-менее понимаю. Но это еще не самое главное.

Мама заинтересовано посмотрела на него. Карл Борисович от волнения начал поглаживать затылок.

— К радиоприемнику я собрал усилитель. И он поймал звуки другого мира, — последнюю фразу он сказал шепотом. — Параллельного мира.

— Не поняла, — нахмурилась она.

Он вскочил, выключил шкворчащие голубцы и принялся чесать затылок.

— Я сам не понимаю... Сначала голоса звучали на незнакомом языке. Я даже подумал,

что португальский. Потом что-то случилось, и я начал понимать все, что они говорят. Судя по разговорам, эти люди жили в разное время и в разных странах, но теперь они вместе. Мужчине по имени Гюстав уже сто пятьдесят лет, из них он семьдесят два года прожил на Земле. Я не могу понять, где это чудесное место и как они туда попали.

Мама озадачено смотрела на него, затем смахнула остатки муки на пол и решила сменить тему разговора.

— Ты обязательно разберешься, что к чему. Я в тебя верю. Ты мне лучше про Светку расскажи.

Карл Борисович поставил голубцы на стол и вытащил из шкафа две тарелки.

— Что про нее рассказывать. Не готовит, не стирает, в магазин не ходит.

— Ночует дома? — осторожно спросила она.

— Конечно, — опешил он. — Где же ей еще ночевать?

— Чем же она занимается целыми днями?

— Не знаю, — пожал он плечами и закинул в рот кусок голубца. — Фильмы, наверное, смотрит.

Она села и обхватила голову руками.

— Мама, ты чего? — испугался он.

— Это я виновата, — она подняла голову и посмотрела на него влажными глазами. — Прости меня, сынок.

— За что?

— Я хотела, чтобы у тебя была семья. Чтобы ты не остался один, когда я умру. Поэтому настояла на женитьбе. Я ведь с первого взгляда поняла, что она тебе не подходит. Тебе нужна такая, как Полина, — кивнула она в сторону двери. — Спокойная и домашняя.

Карл Борисович махнул рукой и сказал с набитым ртом.

— Не переживай — у нас все хорошо. Каждый занят своим делом. Я ведь тоже виноват: домой только поспать прихожу.

Мама тяжело вздохнула, открыла банку с компотом и принялась есть кусочки персиков в сладком сиропе.

— Как знаешь, ты уже взрослый. Но я бы на твоём месте проследила за ней. А то живешь с человеком и не знаешь, чем она занимается.

Он кивнул и положил себе в тарелку еще один голубец.

Карл Борисович выключил будильник, потянулся и посмотрел на хмурое безрадостное небо.

«Надо отпуск взять, а то отвлекают постоянно. Поеду на дачу и буду слушать их круглыми сутками. А по ночам буду ставить диктофон, чтобы не пропустить чего-нибудь важного».

Он приподнялся на локтях и посмотрел на видеоманитофон.

«А кассеты где?» — удивился он, увидев пустые полки.

Светлана еще спала, поэтому Карл Борисович медленно встал и пошел на кухню. Вчера он поужинал у мамы, поэтому даже не заглянул на кухню, когда пришел домой. Он с удивлением обнаружил в холодильнике продукты и кастрюлю с гороховым супом.

«Какая молодец. Зря мама расстраивается, у нас все хорошо».

Он позавтракал и поехал на работу. В восемь часов собрал своих подчиненных, чтобы раздать задания.

— Все на месте?

— Нет, Сева заболел, — отозвался Кирилл.

Профессор кивнул и назначил ответственных и исполнителей.

— Через неделю жду с докладами... Кстати, меня не беспокоить. Только если ЧП, — предупредил он и заспешил в кабинет.

Он сразу направил усики усилителя на «Деревню» и включил на полную громкость.

— Этот мяч совсем не прыгает, — послышался голос мальчика. — С ним не интересно играть.

— Согласна, но настоящий нам неоткуда взять, — ответила Луиза. — Реган ягоды собрал, иди поешь.

— Не хочу. Я сытый. Знаешь, о чем я мечтаю?

— Нет, о чем?

— Чтобы кто-нибудь узнал, что нам надо, и, когда решится, принес сюда.

Послышались одобрительные возгласы.

— Я бы заказал спички, чтобы не надо было караулить очаг.

— А я бы ботинки. Из хорошей мягкой кожи. Мой дед был сапожником, и его ботинки не снашивались годами. Не то, что эта кора.

— Луиза, что бы ты хотела? — спросил мальчик.

— Спицы и пряжу. А еще иголки, пяльцы и разноцветные нитки. Я очень люблю шить и вязать. Здесь столько времени, а ничего нет.

Гюстав покашлял и мечтательно сказал:

— Нет, это все не то. Книги, вот чего нам не хватает. Классику всего мира: от Гомера до Жюль Верна.

— Мечты-мечты, — протянула Луиза. — Говорят, мечты сбываются, но не в нашем случае. В последний путь никто не берет с собой вещи.

Все замолчали. Карл Борисович почувствовал грусть, нахлынувшую на них. Он откинулся в кресле и задумался.

«Получается, там нет цивилизации. У них нет элементарных вещей, необходимых для жизни. Где они находятся? На необитаемом острове? А как же Амон и путешествие длиной в двадцать пять лет?»

Тем временем, кто-то предложил сходить к реке, и голоса удалились.

— Луиза сказала про последний путь. «В последний путь никто не берет с собой вещи». Что бы это значило? — он поставил перед собой истукана. — А еще Реган. У него шрамы, которые он получил в детстве. Также они говорили, что остались в том возрасте, в котором ушли.

Он встал и начал мерять шагами кабинет.

— Ушли, ушли, ушли... Что это значит? Они умерли и попали в рай? И я поймал прямую трансляцию с рая? Нет, что-то здесь не то.

Карл Борисович повернул усики на Струнного и улыбнулся веселой музыке, заполнившей кабинет. Вдвоем с Духовным они играли «Собачий вальс».

— Как же вы туда попали? — он снова сел в кресло и прикрыл глаза. — Их там не так много. Около тридцати человек. Значит, не рай, иначе я бы услышал миллиарды голосов. Но они умерли здесь и живут там много лет. Возможно, они бессмертны. Как же в этом разобраться?

Он убрал радиоприемник в ящик, закрыл дверь кабинета и бодро зашагал к лифту. Ему

нужно было переключиться. Производственные цеха завода были его излюбленными местами отдыха. Как и академик Павлов, он считал, что лучший отдых — перемена занятий.

Светлана вышла из электрички и, прикрываясь зонтом от дождя, побежала в сторону больницы. В фойе никого не было.

— Милочка, вы куда? — грубо крикнула тучная женщина с короткой стрижкой, когда та начала подниматься по лестнице.

— Хочу друга проведать. Вот, поесть ему принесла, — показала она на тканевую сумку.

— Нельзя, — санитарка уперла руки в бока — Приемные часы уже закончились. Я там все помыла, а вы снова грязь занесете. Спускайтесь.

Светлана с надеждой посмотрела вверх, но не посмела послушаться и спустилась.

— Я принесла котлеты и сырники. Они же испортятся до завтра. Не могли бы вы передать ему?

Санитарка с раздражением выдохнула и протянула руку.

— Ладно. Давай сюда. Как зовут?

— Артем, в двенадцатой лежит.

— Хорошо, передам, — она забрала сумку и, кряхтя, начала подниматься по лестнице.

Светлана вышла из больницы и направилась к остановке. Весь путь до дома она держалась, но едва вошла в квартиру — разрыдалась.

— Светочка, что случилось? — услышала она обеспокоенный голос и замерла.

«Он дома. Что сказать?»

Карл Борисович показался из кабинета. Он прижал ее к себе и начал гладить по голове:

— Тебя обидели? Где-нибудь болит? Боже, не молчи! Что случилось?

Она отстранилась и показала на окно.

— Дождь. Я промокла и замерзла. И голова побаливает.

Он шумно выдохнул.

— А я уж испугался. Умойся и ложись в кровать. Я тебе горячего супа принесу.

Светлана кивнула и сделала, как он велел. Но мысли были только об Артеме. Несколько дней назад его без сознания забрала скорая помощь. Но он только сегодня ей позвонил.

— Это я, — услышала она слабый голос с хрипотцой.

— Артем, наконец-то! Как ты? — она прижимала трубку к уху, чтобы не пропустить ни слова.

— Нормально. Живой.

— Что врачи говорят? Когда тебя выпишут?

— Пока не знаю. Уколы колят. Вся жопа синяя. ЧМТ поставили.

— ЧМТ — это что? — несмело спросила она.

— Черепно-мозговая травма. Ты глупенькая, что ли? — с усмешкой спросил он.

— Почему сразу, глупенькая? Невозможно все знать, — принялась она оправдываться, но он остановил.

— Я пошутил... Соскучился по тебе жутко.

У Светланы от радости и умиления перехватило дыхание. Она погладила телефонный аппарат и прошептала.

— И я. Очень-очень. А еще: я тебя люблю.

Прошло несколько секунд, и он ответил.

— И я тебя. Мне надо идти, тут уже очередь у телефона. Пока.

Она чмокнула трубку, из которой доносились гудки.

Тут раздался голос Карла Борисовича из кухни, и она вынырнула из воспоминаний.

— Хлеба принести?

— Нет, не надо. А ты чего так рано? — на часах было семь. — Ты раньше девяти уже давно не приходишь.

Карл Борисович появился в дверях с подносом, на котором стояла глубокая глиняная пиала. Из нее шел пар. Он поставил поднос на тумбочку и принялся с ложечки кормить Светлану. Та не сопротивлялась и послушно открывала рот.

— Решил тебе время уделить. Не хочешь рассказать, что у тебя случилось?

— Ничего не случилось. Просто грустно. Солнца давно не было. Больше не хочу есть.

Она легла и повернулась к окну, по которому барабанил дождь. Он посидел немного рядом, затем отнес поднос с пиалой на кухню и вернулся в кабинет.

Светлана в очередной раз порадовалась тому, что Карл Борисович рядом. Она часто думала о том, как ей повезло. Он ее любил, заботился и обеспечивал.

— Как было бы хорошо, если бы он был моим отцом, а не мужем, — сказала она подруге Марине на прошлой неделе и полюбовалась на свое обручальное кольцо с бриллиантом.

— Мда, — протянула та. — И возраст подходящий, и кошелек. Ты его совсем не любишь?

— Люблю, конечно! — возмущенно воскликнула она. — Но не так, как Артема. Сама не знаю, как описать.

Из воспоминаний выдернул Карл Борисович, появившийся в дверях. В руках он держал кубышку.

— Светочка, а деньги где? — он открыл крышку и показал полупустой сосуд.

Она резко села и почувствовала, как от страха сжалось все внутри. Каждый раз перед встречей с Артемом, она запускала руку в пузатую кубышку и выуживала несколько купюр. Это настолько вошло в привычку, что Светлана уже не давала себе отчета в том, сколько потратила.

— Ну взяла немного. А что, нельзя? Вообще-то, мы в браке и у нас все общее, — изобразила она негодование. Затем решила не оправдываться, а нападать. — Ты совсем не заботишься обо мне, не уделяешь внимания, не делаешь подарков. Про рестораны и театры я уже молчу. А теперь и деньгами начинаешь попрекать? Хорош-хорош, нечего сказать. Так давай, ругай меня. Обзывай.

Она залезла под одеяло и притворно захныкала. Карл Борисович сел рядом и погладил по спине.

— Я ведь просто спросил. Думал, может, нас обокрали. Я не сержусь, просто мы же договаривались не трогать деньги из кубышки. Зарплату на заводе исправно платят, не задерживают. Если тебе не хватает, то надо было попросить.

Она потерла глаза до покраснения и вылезла из-под одеяла.

— Когда просить, если ты приходишь домой ночью и уходишь рано? Я что, по-твоему, спать не должна ложиться и ждать тебя?

Карл Борисович задумался.

— Давай так: ты будешь оставлять мне записку на кухонном столе, сколько тебе надо. Хорошо?

Она кивнула, провела пальчиком по его заросшей щеке и ласково сказала:

— Хорошо. Иди прими душ и поскорее возвращайся. Я соскучилась.

Глава 6

Утром Карл Борисович, спускаясь по лестнице, встретил пятнадцатилетнего соседа Влада.

— Здравствуйте, — поздоровался Влад. — Вы когда меня еще раз на джипе покатаете? Обещали ведь.

— Покатаю когда-нибудь, — махнул рукой профессор, затем заговорщическим шепотом продолжил. — Владик, слушай. Хочешь подзаработать?

— Ну-у, смотря что надо делать, — замялся он.

— За Светланой сможешь проследить? Дня три, не больше. Куда ходит, с кем видится, что делает.

— Без проблем, — кивнул он. — Только деньги вперед.

Карл Борисович усмехнулся и потрепал его по волосам.

— Ишь какой. Дам половину, остальное — через три дня.

Он отсчитал несколько купюр и, удостоверившись, что никто не подсматривает, всучил их Владу. Тот присвистнул, подмигнул и забежал в свою квартиру. Карл Борисович поехал на работу.

На входе он взял у охранника ключи и поплелся к лифту. В кабинку, следом за ним, забежал Сева.

— Здравствуйте, Карл Борисович.

— Здравствуй, Сева. Как ты себя чувствуешь? Кирилл говорил, что ты заболел.

Сева кивнул и откашлялся.

— Ничего страшного. Под дождь попал и простудился. Бывает... Как дела с контейнерами? — несмело спросил он.

— Семен Семенович одобрил проект. Теперь весь отдел работает над станками. Тебя очень не хватало. Ты — наш лучший инженер, — Карл Борисович улыбнулся и похлопал его по плечу. — Хорошо, что ты вернулся.

Сева улыбнулся в ответ и, решившись, спросил:

— Вы сказали директору, что это я их придумал?

Профессор задумчиво почесал подбородок:

— Если честно, то не помню. А ты разве не подписывал проект?

— Нет, не подписал, — признался он. — Мне бы хотелось, чтобы он тоже знал.

— Сева, не волнуйся, я ему расскажу. Обещаю.

Они вышли из лифта и молча зашагали по коридору. Сверху, из кондиционеров, на них дул теплый ветерок.

Светлана в нетерпении переминалась с ноги на ногу. Тут дверь больницы распахнулась, и вышел сияющий Артем. Она бросилась к нему, крепко обняла, и они поцеловались.

— Наконец-то тебя выписали. Я очень соскучилась. Вон такси нас ждет, — показала она на коричневый автомобиль с шашечками на крыше. — Поедем к тебе. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Артем вытащил сигарету, закурил и предложил:

— Может, к тебе?

— Зачем? — удивилась она и замахала рукой, отгоняя дым.

— Хочу посмотреть, как ты живешь. Муж у тебя поздно приходит. Поэтому мы все успеем, — он притянул ее к себе и смачно поцеловал. — Никогда не был в доме богачей.

Она фальшиво захихикала и легонько ударила его по груди.

— Никакие мы не богачи. Так, средний класс. Хорошо, заедем, если хочешь. Как ты себя чувствуешь? Голова болит?

— Уже нет, — он глубоко затаился и выпустил дым из носа. — Видала огнедышащего льва?

Светлана улыбнулась и провела ладонью по его небритой щеке.

— Почему ты упал? Что с тобой случилось?

Артем пожал плечами и выбросил окурок в мусорку.

— Сам не знаю. Помню, что полетел. Споткнулся, наверное.

Их разговор прервал таксист, который высунулся из окна и закричал:

— За ожидание тоже деньги беру! Если не хотите разориться, то садитесь уже.

Они сели в машину и вскоре подъехали к дому, где жила Светлана.

— Ого, уже с подъезда видно, какие здесь люди живут: чисто, покрашено, нет окурков.

Светлана открыла дверь и пригласила Артема войти.

— Только немного не прибрано. Не думала, что ты захочешь в гости.

— Ерунда, — сказал он, разулся и принялся осматривать квартиру. — Как вы классно живете!

Он с интересом рассматривал картины, статуэтки и технику. Светлана присела на диван и с плохо скрываемой гордостью поддакивала его восторженным возгласам.

— Я бы здесь жил, — сказал он и развалился рядом. — Квартира огромная. Техника вся импортная. Интересно, сколько это добро стоит?

— Много стоит. Хочешь чаю? — она нежно провела рукой по его спине.

— Конечно, хочу. И не только чаю.

Артем повалил ее на диван и поцеловал. Светлана прижалась к нему всем телом, прикрыла глаза и подумала:

«Никого так сильно не любила. Хочу от него ребенка. Такого же красивого и сильного. Интересно, как он отреагирует, если я забеременею?»

Карл Борисович сидел на детской площадке у соседнего дома и в нетерпении поглядывал на проход между домами. Накрапывал мелкий промозглый дождь. Тусклый желтый свет фонарей отражался в лужах. Вдруг показалась темная фигура, которая быстро приближалась. Это был соседский паренек Влад.

— Ну что? Выяснил что-нибудь, — бросился к нему профессор.

Влад подошел вплотную и вытянул руку.

— Оплата вперед.

Карл Борисович достал из кармана деньги и положил на ладонь.

— Еще, — потребовал Влад. — Пришлось на бензин потратиться.

Карл Борисович вытащил из кошелька еще несколько купюр и отдал ему.

— Короче, в больницу она ездила несколько раз и в магазин за продуктами ходила.

— В больницу? — задумался он. — А зачем?

Влад спрятал деньги в нагрудный карман и пожал плечами.

— Мне откуда знать. Внутрь не заходил.

— Долго она там была?

— Не знаю. Мы с Димом ехали за ней до больницы, там разворачивались и уезжали. Заболела, наверное.

Влад попросился и исчез в темных кустах. Озадаченный профессор медленно двинулся в сторону дома.

«В последнее время она стала грустной и какой-то потерянной. Ни разу не сказала про больницу. И деньги пропали. А вдруг у нее какая-нибудь опасная болезнь? — ужаснулся он. — Надо что-то делать».

Карл Борисович забежал на свой этаж, открыл дверь и позвал:

— Светочка, ты дома?

— Да, я здесь, — донесся голос из спальни.

Он скинул ботинки, снял плащ и, пригладив вихор, бросился в спальню. Светлана лежала на подушках, ела зефир и смотрела фильм.

— Что-то случилось? — спросила она и привстала. — На тебе лица нет.

Карл Борисович внимательно осмотрел жену, с облегчением выдохнул и устало опустил на пуфик.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. А что? — насторожилась она.

«Скрывает. Может, боится меня расстроить или испугать раньше времени? Бедняжка».

— Просто так спросил. Что ты смотришь? — он повернулся к телевизору.

— Маринка дала кассету. Фильм какой-то мутный. Не интересно. Хочешь есть? Я там гречку сварила.

Он кивнул и начал раздеваться.

— В нашем профсоюзе можно путевку в санаторий купить. Не хочешь съездить? Отдохнешь, подлечишься, — беззаботно спросил он, но внутри весь напрягся. Светлана мотнула головой.

— Нет, не хочу. Только деньги зря тратить.

— Нет ничего дороже здоровья, — он повесил пиджак в шкаф и пристально посмотрел на нее. — Надо только определить, какой санаторий лучше подойдет. Есть для суставов, для желудка, для сердца. Тебе какой подойдет?

Светлана доела зефир, облизала пальцы и выключила телевизор.

— Я не поеду в санаторий. Это, наверное, очень дорого.

— Есть у нас деньги, — он схватил ее за руку. — Я хочу тебе кое-что рассказать. Помнишь, говорил тебе про радиоприемник?

— Нет, — она села ему на колени и заинтересовано попросила. — Повтори.

Карл Борисович кратко рассказал о радиоприемнике и перечислил страны, которые слушал.

— Неужели Австралию? Так это же у черта на куличках!

— Вот именно! Но это еще не самое главное, — он понизил голос. — Я смог поймать волну параллельного мира.

— Ну, да. Конечно, — прыснула она, вскочила и поплелась на кухню.

— Я серьезно, — Карл Борисович пошел следом. — Люди туда попали из нашего мира и живут там много лет.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросила она и включила чайник.

— Я их каждый день слушаю. Хочешь, сделаю тебе пропуск и покажу?

— Ну, покажи, — равнодушно сказала она. — А то как-то слабо верится.

Она вернулась в спальню, а Карл Борисович начал есть сухую кашу, обдумывая, как выведать у Светланы правду о ее здоровье.

Светлана распахнула дверь и улыбнулась Артему.

— Заходи.

Он вручил ей гвоздику, разделся и по-хозяйски прошелся по квартире.

— Мне здесь нравится все больше и больше. Такая приятная роскошная атмосфера, — он зашел в кабинет Карла Борисовича и остановился у полка с глиняными статуэтками и посудой. — Это он сам делает?

— Нет, — она прижалась к его спине. — Это коллекция из разных мест. Он приборы всякие делает. Станки для заводов. Вчера рассказывал мне про какой-то супер-пуперский радиоприемник. Типа он ловит все каналы мира и не только.

— В смысле — не только? Еще и вышивать умеет? — усмехнулся он.

— Нет, вышивать не умеет, — она приподнялась на цыпочках и лизнула его ухо. — Ловит параллельный мир.

Артем повернулся и взял ее за плечи.

— Как это — параллельный мир? Ты смеешься сейчас надо мной? — он грозно сдвинул брови, и Светлана испуганно съежилась.

— Честное слово, он так и сказал. Хотел сделать мне пропуск и показать.

Он усмехнулся и прижал ее к себе.

— Дуреха, ты чего так испугалась? Я женщин не бью.

Светлана уткнулась в его грудь и с наслаждением вдохнула запах. Опьяняющий запах любимого мужчины. Артем резко поднял ее на руки и понес в спальню.

— Даже кровать у вас лучше, чем моя, — проговорил он, страстно стягивая с нее белье.

— Главное в кровати партнер, а не матрас, — Светлана рывком перевернула его и села сверху. — Кого бы ты выбрал: молодую и красивую в коммуналке или старую и страшную в шикарной квартире?

Артем провел рукой по ее стройному телу и томно ответил:

— Молодую и красивую в шикарной квартире. Ты мне подходишь по всем параметрам.

Она счастливо взвизгнула, когда Артем навалился на нее сверху. Тут раздался голос, и оба испугано замерли:

— Светочка, пропуск готов. Одевайся.

Артем вскочил и принялся натягивать трусы. Светлана судорожно искала шелковый халат.

— Светочка, — выдохнул Карл Борисович и замер на пороге спальни. Ошарашенный, он переводил взгляд с мускулистого красавца на Светлану, закутавшуюся в одеяло, и обратно.

— Светочка, как это понимать? — наконец выдавил он и ткнул пальцем в Артема, застегивающего ширинку.

— А что тут понимать, дедуля? Светка теперь моя. Так что забирай свои пожитки и уматывай отсюда, — он грозно двинулся на Карла Борисовича, но тот даже не шелохнулся.

Светлана бросилась наперерез и встала перед Артемом.

— Уйди, пожалуйста, — попросила она и разрыдалась. — Мне надо с ним поговорить.

Артем схватил футболку и, проходя мимо профессора, грубо задел его плечом. Тот стерпел, но зло сжал губы. Громко хлопнула входная дверь и наступила тишина, прерываемая всхлипами Светланы.

— Прости меня, но я люблю его, — виновато сказала она и вытерла лицо пододеяльником. — Сама не знаю, как это вышло. Он такой молодой, красивый, горячий, а ты... Ты — это ты. Тебя постоянно нет дома. У тебя одни проекты на уме. По ночам ты спишь, вместо того чтобы радовать меня ласками. Перечислять можно долго.

Она вскинула голову и посмотрела на притихшего Карла Борисович.

— Ты тоже в этом виноват, признайся.

— Ты права, — он подошел к шкафу и начал выкладывать на кровать свои вещи.

— Ты уходишь? Куда? К маме? — она остановила его. — Давай сначала решим, что будет дальше?

Карл Борисович усмехнулся, посмотрел на часы и продолжил вытаскивать рубашки, галстуки и костюмы.

— У меня скоро обед закончится. Семен Семенович попросил подойти. Надо еще в гостиницу заселиться. Куча дел.

Он подвинул пуфик, встал на него и вытащил с антресоли кожаный чемодан. Озадаченная Светлана, наблюдала за его сборами, не зная, как поступить.

«Может, у него шок? Вдруг он рассудком повредился? Все-таки психологическая травма. Опасно его в таком состоянии на улицу выпускать».

Она подобрала с пола халат, надела и осторожно спросила:

— Карлуша, а как ты себя чувствуешь? Нигде не болит?

— Все хорошо, Светочка. Ты не помнишь, где мой берет? На улице холодает, боюсь уши простудить, — Карл Борисович выгреб из комода носки и кучей бросил в чемодан.

— В прихожей, на полке, — еле слышно проговорила она и схватила его за руку. — Посмотри на меня.

Он пригладил вихор на затылке, улыбнулся и сказал:

— Не волнуйся ты так. Мне всего лишь пятьдесят шесть лет, а не восемьдесят. Я здоров.

Он рванул в кабинет и вернулся с кубышкой, из которой вытащил оставшиеся деньги и спрятал в карман. Светлана еще раз предприняла попытку поговорить с ним, когда он закрыл чемодан и пошел к двери.

— Что будет дальше? Мы разводимся?

Карл Борисович провел ладонью по ее щеке и тихо сказал:

— Мы, конечно же, разведемся. Я и женился-то для того, чтобы все от меня отстали. Ты хорошенькая, молодая, но чужая. Всегда была чужой.

Он глубоко вздохнул, широко улыбнулся и радостно сказал:

— Ты не представляешь, как я счастлив.

Карл Борисович решил пока не рассказывать матери о случившемся. Он заселился в гостиницу и вернулся на работу.

— Та-ак, — сказал он истукану и потер руки. — Включаю.

Многоголосье ворвалось в кабинет. Люди ели, стуча ложками по посуде, смеялись и разговаривали.

— Вот мне интересно, сколько мы здесь будем жить? Неужели вечно?

— Пф-ф, — прыснул кто-то и рассмеялся. — Конечно! Вот ты, Оливер, сколько уже живешь?

— Если честно, то перестал вести счет. Может, двести двадцать или двести двадцать

пять лет. Зачем считать, если не стареешь и за эти годы никто в нашей деревне не умер?

Тут в разговор вмешалась Луиза:

— Амон в своих путешествиях встречал много деревень, но обходил их стороной. У меня есть предложения: пусть тот, кто пойдет с ним в следующий раз, пообщается с людьми, живущими там. Все-таки интересно, почему мы здесь появились. Может, люди туда по-другому попадают.

Послышались одобрительные возгласы.

— Как? Как вы туда попали? — прошептал Карл Борисович. — Пожалуйста, подскажите.

— Очень вкусные овощи. Спасибо, Вера, — послышался голос Гюстава. — Кстати, получается, что в нашей деревне старше всех Амон. Он жил во времена правления Тутанхамона. Рассказывал, что даже видел его издалека. Затем старик Савелий. Тот на паперти стоял при Иване Четвертом.

— Грозный, — послышался женский голос.

— Ты о чем, Вера?

— Ему дали прозвище Грозный. Иван Грозный. Мы по истории проходили.

Гюстав откашлялся и продолжил:

— Та-ак, следующий кто? Ты, Оливер?

— Нет, наш Рави. Эй, Рави, иди сюда!

Через несколько секунд голоса детей и лай собаки приблизились.

— Чего тебе? — спросил мальчик. По голосу ему было не больше десяти.

— Ты когда жил на Земле? Помнишь?

— У-у-у, — протянул он. — Я уже давно здесь. А считать и писать меня Оливер научил. Я только знаю, что наш народ назывался невары. Мы жили между гор, на каменной земле. Мою старшую сестру как раз замуж выдали... За дерево.

— Что ты мелешь? — рассмеялась Вера. — Как это, замуж за дерево?

— Я правду говорю, — обиделся Рави. — У нас все девочки выходят замуж за дерево. А когда вырастут, тогда за мужчин.

— Я тебе не верю, — вспылила Вера. — Зачем за обманываешь?

— А вот и не обманываю! — сорвался на крик Рави. — Чтобы ее после смерти мужа не убили, остается еще один муж — дерево. Традиция такая.

Кто-то напомнил о сестре, и люди начали расходиться. Карл Борисович повернул усилитель на Струнного, который выводил какую-то печальную мелодию.

— Так-так, Тутанхамон жил до нашей эры. Значит, Амону больше двух тысяч лет! Невероятно. Милые мои, как же я хочу к вам!

Он наклонился и обнял радиоприемник. Тут в дверь постучали.

— Кто там?

— Карл Борисович, в цеху все предохранители сгорели, когда станки включили. Надо разобраться. Кто-то мощность не подрасчитал, — прозвучал бас главного энергетика Холопова. — Мои сейчас поменяют, но надо что-то решать. Может, дополнительную линию придется от электростанции провести или..

Профессор чертыхнулся, вскочил и открыл дверь.

— Пойдем, сам все проверю. Ни на кого положиться нельзя.

Они быстро зашагали по коридору, споря, как же исправить и кто виноват. Дверь кабинета медленно закрылась.

— Алло, это я. Он ушел, — Светлана лежала в кровати в обнимку с телефонным аппаратом.

— Отлично! Сейчас соберу вещи и к тебе.

— Подожди, — осадила она его. — Я посмотрела документы на квартиру. Она принадлежит его матери.

— Черт! А ты раньше не могла посмотреть? До того, как заварила эту кашу? — зло выкрикнул он. — Так и знал — нельзя полагаться на баб. И что теперь? На что мы жить будем?

Светлана хотела возразить, но он продолжил:

— Сиди там. Сейчас я приеду.

Из трубки послышались гудки.

«Ты должен думать, на что мы будем жить, — обиженно подумала она и укрылась одеялом с головой.

Через полчаса прерывисто зазвонил дверной звонок. На пороге стоял запыхавшийся Артем.

— Ты чего не одета?

Он прошел в квартиру с большой черной сумкой.

— Давай-давай-давай, собирай свои вещи, — поторопил он. — А я пока пройду по квартире.

Он открыл сумку, которая оказалась пуста, и поставил посреди гостиной.

Ошарашенная Светлана засемила следом:

— Что ты хочешь делать?

— Приданое твое соберу. Не бойся. Мы не ворует, а честно делим нажитое имущество. Умный дядька оказался — на мать квартиру записал. Но ничего-ничего, здесь есть чем пожить.

Он снимал картины и аккуратно складывал в сумку.

— Наличка в доме есть? Или сейф какой-нибудь?

— Деньги он забрал, — тихо ответила она, опустилась на диван и задумалась. С одной стороны, разрушился привычный уклад размеренной жизни, к которой она привыкла за три года замужества. С другой, теперь можно открыто жить с любимым человеком. Не бояться пройтись по улице или посидеть в ресторане. Ложиться и просыпаться в его объятиях.

— Светка, а эти статуэтки дорого стоят? — донесся голос Артема из кабинета.

Светлана встала в дверях и ахнула. Все шкафы были открыты, а содержимое в беспорядке разложено на столе и диване.

— Что ты делаешь? Он подумает, что нас ограбили!

— Ну, так приברי. А я пока аккуратно эти штучки в бумагу заверну.

Она не стала спорить и разложила все на свои места. Артем тем временем вырывал из толстой тетради листы и заворачивал в них глиняную коллекцию профессора.

— Иди и собери свои вещи. Сколько раз еще нужно сказать, чтобы ты поняла? Я не твой муженек-тряпка. У меня не забалуешь, — он повернул ее к двери и шлепнул по ягодицам. — Бегом!

Светлана быстро переоделась. Затем рассовала вещи по сумкам и потащила их к дверям.

Артем стоял в прихожей и задумчиво чесал живот.

— У тебя накопления какие-нибудь есть? На сберкнижке или в чулке?

Она отрицательно помотала головой.

— Я все деньги, что муж давал, тебе приносила.

— Плохо, очень плохо.

— Почему?

Он отнес свою сумку в гостиную и выложил все на стол.

— Передумал я. А если он захочет тебя наказать и заявит в полицию? Тогда они выйдут на меня и загребут за соучастие.

Светлана облегчено выдохнула. Ей с самого начала не понравилась идея забирать вещи Карла Борисовича.

— На что жить-то будем? — спросил Артем, подошел и крепко обнял ее. — Опять придется грузчиком спину себе ломать. А тебе можно пойти в официантки.

Светлана возмущенно отпрянула.

— А что? Хорошая работа. Хлебосольная. Будешь со стола домой приносить. И не смотри на меня так. Жить как-то надо.

Он пошел в прихожую, схватил ее сумки и вышел из квартиры. Светлана обвела взглядом некогда родной дом и, печально вздохнув, последовала за ним.

Раскладывая вещи в шкаф Артема, Светлана вспомнила разговор с профессором.

— Надо радиоприемник украсть и продать. Он на нас не подумает, — сказала она Артему. — Я знаю, где его кабинет. Была там однажды. Только охранник внизу сидит.

Артем приподнялся на кровати и спросил:

— Ты думаешь, он дорого стоит?

— Конечно, дорого, — кивнула она. — Это же уникальный прибор. Мой бывший хоть и старый, но очень умный.

— Хм, — задумался Артем. — Хорошая идея.

Он вытащил из комода блокнот, ручку и подозвал Светлану к столу.

— Иди, нарисуй схему, как попасть в его кабинет. Потом подумаем, как выманить охранника.

Карл Борисович завел джип и вырулил с заводской парковки на оживленную трассу. До самого вечера он, вместе с Холоповым, решал проблему подключения станков.

— Ничего без меня не могут, — пробурчал он. — Всю мелочевку приходится самому делать. Даже сечения кабеля неправильно рассчитали. Ну куда это годится? Что они будут делать, когда я уйду?

Уйти он собирался в параллельный мир, а не на пенсию. Задумавшись, он чуть не подъехал к дому, но вовремя вспомнил и развернулся в сторону гостиницы. Администратор, болезненного вида девушка, протянула ему ключи со словами:

— Спокойной ночи. Пусть вам приснится суженая.

— Суженая? — усмехнулся он. — С чего бы это?

— Ну как же: на новом месте приснишь жених своей невесте. Я всегда так гадаю.

— И как? Приснился жених-то?

Она мотнула головой на тонкой шее и смущенно ответила:

— Пока нет. Как назло, в ту ночь ничего не снится.

Карл Борисович попрощался и направился к номеру, подбрасывая ключи. Он зашел и в

темноте чуть не упал, споткнувшись о чемодан.

— Давно надо было разбежаться. Одно мученье — этот брак, — сказал он, складывая вещи в шкаф.

Тут у него настроение упало, и он устало опустился на краешек кровати. Новость о разводе вряд ли могла обрадовать маму. Опять будет переживать о том, что он останется один. Конечно, было время, когда Карл Борисович хотел жену и детей, но сейчас, в свои пятьдесят шесть, он желал лишь спокойствия и возможности заниматься любимым делом.

— Все будет хорошо. Мамочку я с собой заберу, — сказал Карл Борисович и залез под одеяло. — Осталось выяснить, как попасть к ним.

Голодный желудок заурчал, и профессор пожалел, что не заехал по пути в магазин.

«Кабинет я закрыл или нет? Не помню. Должен был закрыть. Надеюсь, закрыл», — подумал он, засыпая.

Артем надел черный спортивный костюм и черную кепку.

— Выглядишь шикарно, — сказал он Светлане, показавшейся из-за двери шифоньера. На ней было облегающее голубое платье, лаковые сапоги и меховая накидка из лисы.

— А по-моему, перебор.

— Нет, самое то. Пошли, — он звонко шлепнул ее по ягодицам.

Они сели в такси и попросили водителя остановить у автобусной остановки, недалеко от проходной завода. Весь вечер Артем продумывал план кражи радиоприемника. Затем изложил его Светлане, та согласилась.

— Уже уехал, — показала она на пустую парковку.

— А машина-то на кого записана? — заинтересовался Артем.

— На него, но выбирать мы ходили вместе.

— О, — воодушевился он. — Так это — совместно нажитое имущество. Попроси, чтобы тебе отдал.

— Хорошо, — кивнула она и зябко поежилась. — Волнуюсь. Вдруг попадемся?

Илья махнул рукой.

— Не попадемся. Я все четко продумал. Лишь бы ты не сплеховала.

Светлана кивнула и, натянув улыбку, открыла дверь. С места тут же вскочил обеспокоенный охранник.

— Никого нет. Все уже ушли. Я хотел закрываться.

— Здравствуйте, — улыбнулась она и, качая бедрами, подошла к нему вплотную. — Мой муж — Воронов Карл Борисович. Он не пришел до сих пор домой. Я волнуюсь.

— Карл Борисович? Да, он часто задерживается. Но, — тут он показал на окно, с которого открывался вид на парковку. — Его машины нет — значит, уехал. И ключ от кабинета на месте.

— Дело в том, что он собирался отогнать машину на станцию, что-то там забарахлило, и вернуться на работу пешком. А ключи у него запасные есть. Прошу вас, пойдете проверим. У меня сердце не на месте, — она опустила взгляд и провела по груди. — Так бьется, будто хочет выскочить. Хотите послушать?

Завороженный охранник уже было потянулся к ней, но одумавшись, отпрянул.

— Хорошо. Пойдемте проверим. А то их столько тут ходит. Всех и не упомнишь.

Они направились к лифту.

Артем, подглядывающий в дверную щель, крадучись зашел в здание завода и

прислушался. Через несколько секунд закрипел лифт и пополз вверх. Он подошел к ключнице, вытащил ключ с номером кабинета профессора и побежал к лестнице.

Тем временем Светлана и охранник вышли из лифта и зашагали к кабинету с номером семьсот один.

— Уже закрываться хотел, — сказал охранник. — Думал, что все ушли.

— Мой муж так увлекается работой, что забывает о времени.

— Я это заметил. Первым приходит, последним уходит.

— Так и есть. Представляете, как скучно мне одной, — пожаловалась она и томно вздохнула.

— Представляю, — окинул он ее похотливым взглядом. — Пришли.

Они остановились у двери кабинета, и охранник осторожно постучал.

— Карл Борисович, вы тут?

Тишина. Он постучал сильнее.

— Карл Борисович!

Светлана положила ему руку на плечо.

— Похоже, что он действительно ушел. Раз уж мы здесь одни, то не могли бы вы оказать мне услугу?

— Какую? — еле слышно ответил он и сглотнул.

— Всегда мечтала побывать в кабинете директора. Говорят, там очень красиво.

Охранник пожал плечами.

— Что там красивого? Кабинет как кабинет. Вагонкой обшит.

— Вагонкой? Никогда не видела обшитый вагонкой кабинет, — восхищенно проговорила она и провела пальчиком по его руке. — Покажите мне, пожалуйста.

— Ну, хорошо, — кивнул он. — Тогда я вниз за ключами, а вы спускайтесь на четвертый этаж. Я сейчас.

Охранник побежал к лифту. Вскоре механизм зажужжал, и лифт начал спускаться. Артем поднялся на один лестничный пролет и подошел к Светлане.

— Ключ взял?

— Да, — он вытащил ключ из кармана, засунул в замок и попытался повернуть, но ключ не двигался.

— Может, перепутал? — зашептала она, прислушиваясь к лифту.

— Нет. На нем же еще и брелок с номером кабинета висит.

Он нажал на ручку, и дверь открылась.

— Она не заперта, — радостно сказал он и кивнул в сторону лестницы. — Минут десять поддержи его. Я заберу радиоприемник, верну ключ и буду ждать тебя на остановке.

Они поцеловались, и Светлана быстро пошла к лестнице. Было слышно, как лифт закрылся и поднимается.

Артем вытащил из кармана маленький фонарик и осмотрелся. Его взгляд сразу упал на громоздкий предмет посреди стола.

«Неужели это он?» — с сомнением подумал он и решил заглянуть в шкафы. Однако больше ничего похожего не нашел. Он выдернул усилитель, чтобы усики не мешали, и понес радиоприемник к лестнице.

«Жаль, что нельзя на лифте спуститься», — подумал он, почти бесшумно спускаясь. Он изредка останавливался, чтобы перевести дыхание.

Светлана посматривала на наручные часы и с наигранной радостью благодарила

охранника:

— Муж столько раз обещал провести экскурсию по заводу, но так и не смог. А вы, молодец, не отказали. Спасибо вам большое!

— Не за что, — смущенно ответил охранник. — Но тут смотреть-то не на что. Пойдемте лучше в цеха. Там работа кипит даже ночью.

— Нет-нет, мне некогда. Карл Борисович, наверное, уже дома. Ждет меня.

Охранник разочарованно выдохнул, пожал плечами и нажал на кнопку вызова лифта.

Внизу они попрощались, и Светлана вышла на улицу. Впереди, на остановке, маячила темная фигура.

— Ты долго, — сказал Артем, когда она подбежала и прыгнула в его объятия. — Я испугался, что что-то пошло не по плану.

— Все хорошо. Решила подольше его подержать, чтобы ты успел. А радиоприемник где?

— Вон, на скамейке стоит. Через пять минут должен Генка подъехать, как и договаривались. Надеюсь, не кинет.

Через пару минут возле них остановился зеленый запорожец.

Утром следующего дня Карл Борисович остановился у булочной и купил бутылку кефира, батон и банку сливового повидла.

На улице было солнечно, но прохладно. Он сел на скамейку, закинул в рот кусок батона с повидлом и зажмурился от удовольствия. Сегодня ночью ему приснилась Мария. Она мыла окна в его квартире и заливисто смеялась.

«Может, пригласить ее погулять? Конечно, если дождь к вечеру не зарядит».

Он доел, выбросил остатки в мусорный бак и поехал на работу. Сонный охранник открыл дверь:

— Доброе утро.

— Доброе утро! — весело поздоровался профессор и хлопнул охранника по плечу. — Опять разбудил тебя?

— Нет, не разбудили. Директор раньше приехал, — ответил он и отпил из большой кружки. — Сказал, чтобы вы сразу к нему шли.

— В семь утра? Что-то случилось? — встревожился он. — Ночью никакого форс-мажора не было?

Охранник потянулся, крякнул и мотнул головой.

— Ночь прошла спокойно. Вечером только ваша жена приходила. Потеряла вас.

Карл Борисович недоуменно уставился на него:

— Жена искала? Зачем?

— Ну, откуда я могу знать, — раздраженно ответил тот. — Не забудьте, директор вас ждет. А то попадет мне. Подумает, что я не передал.

Карл Борисович взял ключ.

— Оставлю чемодан в кабинете и пойду к нему. Не волнуйся.

Он поднялся на седьмой этаж и нажал на ручку двери. Закрыто.

«Закрыто. Я всегда закрываю», — подумал он, зашел в кабинет и повернулся к сигнализации, но она не была включена.

— Вот что меня мучило — сигнализацию забыл поставить. Надо таблеточки для памяти попить, а то...

Он не договорил и уставился на пустой железный ящик. Затем на стол, на котором

лежал усилитель с вытянутыми усиками.

— Та-ак, а где мой радиоприемник?

Тут в дверях появился директор.

— Семен Семенович, что-то случилось? — растеряно проговорил профессор и заглянул под стол.

Директор кивнул и показал на стул.

— Присядь, нам надо поговорить, — скорбным голосом сказал он.

«Узнал про радиоприемник и забрал, чтобы на работе личными делами не занимался», — догадался Карл Борисович.

— Семен Семенович, это больше не повторится. Отдайте радиоприемник, и я только дома им буду заниматься, — уверил профессор.

— Какой радиоприемник? — опешил директор. — Я ничего не брал.

— А кто же тогда?! Вот здесь он стоял, — Карл Борисович прижал руку ко рту и тихо сказал. — Украли.

Директор взял его за руку, подвел к креслу и посадил.

— Послушай, Карл Борисович. Произошло несчастье.

— Да-да, несчастье, — тихо произнес он. — Украли мой радиоприемник.

— Да я не про то, — махнул директор рукой. — До тебя не смогли дозвониться и позвонили мне... Твоя мама умерла.

Карл Борисович мотнул головой:

— Нет, я ее видел. Недавно.

— Ты не понял, — Семен Семенович положил руки ему на плечи. — Она умерла сегодня ночью. Соседка не смогла до тебя дозвониться и позвонила мне. Скорая не успела.

Карл Борисович испугано вздрогнул, оттолкнул директора и вскочил:

— Мама!

Его взгляд упал на открытый железный ящик.

— Украли!

Семен Семенович похлопал его по плечу:

— Прими мои соболез...

Но тут Карл Борисович развернулся, схватил директора за горло и начал душить:

— Украли! Маму украли! Украли-и-и...

Директор наотмашь ударил Карла Борисовича. Тот упал, стал биться головой об пол и кричать:

— Все украли! Все-все-все. У меня больше ничего нет. Ма-ма!

Семен Семенович приподнял его, чтобы голова не доставала до пола, и взревел:

— Скорую! Кто-нибудь, позвоните в скорую!

Светлана проснулась от громкого звука. Артем раздраженно колотил кулаком по столу.

— Что случилось?

Он зевнул, потер уставшие глаза и кивнул в сторону радиоприемника, который стоял на обеденном столе.

— Пошло оно все, — стукнул он еще раз. — Пусть кому надо, тот и разбирается.

— Ты о чем? — она убрала волосы в хвост, подошла и прислушалась. Из динамика еле слышно доносился разговор на иностранном языке.

— Не знаю я, на какой волне этот параллельный мир. Я даже не знаю, на каком языке

сейчас там говорят. Продадим, пусть покупатель сам ищет. Всю ночь не спал, глаза слипаются.

Она подошла и прижала его голову к своей груди.

— Бедненький, иди ложись. А я пока справочник проштудирую. Как ты думаешь, кому можно продать?

Артем отстранился от Светланы, еще раз зевнул и направился к двери.

— Не знаю я. Покурю и спать лягу. Думай сама.

До обеда Светлана перелистывала толстый справочник и выписывала номера телефонов комиссионных магазинов и ремонтных мастерских.

— Ну что? — хрипло спросил Артем и потянулся к стакану с водой. — Кому толкать будем?

— Для начала, думаю, надо комиссионкам предложить. Если не возьмут, то на запчасти отдать.

— Ты дура, что ли? — Артем резко сел и расплескал воду на постельное белье. — Твой муженек такой чудо-прибор придумал, а ты его хочешь за три копейки в комиссионку сдать?

Он вскочил и грубо вырвал у нее из рук справочник.

— Все самому приходится делать. Иди, пожрать лучше свари.

Светлана надула губы, схватила сковороду и вышла из комнаты. На кухне возле окна сидела старуха и курила в форточку.

— Почему бы вам не дымить на улице? — сморщила нос Светлана и полезла в шкаф под раковиной за картошкой.

— А почему бы тебе не свалить отсюда? — огрызнулась старуха. — Ты вообще-то не имеешь права здесь жить.

— Почему это? Где хочу, там и живу, — ответила она и презрительно скривила губы. — Быстрее бы вы уже съехали. На кладбище, например.

Старуха ухмыльнулась, но ничего не ответила. Светлана принялась чистить картошку, искоса поглядывая на примолкшую соседку.

Уважаемый читатель, чтобы не пропустить новые главы не забудь подписаться и добавить книгу в библиотеку!

Глава 8

Карл Борисович проснулся с жуткой головной болью. Он поднял руку и провел по пульсирующему лбу.

— Ого, какая шишка, — сказал он и с трудом открыл слипшиеся веки. В окно светило солнце. Карл Борисович привстал и огляделся. Больничная палата.

— Наконец-то, очнулся, — услышал он и повернулся.

Напротив стояла еще одна кровать, на которой лежал худощавый лысый мужчина с книгой в руках.

— Скучно мне, а тут тебя положили. А ты все спишь да спишь.

Он отложил книгу, сел и представился:

— Валентин.

— Очень приятно. Я — Карл, — он спустил ноги и сел. — Где это мы?

Валентин с кряхтеньем встал и подошел к окну.

— Все там же. Я уже в пятый раз. А ты?

Профессор еще раз дотронулся до лба и поцокал языком.

— И где это я так ударился? Мы в травматологии?

Валентин рассмеялся и пожурил пальцем.

— Хорош прикидываться. Ты что, родную психушку не узнаешь?

Карл Борисович испуганно ахнул и прижал руку ко рту:

— Психушку? Что я здесь делаю?

Тут дверь открылась, и зашел пожилой мужчина в белом халате.

— Ну, Карл Борисович, как вы себя чувствуете? — спросил он и сел рядом. — Если голова болит, то вам сейчас обезболивающее дадут.

— Скажите, — он обвел взглядом палату. — Неужели это — психиатрическая больница?

Мужчина нахмурил брови и осторожно спросил:

— Вы ничего не помните?

Карл Борисович задумался и по привычке начал приглаживать вихор на затылке.

— Вспомнил! Жену свою Светлану с любовником застал, — он покачал головой. — Как же так. Ведь я так старался быть хорошим мужем. Но парень — хорош. Если честно, то на ее месте я бы тоже его выбрал. Молодость быстро проходит, надо успевать жить. А как я здесь оказался?

Врач похлопал его по плечу.

— Отдыхайте пока. Сейчас ужин принесут. Завтра утром мы обо всем поговорим.

Он встал и вышел.

— Завтра утром, — передразнил Валентин. — Врет он все. Не любят они разговаривать. Сидят и смотрят на тебя, как на полоумного. Или поддакивают, как дураки. Пойдем лучше, покурим.

Карл Борисович встал и только сейчас обратил внимание, что одет в голубую пижаму.

— А где мой костюм? — спохватился он. — Не могу же я так выйти к людям.

Он огляделся в поисках шкафа, но, кроме двух тумбочек, мебели больше не было. Валентин махнул и потянул его к выходу:

— Здесь все так ходят. Не переживай. Пошли скорее, пока ужин не начали раздавать.

Карл Борисович пожал плечами и последовал за ним.

На улице было тепло, летали бабочки, чирикали птицы. Они сели на скамейку, и Валентин закурил.

— Эх, хорошо, — он глубоко затынулся. — Пивка бы сейчас и воблы.

— А я корюшку люблю, — отозвался Карл Борисович и уставился на голубую бабочку.

«Бабочки, птички — хорошо. Прямо как Там», — он резко выпрямился и уставился невидящим взглядом на высокую стену, за клумбой.

— Ты чего? — всполошился Валентин и схватил его за руку. — Приступ?

Карл Борисович замотал головой:

— Нет-нет. Мама, — еле слышно проговорил он. — Мама умерла и радиоприемник.

— Что, тоже умер? — на полном серьезе уточнил Валентин и затушил сигарету. — Пойду-ка я санитаров позову. Не нравишься ты мне.

Он засеменил к серому зданию, изредка оборачиваясь. Карл Борисович встряхнул головой и почувствовал боль в области лба.

«Что со мной? Я как будто во сне. Чувствую себя заторможенным. А какой сегодня день? Может, я уже неделю здесь лежу? Надо выяснить».

Он встал и пошел вслед за Валентином. В дверях чуть не столкнулся с двумя крепкими мужчинами.

— Это он! Он! — послышался голос Валентина. Мужчины подхватили профессора под руки с двух сторон и завели в больницу.

Валентин забежал вперед и открыл дверь палаты. Санитары подвели Карла Борисовича к кровати и бережно посадили.

— Со мной все хорошо. Честно, — сказал он, но мужчины даже не думали уходить. Они стояли рядом и буравили его взглядом. Тут прибежала молоденькая медсестра со шприцом в руке.

— Не бойтесь, — сказала она и воткнула иглу в плечо. — Сейчас вам станет легче.

Карл Борисович попытался оттолкнуть ее, но крепкие пальцы санитара вцепились в его руку.

— Со мной все хорошо. Честно, — повторил он и почувствовал, как слабеют руки и ноги. Захотелось спать. Медсестра помогла ему лечь, укрыла одеялом, и все вышли, кроме Валентина.

— Давно я здесь? — тихо спросил он. Слова давались с трудом, язык еле ворочался. Он изо всех сил старался держать глаза открытыми.

— Со вчерашнего дня, — откуда-то издали послышался голос Валентина. — Поспи. Первые дни самые тяжелые. Уж я-то знаю.

Артем сидел на скамейке у подъезда и потирал мозолистые руки. Два дня подряд он ходил на железнодорожную платформу выгружать контейнеры.

Светлана увидела его в окне и выбежала на улицу.

— Ты почему домой не заходишь? — она села рядом и положила голову ему на плечо. Он пожал плечами и показал руки.

— Отвыкли от работы при хорошей жизни. Тебе тоже надо куда-нибудь устроиться. На двоих грузчиком не заработаешь. Ты звонила?

Светлана кивнула и разочаровано выдохнула:

— Никого не заинтересовал этот радиоприемник. Только один сказал, что знает

немецкий и хотел бы послушать немецкие новости. Но цену предложил, как за обычный приемник.

— А что насчет параллельного мира? Сообразила, как к нему подключиться?

— Неа, — она стряхнула мучную пыль с его плеча и предложила. — Может, что-нибудь из золота продать?

— И много у тебя золота? — заинтересовался он и внимательно посмотрел на ее обручальное кольцо. — Что за камень?

— Это бриллиант, — она вытянула руку, и камень заискрился на свету. — У меня есть три колечка, цепочка с кулоном и брошь. Думаю, хватит на первое время. Потом придумаем что-нибудь.

— Пойдем домой. Жрать хочется. Заодно богатства свои покажешь.

Они взялись за руки и поднялись в квартиру. Старуха стояла в прихожей с мухобойкой и пыталась достать до паука.

— Ты крадю свою когда будешь прописывать? — спросила она и кивнула в сторону удаляющейся на кухню Светланы.

— С чего это я ее должен прописывать? — Артем стягивал поношенные кеды с потных ног.

— А с того, что она воду — тратит, — старуха принялась загибать пальцы. — Свет — тратит, газ — тратит. Мы не согласны за нее платить. Пусть счета на нее тоже делят. А то, ишь какая! Живет за нас счет.

Артем ничего не сказал и прошел в свою комнату. Следом прибежала Светлана с кастрюлей.

— Гречку с мясом приготовила. Будешь?

— Конечно, — кивнул он и устало опустил на стул. — Есть хочу, как волк.

Она высыпала ему гречку в большую тарелку и намазала масло на хлеб.

— Иди, золотишко принеси, — сказал он с набитым ртом. — Прикину, на сколько нам хватит.

Светлана вытащила из чемодана косметичку, открыла ее и ахнула.

— Что такое? — испугано спросил Артем.

— Я забыла, — еле слышно проговорила она. — Мешочек переложила из косметички в шкаф с хрустальной посудой. Надо сходить и забрать.

Артем вновь набил рот кашей и что-то невнятно пробормотал. Светлана принялась одеваться. На его вопросительный взгляд ответила:

— Только шесть, его еще дома нет. Не хочу с ним встречаться.

Он кивнул и принялся хрустеть маринованным огурцом.

Через полчаса она с замиранием сердца открыла дверь квартиры и, включив свет, прошлась по комнатам.

— Как хорошо дома, — она села на диван и погладила мягкую кожаную обивку.

Тут в дверь постучали.

— Светочка, это Раиса Васильевна, — услышала она вкрадчивый голос. — Можно к тебе? Слышала, как ты пришла.

— Конечно, — Светлана вытерла слезы тыльной стороной ладони. — Проходите, Раиса Васильевна.

Эта пожилая женщина жила по соседству и изредка заходила в гости.

— Как там Карлуша? — она села рядом и горестно вздохнула. — Держится?

— Не знаю. Не видела его, — сухо ответила Светлана. Она была обижена на него.

«Ты не представляешь, как я счастлив», — вспомнила его слова. И это вместо того, чтобы горевать и просить ее не уходить!

— Когда похороны-то? Я, конечно, не смогу пойти — ноги к вечеру опухают. Но гвоздики передам. Хорошая была женщина.

Светлана недоуменно уставилась на нее.

— Кому гвоздики?

— Как кому? Маме Карла. Мне только сегодня утром сказали, что она умерла... А вы еще одну квартиру купили? А то несколько дней не появлялись.

Светлана выпроводила гостью, схватила трубку и набрала номер телефона в кабинете Карла Борисовича. Гудки звучали, но к телефону никто не подошел.

«Он, наверное, в квартире матери», — догадалась она. Трубку взяла незнакомая женщина.

— Здравствуйте, — поздоровалась Светлана. — Можете Карла к телефону позвать?

— Его здесь нет.

— А где же он? На работе его тоже нет.

— Подождите, сейчас передам трубку, — торопливо ответила женщина.

Через несколько секунд послышался мужской бас:

— Светлана, это Семен Семенович. Помните меня?

— Да-да, вы директор Карла.

— Почти, — усмехнулся он. — Директор завода — будет вернее. Карла Борисовича увезли в больницу. У него нервный срыв случился. Думаю, ему надо полежать, отдохнуть, восстановиться.

— В какой он больнице?

— На Кутузова. В психиатрической. Насчет похорон хотел с вами обсудить...

Светлана быстро положила трубку и принялась задумчиво наматывать на палец провод.

— У него мама умерла, — выпалила она в трубку, как только услышала голос Артема.

— У мужа твоего? И что из этого? Люди каждый день умирают, — равнодушно откликнулся он.

Светлана села на пуфик и обвела взглядом квартиру.

— Теперь я смогу уговорить его оставить квартиру мне. Тем более, он сейчас в психушке. Собери наши вещи и приезжай. Будем здесь жить.

Карл Борисович проснулся глубокой ночью и прислушался, пытаясь понять, где находится. По стеклу бил дождь, на улице сигналила машина, тут раздался громкий всхрап, и он понял, что больница была не сном. Он повернулся и огляделся: на соседней кровати спал Валентин, из-под двери выглядывала полоска света с коридора.

«Мама, что ж ты немного не потерпела. Тебе бы понравилась Луиза. И с Гюставом нашла бы, о чем поговорить, — подумал он, накрылся одеялом с головой и тихонько заплакал. — Потерпела бы еще чуть-чуть, и мы бы никогда не расстались... Я хочу туда, к ним. У меня на этой земле больше никого нет. Я совсем один».

Тут он вспомнил, что радиоприемник пропал, и в ужасе вскрикнул. Валентин пошевелился, но не проснулся.

«Кто же мог его украсть? Семен Семенович? Не-ет, он даже не подозревает, что я изобрел. А может, Сева? Какой-то он странный в последнее время. Все ходит вокруг меня.

Но я ему не говорил... Света! — он вскочил, надел тапочки и зашаркал к двери. — Охранник сказал, что она меня искала. С чего бы это? Отвлекала его, пока ухажер радиоприемник крал!»

Карл Борисович выбежал в коридор и на слабых ногах засеменил к лестнице.

«Вот я до них доберусь. Воры!»

— Эй, вы куда? — послышался сзади мужской голос, и профессор ускорил шаг. — А ну, стоять!

Карл Борисович побежал что было сил к двери, над которой висела лампа с надписью «Выход».

— Стоять! — мужчина грубо схватили его за плечо и резко дернул. Профессор еле удержался на ногах и жалобно попросил:

— Пожалуйста, отпустите. Мне надо домой.

Санитар развернул его, взял под руку и потянул в сторону палаты.

— Успеете домой. Никуда ваш дом не денется. Вот подлечитесь, успокойтесь, образумитесь, и отпустят домой. К жене, к детям, к кошке или кто там у вас еще есть.

Карл Борисович замотал головой.

— Никого нет. Никого.

— Тем более. Что вам делать одному в пустой квартире? А здесь вас кормят, поят, лечат. Утром к доктору пойдете. Он вас выслушает, что-нибудь посоветует.

Санитар говорил тихо и уверенно, и, крепко держа за руку, вел к палате.

— Время только полночь. Все спят. Правильно говорят: сон — лучший лекарь. Голова обязательно должна отдыхать, перезагружаться. Если вы завтра у доктора спросите, то он подтвердит мои слова.

Он завел профессор в палату и грубо посадил на кровать.

— Ложитесь спать. Если вы еще раз попытаетесь без разрешения доктора уйти из больницы, то нам придется вас запереть. Вы же не хотите быть запертым, верно?

Карл Борисович кивнул и лег.

— Вот и хорошо, — смягчился санитар. — На завтрак будет запеканка и какао. Представьте, что вы на отдыхе. В санатории.

Он укрыл профессора одеялом и вышел из палаты.

«В санатории, — усмехнулся Карл Борисович. — Светку бы в такой санаторий. Как же я не замечал ее гадкую натуру? Хотя понятно, почему — работал. Не надо было жениться. Чувствовал ведь, что не моя. Надо доверять себе. Но теперь уже все равно. Лишь бы отдала радиоприемник. А если они его сломали? Или, — ужаснулся он и прижал руку ко рту. — Или продали? Боже, пожалуйста, только не это! Я еще не выяснил, как попасть в параллельный мир».

Он еще долго ворочался от горестных мыслей и только под утро заснул.

— Светка, — Артем появился в дверях спальни с мокрыми волосами и в халате Карла Борисовича. — Я там такой клевый лосьон нашел. Понюхай.

Он в два прыжка добрался до кровати и лег рядом с нагой Светланой.

— М-м, пахнешь сногшибательно, — глубоко вдохнула она и прикрыла глаза. — Это лосьон я выбирала. Но ему не понравился.

— А мне нравится, — Артем смачно поцеловал ее в губы. — Мне здесь все нравится.

Он вытянулся на кровати и положил руки за голову.

— Теперь это наш дом. Пусть муженек твой живет в квартире матери и нас не трогает. Кстати, когда его выпишут? Ты вообще с ним разговаривала?

Светлана засунула в рот шоколадную конфету и мотнула головой.

— Нет, не разговаривала. Все-таки, хорошо, что он нас застукал. Мне надоело притворяться и обманывать.

Артем обнял ее и сказал:

— А я придумал, как еще можно денег заработать?

— И как же? — равнодушно спросила она. Весь вечер Артем то и дело предлагал новые варианты заработка, от продажи картин и статуэток до выманивания денег у пожилых богатых мужчин и женщин.

— Будем комнату сдавать.

— Твою в коммуналке?

Артем кивнул.

— И мою в коммуналке и кабинет твоего муженька.

Светлана недовольно сморщилась.

— А что такого? Вынесем лишнее барахло и можно сдавать какой-нибудь студентке.

— Или студенту, — поправила она, почувствовав укол ревности.

— Мне без разницы, — махнул он рукой. — Лишь бы платили. А теперь, давай спать.

Устал я сегодня. Как хорошо, что больше не надо работать.

Артем счастливо улыбнулся, притянул Светлану к себе и заснул.

Карл Борисович несмело зашел в кабинет.

— Здравствуйте, — приветливо поздоровался пожилой врач и показал на стул, стоящий посреди комнаты. — Присаживайтесь.

Профессор кивнул на приветствие и аккуратно опустился на стул.

— Мне сказали, что ночью вы пытались покинуть нас, — голос был все таким же спокойным, тон доброжелательным, но брови сурово насупились. — Что случилось?

Карл Борисович откашлялся и тихо сказал:

— Отпустите меня, пожалуйста.

— Что вы! — воскликнул врач. — Здесь не тюрьма. Насильно мы никого не держим. Только в очень редких случаях. Ваш случай не такой. Как только вы успокоитесь, мы сразу вас выпишем.

— Но, — Карл Борисович поднял палец. — Я спокоен. Я совершенно спокоен и полностью собой владею.

Врач встал, обогнул стол и подошел к профессору.

— Карл Борисович, вы спокойны, потому что находитесь под действием препаратов. Вы попали к нам в очень плохом состоянии. Кстати, память к вам вернулась?

Профессор пригладил вихор на затылке и задумчиво произнес:

— У меня мама умерла и радиоприемник украли.

— А как попали сюда, вы помните? — врач выжидательно посмотрел на него. Карл Борисович закрыл глаза, окунаясь в воспоминания. Вот он открыл дверь своего кабинета. На столе лежит усилитель, радиоприемника нет. Тут на пороге возникает Семен Семенович. Он грустный. Говорит, что ночью мама умерла. Сейф пуст, радиоприемника нет. И мамы больше нет.

Карл Борисович встряхнул головой, потрогал лоб, на котором шишка пропала, но

появилась сине-сиреневый синяк, и сказал:

— Как попал — не помню. А как я попал?

Врач присел на край стола и сцепил пальцы в замок.

— Вы чуть не задушили Семена Семеновича. А он, между прочим, мой близкий друг. Затем вы начали биться головой об пол. Поэтому у вас такая шишка была на лбу. Когда санитары приехали, то им пришлось вас связать. Вы были совершенно неуправляемы. Я боюсь, что когда вы перестанете получать успокоительное, то вновь начнете чудить и навредите себе или другим, — он пристально посмотрел на профессора и, немного наклонившись вперед, продолжал. — Давайте договоримся, что больше вы не будете пытаться убежать из больницы. А мы продержим вас здесь, под наблюдением, еще семь дней. Договорились?

Он протянул руку и Карл Борисович ее пожал.

— А как же похороны? Мне же надо маму хоронить.

Врач вернулся на место и помотал головой.

— Нет-нет, я вас не могу пока выпустить. Тем более на похороны. У вас сейчас очень нестабильная психика. Семен Семенович предупредил, что самолично займется похоронами. Вам не о чем волноваться. После, сходите с цветами на могилку. Идите в палату, а лучше выйдите на прогулку. Дождь уже прекратился.

Карл Борисович кивнул и, попрощавшись, вышел из кабинета. В коридоре его ждал Валентин.

— Ну, что сказал? Выпустит?

— Нет. Договорились на семь дней.

— Ага, семь дней! — воскликнул Валентин и, спохватившись, шепотом продолжил. — Врет он. Сначала семь дней, потом еще семь дней. А там уже и до конца месяца. Когда тебя привезли, то с тобой приехал мужик толстый такой, важный, в костюме. Я слышал, как он с врачом обсуждал, что на заводе что-то намечается, а ты со своей больной головой можешь все испортить. И чтобы он тебя здесь три месяца подержал.

— Три месяца?! — ужаснулся профессор и прижал руку ко рту.

Валентин кивнул, схватил его под локоть и повел по коридору.

— Для начала, перестань пить таблетки, которые они будут приносить. От них спать хочется и голова, как в тумане. Я их сначала за щеку кладу, потом в унитаз сплевываю.

Они вышли на улицу. Карл Борисович зябко поежился. Было влажно и дул холодный ветер. Валентин зажег сигарету и спросил:

— Кто ты вообще? Чем по жизни занимаешься?

Профессор смахнул капли со скамейки, опустил на нее и посмотрел наверх.

— На заводе работаю. А ты?

— А я художник, — похвастался он. — В основном портреты пишу. Иногда пейзажи. Короче, что закажут, то и пишу.

Он махнул рукой и сел рядом.

— Так себе работенка. Вечно без денег сижу. Ты можешь мне помочь устроиться на завод?

Карл Борисович кивнул и глубоко вздохнул, вспомнив о маме.

«Хорошо, что про измену Светы не рассказал. Может, со спокойной душой умерла».

— Кем? — спросил Валентин, выдернув его из воспоминаний.

— Что? — не понял профессор. Беседа давалась с трудом, мысли путались.

— Кем на завод можно устроиться?

— А что ты умеешь?

Валентин затаился, а Карл Борисович вновь погрузился в мысли.

«Надо вернуть радиоприемник. Обязательно надо вернуть. Хочу туда, к ним. Интересно, там постоянно лето или тоже меняются сезоны? Помнится, они жалели, что не взяли с собой необходимые вещи. Вот было бы здорово переселиться к ним с подарками. Они бы обрадовались».

— Могу заняться оформлением актового зала. Есть у вас актовый зал? — вновь окликнул Валентин.

Карл Борисович кивнул и встал.

— Есть актовый зал. Пойдем в палату. Здесь холодно, не хватало еще простуду подцепить.

Они зашли в больницу и поднялись на второй этаж, в свою палату.

Артем зашел в квартиру и с грохотом опустил радиоприемник на стол в кабинете.

— Надоела мне эта бандура! Надо было сразу на свалку отвезти, — зло сказал он и вытер пот со лба. — Давай продадим, как обычный радиоприемник?

Светлана подошла сзади и обняла.

— Надо съездить до психушки и выяснить, когда его выпишут. Хочу побыстрее развестись.

— Ну так съезди и выясни. Было бы здорово, если бы его на всю жизнь там закрыли.

Она кивнула и продолжила:

— Я придумала, что с приемником делать.

— И что же? — он повернулся и пристально посмотрел на нее.

— Продать институту, в котором языки изучают, — возбужденно проговорила она.

— О-о, ты такая умная! — восхитился он. — А у нас есть такой институт?

— Конечно. В центре, напротив большого фонтана. Не помню его название.

Артем закивал и добавил.

— Надо было антенну тоже забрать, чтобы лучше ловило.

Тут Светлана отодвинулась и озадаченно посмотрела на него.

— Какая еще антенна?

— В приемнике была. Я ее выдернул.

— Ты дурак, что ли? — ошарашено проговорила она. — Так это же и есть усилитель, который параллельный мир ловит.

Артем недовольно скривил губы и пробурчал:

— Сама ты — дура. На кой нам этот параллельный мир, если и без него покупателя не найти. Может, и нет никакого параллельного мира, а это он начал голоса слышать? Не зря же в психушку попал.

— Хм, не знаю, — задумчиво сказала она и пошла на кухню разогревать обед.

Карл Борисович неподвижно сидел на кровати и смотрел в окно.

— Жаль, настольной лампы нет, — раздраженно выдохнул Валентин. — Тень неудачно падает.

Он сидел напротив и делал набросок портрета.

— Кстати, тебе идет такая борода. Я бы на твоём месте еще усы вверх подкрутил.

Карл Борисович кивнул и вновь погрузился в размышления. Сегодня ему было гораздо лучше. Он, как подсказал Валентин, убрал таблетки за щеку и показал медсестре язык.

— Вот так каждый раз. Без напоминаний, — похвалила та. — Мы должны быть уверены, что вы их проглотили.

Карл Борисович кивнул и, как только медсестра скрылся за дверью, выплюнул таблетки на ладонь.

После обеда Валентин уговорил профессора попозировать. У него затекла спина, но он не обращал внимания, мысли о радиоприемнике не давали покоя.

«Зачем он им нужен? Что будут с ним делать? А если сломают или разберут? — ужаснулся он. — Если разберут, то это полбеды — схему я помню. Даже если сломают — соберу новый, но нужно время. Много времени. А вдруг, я потеряю волну и больше никогда

их не услышу? Нет-нет, нельзя думать о плохом. Все будет хорошо. Только мамы больше нет».

Тут он в первый раз за последние дни почувствовал, как защекотало в носу и на глазах выступили слезы.

«Мамочка, что же ты не подождала? Я бы наверняка понял, что нужно сделать. Так, надо вспомнить, о чем они говорили, — Карл Борисович пригладил вихор, глядя невидящим взглядом на бабочку, бьющуюся о стекло. — Реган упал в ущелье. Мальчик Рави жил в горах. Амон видел Тутанхамона. Пирамиды. Чувствую, что разгадка совсем рядом, но пока не могу ухватить».

— Что-то ты совсем поник, — раздался голос Валентина. Карл Борисович охнул и плавно лег на кровать.

— Давай позже, а то я устал. Спина разболелась.

Валентин кивнул и отложил рисунок.

— Нет смысла так горевать. Этим не вернешь, — он открыл форточку и выпустил бабочку на улицу.

— Попытайся надо. Вдруг еще не продали.

— В смысле не продали? — ошарашено спросил он. — Или это образно говоря?

— Почему образно? Могут и на части разобрать.

— На части разобрать? — ужаснулся он и замотал головой. — У нас такого нет. Может, в Африке и встречается. Для ритуалов всяких.

— При чем здесь Африка? — привстал Карл Борисович. — Ты о чем?

— Я о маме твоей. А ты о чем?

Карл Борисович махнул рукой и рассмеялся.

— А я про радиоприемник, — затем погрузился и продолжил. — Маму не вернешь — это точно. Жаль, очень жаль. Поторопилась она. Если бы чуть-чуть подождала...

Он замолчал и горестно вздохнул.

— Мне здесь больше делать нечего... На Земле.

Валентин всплеснул руками, подбежал и сел рядом:

— Что ты! Даже не думай. Это грех большой. Вот успокоишься, и все наладится. Ты все-таки таблетки пей, рано тебе от них еще отказываться.

Карл Борисович усмехнулся:

— Опять ты меня не понял. Умирать я не собираюсь. Наоборот, хочу жить долго-долго.

На следующее утро Карл Борисович снова сел позировать Валентину, только на этот раз на улице. Пациенты в голубых пижамах разбрелись по небольшому огороженному дворику, утопающему в зелени. Санитары и медсестры по очереди стояли на крыльце и следили за порядком.

— Бабье лето началось, — сказал Валентин и отмахнулся от пчелы, которая пыталась сесть на яркие краски. — По прогнозу вся неделя будет такая.

Карл Борисович смерил взглядом высоту забора и покачал головой.

— Метра три будет.

— Все четыре. Ты что, думал — перепрыгнешь? — усмехнулся Валентин и провел кисточкой по альбомному листу. — Тебя в этом изобразить или переодеть?

— Если можешь, то лучше в сером клетчатом пиджаке... Кстати, гостиницу я только на неделю вперед оплатил. Поэтому обязательно надо выбираться, или выкинут мои вещички.

Карл Борисович поздоровался с милой дамой с цветком в волосах, которая проходила мимо и кокетливо улыбалась. Затем сел рядом с Валентином и тихо сказал:
— Давай сбежим. Прямо сегодня. Уверен, ты знаешь здесь все лазейки.
Валентин поджал губы и замотал головой.
— Ну, не знаю, — замялся он. — Все-таки надо здоровье поправить.
— Какое здоровье? — возмущенно зашептал профессор. — Ты же выкидываешь все лекарства.

Валентин продолжал рисовать, не обращая внимания на пристальный взгляд Карла Борисовича.

— Хотя бы подскажи, как это сделать, — наконец взмолился он.

Валентин отложил кисть и, оглянувшись, зашептал:

— Один ты выбраться не сможешь. А за побег могут в изолятор посадить, — он опустил голову и начал изучать свои ногти. — Дело в том, что я сейчас на мели. Потратился в прошлом месяце и с работы уволили. Мне надо где-то пожить. У меня денег нет даже на еду.

Карл Борисович так сильно ударил его по плечу, что Валентин чуть не распластался на галечной дорожке.

— Я дам! — воскликнул он и рассмеялся. — Деньги — не проблема. Сколько надо?

Валентин смущенно улыбнулся и несмело спросил:

— Ты мне правда pomoжешь с деньгами?

Профессор махнул рукой.

— Конечно. Не волнуйся об этом. Давай выбираться отсюда.

Валентин с облегчением выдохнул, глядя на счастливо улыбающегося Карла Борисовича.

Тут в дворике появилась медсестра и велела всем зайти на завтрак.

Карл Борисович и Валентин сели в столовой подальше от других и вполголоса принялись обсуждать план побега.

— Здесь все кабинеты и двери на улицу открываются только ключом. У меня ключ есть, но дома. С собой я его не взял, так как не думал о побеге, — усмехнулся Валентин и продолжил. — Я знаю, как им разжиться.

Карл Борисович машинально совал ложку в рот и, почти не разжевывая, глотал.

— Ты видел бабу Нюру? — спросил Валентин.

— Нет. А кто это?

— Постельное белье выдает. Такая маленькая, пухленькая старушка, — профессор помотал головой. — Я тебе потом ее покажу. Так вот, эта баба Нюра плохо слышит. Нужно, чтобы один из нас ее отвлекал, а второй аккуратно вытащил ключ у нее из кармана халата. В прошлый раз у нас получилось.

Профессор поздоровался с санитаром, проходящим мимо них, и еле слышно спросил:

— А как ты сюда попадаешь?

— Соседа подговариваю. Он звонит и жалуется, что я опять начал чудить. Приезжает скорая, забирает и привозит сюда.

— Неужели так просто?

— Конечно. Но только если ты стоишь здесь на учете.

Карл Борисович отодвинулся и, нахмутив брови, спросил:

— А почему ты у них на учете?

— Да так. Было дело, — уклончиво ответил Валентин. Профессор не стал

расспрашивать, но червь сомнения поселился в его душе.

После завтрака, к ним в палату пришла молоденькая медсестра и принесла лекарство. Она внимательно смотрела, как Карл Борисович положил в рот две белые таблетки и запил водой.

— Лизонька, ну зачем этот контроль? Мы же взрослые люди. Неужели вы думаете, что мы сами не заинтересованы в выздоровлении? — поинтересовался Валентин и подмигнул ей.

— Инструкция, — сухо отозвалась Лизонька и, убедившись, что он тоже выпил таблетки, вышла из палаты. Едва дверь за ней закрылась, оба выплюнули лекарство и спрятали в карман. Валентин лег на кровать и вытянулся.

— Надеюсь, ты меня не обманываешь насчет денег? — равнодушно спросил он, но озабоченный взгляд выдал его беспокойство.

— Конечно, нет. Я прилично зарабатываю. Единственное, в чем я не нуждаюсь, так это в деньгах. Только радости от них никакой.

— Ну, не скажи, — возразил Валентин. — Лично для меня они — единственная радость. А семья у тебя есть? Дети?

Профессор тяжело вздохнул и пригладил вихор на затылке.

— Уже нет. Ни мамы, ни жены, ни детей. Совсем один на этом свете. Сирота.

Валентин повернулся и внимательно посмотрел на него.

— Тогда куда ты так торопишься? Полежи, отдохни. Глядишь, и смысл жизни появится.

— Есть у меня смысл жизни. Только боюсь, что его продадут или сломают. Поэтому надо торопиться.

— Так-так, — заинтересовался Валентин. — Что же это такое? Машина? Кататься любишь?

Карл Борисович пару секунд поколебался, но решил, что Валентин не станет распространяться об этом, а если и будет, то кто верит психбольным?

— Я собрал усилитель к своему радиоприемнику, который поймал радиоволну с другого мира, — начал он рассказывать, пристально наблюдая за реакцией художника. — Туда люди попали с Земли. Они жили в разное время и в разных странах. Судя по разговорам, им там очень хорошо. Они не болеют и не стареют. Амон, по моим подсчетам, живет там уже больше трех тысяч лет.

Валентин опустил ноги и сел, внимательно слушая рассказ Карла Борисовича.

— А Гюставу сто пятьдесят исполнилось. Люди остались в том возрасте, в котором переместились с Земли. Вера жила во время Второй мировой войны, но по голосу ей больше тридцати не дашь... Я надеялся с мамой туда перебраться, но не успел. Не смог вовремя узнать, как попасть к ним.

Карл Борисович поник при упоминании о матери. Но тут отозвался Валентин.

— Я знаю. Я был там.

Артем и Светлана сидели на остановке и изредка поглядывали в сторону административного здания завода.

— Вроде все разошлись по домам, — подал голос Артем. На парковке было пусто, в окнах, кроме каморки охранника, свет не горел.

— Давай еще немного подождем. Чтобы наверняка, — Светлана протерла носовым платком лаковые сапоги и посмотрелась в зеркало. Ярко-красная помада пачкала зубы, но

делала ее сексуальной.

Через полчаса, когда совсем стемнело, они направились к главному входу. Дверь была не заперта.

— Удачи, — прошептал Артем и шлепнул ее по ягодицам, обтянутым короткой тугой юбкой.

Светлана резко открыла дверь и вальяжно подошла к охраннику.

— Здравствуйте. Вы помните меня?

Охранник отложил журнал и оглядел ее с ног до головы.

— Жена Карла Борисовича?

— Верно, — улыбнулась она.

— Но его нет. Карл Борисович уже несколько дней в больнице.

— Я знаю, — она подошла вплотную к столу, за которым сидел охранник, и провела пальцем по гладкой поверхности. — Он попросил забрать с кабинета одну вещь. Не могли бы вы дать мне ключ?

Охранник сглотнул и, слегка заикаясь, ответил.

— Н-нет, нельзя. Ключ выдается только под роспись. У нас строго с этим. Проверяют.

Она горестно вздохнула и медленно побрела к выходу:

— Жаль. Он расстроится. Ему и так плохо после смерти матери, а еще и меня не пускают в его кабинет. А он, между прочим, очень ждет. Я думала, что хоть немного смогу отвлечь его от мыслей о смерти.

— Ладно, — он вскочил со стула и потянулся к ключнице. — Пойдемте вместе.

Светлана вмиг оживилась и бодро зашагала в сторону лифта. Охранник еле поспевал за ней. На седьмом этаже их встретила Мария. Она мыла шваброй пол.

— Скользко, — предупредила она и внимательно посмотрела на Светлану. — Вы, случайно, не жена Карла Борисовича?

— Случайно — жена, — Светлана вскользь взглянула на уборщицу. — А что?

— Ну, как он там? Легче стало? — обеспокоено спросила Мария.

— Стало, — сухо отозвалась Светлана и махнула охраннику. — Мне некогда. Давайте быстрее.

Тот кивнул и ускорил шаг. Они подошли к кабинету, и охранник отпер дверь. Лампы коридора осветили стол, на котором лежал усилитель с тремя антеннами.

— То, что надо, — Светлана бережно взяла его и зашагала к лифту.

Мария со шваброй и последовала за ней.

— Протру возле двери. Наследили небось, — сказала она на вопросительный взгляд охранника. Светлана фыркнула и вскинула голову.

Охранник проводил ее до выхода и попридержал дверь:

— Передайте привет Карлу Борисовичу. Пусть выздоравливает.

Они кивнула и выпорхнула на улицу. Артем в нетерпении прохаживался неподалеку и, как только ее увидел, кинулся навстречу.

— О! Молодец, — похвалил он, забрал усилитель и страстно поцеловал ее в губы. — Страшно было?

— Нет. Наоборот, весело. Я целый спектакль там устроила, — рассмеялась она.

— А это кто? — кивнул Артем на темное окно, в котором мелькнуло светлое пятно лица.

— Не знаю, — пожала плечами Светлана. — Охранник, наверное. Пойдем домой.

Они в обнимку зашагали в сторону оживленной трассы.

— Ты врешь, — возмущенно проговорил Карл Борисович. — Как ты мог там быть?

— А я говорю — был, — упрямо повторил Валентин, с трудом разжевывая жесткий кусок говядины.

Они сидели в столовой и доедали ужин. За их перебранкой внимательно следили два санитары.

— Я тебе покажу. У меня есть доказательства, — сквозь зубы проговорил Валентин и залпом выпил компот.

— Давай, показывай, — не унимался Карл Борисович. Он был очень возмущен и думал, что Валентин насмеяется над ним.

— Дома. У меня все дома. Выберемся отсюда и поедем ко мне. Потерпи.

Они отнесли посуду в мойку и вышли в коридор.

— Ну, хорошо-хорошо, — тихо сказал профессор и глубоко вздохнул. — Допустим, ты там был. А как ты туда попал?

— Потом узнаешь, — Валентин взял его под руку и повел в сторону кабинетов и санитарных комнат. — Скоро баба Нюра домой пойдет. Надо действовать.

Они подошли к открытой двери бельевой. Среди полок с глаженными простынями и наволочками слышалась возня.

— Баба Нюра! — крикнул Валентин. — Баба Нюра!

Показалась седая голова, подозрительно сощурилась и грубо спросила:

— Чего надо?

Валентин поманил ее и улыбнулся. Баба Нюра, косолапо шаркая, приблизилась и повторила вопрос:

— Чего надо-то?

— Баба Нюра, дорогая, мне помощь нужна! — крикнул Валентин, сложив руки в виде рупора.

— Ты чего так разорался? Не такая уж глухая, — недовольно пробурчала она. — Что тебе надо? Водку можешь даже не просить — не принесу.

Валентин еле заметно кивнул Карлу Борисовичу, а сам наклонился над ней и тихо сказал:

— Мне бы белье поменять.

— Что? — переспросила она. — Что ты там шепчешь?

— Мне бы белье поменять, — повторил он все так же тихо.

— Громче! Я не слышу, — раздраженно сказала она.

Валентин ухмыльнулся и повторил еще раз.

— Как вы, психи, мне надоели! — распалилась баба Нюра. — Бормочут там что-то себе под нос, людям работать мешают.

Валентин молитвенно сложил руки и, жалобно глядя на нее, сказал:

— Пожалуйста, мне бы белье поменять.

— Громче! Громче! Я не слышу, — взорвалась она и, взглянув на хохочущего Валентина, принялась бить его наволочкой. — Как вы мне надоели. Психи. Одни психи вокруг!

Сердитая Баба Нюра даже не заметила, как Карл Борисович вытащил ключи из ее кармана и ретировался в свою комнату.

Через пару минут прибежал хохочущий Валентин.

— Похоже, скоро и ей выделят койко-место. Будет жить и работать здесь, — отсмеявшись, сказал он и вытер слезы.

Карл Борисович похвастался ключом, спрятал его под подушку и спросил:

— Когда выдвигаемся?

— Ближе к утру. Думаю, после трех уже можно пойти на разведку. Вообще-то они спят по ночам, если никто не чудит. Пойду, позвоню подруге.

— Что? — вскочил профессор. — Можно звонить?

— Конечно. Телефон на посту. Только надо разрешения у медсестры спросить, — Валентин вышел из палаты. Карл Борисович побежал следом.

Пока Валентин заливался соловьем в трубку, профессор обдумывал, кому бы позвонить.

«Семен Семеновичу — обязательно. Про похороны спросить. Интересно, Света ходила или нет? А еще кому? — он задумчиво ковырял дырку на дерматиновом диване. — Больше никому. Машенька! Точно, Машеньке позвоню».

Валентин уступил место у телефона, и профессор тут же набрал номер директора.

— Семен Семенович, это я.

— Борисович? Как ты? — послышался обеспокоенный голос.

— Хорошо. Отдыхаю, — грустно усмехнулся он. — Как похороны прошли?

— На высшем уровне, — похвастался директор. — Слава Богу, похоронили. Поминки в заводской столовой организовали. Даже музыканты были.

— А Света? Она приходила?

— Не знаю, — замялся директор. — Я к людям не приглядывался.

«Значит, ее не было», — догадался Карл Борисович и поник. Мама хорошо относилась к Светлане. Часто дарила ей подарки, приглашала в гости, вязала носки и варежки. Неужели он настолько ошибся в выборе жены?

— Ты там не торопись выписываться, — подал голос Семен Семенович. — Подлечись, успокойся. Ты просто загнал себя. Нельзя так много работать. О нас не беспокойся. Думаю, через неделю запустим контейнеры.

— Хорошо. Удачи.

— Тебе тоже удачи. Ждем тебя с новыми силами, но ты обратно не торопись. Дороже здоровья ничего нет.

Карл Борисович попрощался и нажал на рычаг. Из трубки послышались частые гудки.

Он попросил у медсестры телефонную книгу и нашел номер Марии.

«Звонить или не звонить? Что я ей скажу? А, спрошу про радиоприемник. Может, она что-то знает».

Карл Борисович набрал ее номер и, заметно волнуясь, прижал трубку к уху.

— Алло, — ответила она. — Слушаю.

— Алло, Машенька. Узнала?

— Карлуша, — воскликнула она. — Конечно, узнала. Как ты себя чувствуешь? Мне очень жалко твою маму. Такая добрая и красивая женщина была. Столько хорошего о ней на поминках говорили. Представляю, как тебе сейчас тяжело. Но ты держись. Слышишь? Не раскисай, жизнь продолжается...

— Машенька, — вмешался он в ее монолог. — Дай хоть слово вставить. Я чувствую себя хорошо. Не волнуйся за меня. Я по другому поводу звоню.

— По какому? — вмиг собралась она.

— У меня из кабинета радиоприемник пропал. Может, ты знаешь что-нибудь об этом?

Наступила пауза. Затем она тяжело вздохнула и, понизив голос, сказала:

— Про радиоприемник ничего не знаю. Но сегодня вечером, когда все разошлись, а я мыла седьмой этаж, заявила твоя жена. Гена открыл ей кабинет, и она забрала оттуда антенну. Между прочим, она сказала, что это ты попросил принести. Ты просил?

«Это они украли радиоприемник! Надо выбираться, и поскорее».

— Так ты просил или нет? — повторила она, не дождавсь ответа.

— Спасибо, Машенька. Ты настоящий друг. Удачи тебе, — быстро проговорил он и положил трубку.

Глава 10

Карл Борисович и Валентин слонялись по темной комнате, чтобы не заснуть. Если в коридоре слышались шаги, они тут же забирались под одеяло и притворялись спящими.

— Почему не сейчас? Уже первый час.

— Санитары допоздна сидят у телевизора. Не будем рисковать. После трех часов такой храп на этаже стоит, что никто не услышит, как мы будем уходить.

Время тянулось медленно. Карл Борисович нервничал, предвкушая свободу, и без конца поглаживал затылок. Валентин, наоборот, был спокоен.

— Ты мне точно денег дашь? Не обманешь? — в третий раз спросил он, и профессор раздраженно отмахнулся.

— Дам-дам. Не о том ты думаешь.

— У кого что болит... Ну смотри, если обманешь, то не видать тебе счастья в жизни. Нельзя несчастных обижать, — сказал Валентин и принялся заворачивать краски и кисточки в газету.

Ровно в три часа они медленно открыли дверь палаты и осторожно выглянули в коридор. Царила полутьма, тусклый желтый свет горел только в туалете и на посту медсестры. Валентин махнул рукой и на цыпочках начал красться вдоль стены. Профессор последовал его примеру.

В комнате отдыха работал телевизор и слышался храп. Они прошмыгнули мимо открытой двери и пошли дальше.

— Блин, сверток с красками забыл, — ужаснулся Валентин. — Пойду, заберу.

Карл Борисович схватил его за руку и зашептал:

— Не смей возвращаться. Я тебе десять таких красок куплю, если поможешь сбежать.

Валентин с недоверием посмотрел на него, но ослушаться не посмел. Они двинулись дальше, к двери, над которой висел круглый светильник с надписью «Выход».

Вдруг в туалете кто-то смыл в унитазе и включил воду в раковине. Валентин схватил Карла Борисовича за руку и потянул к ящику с пожарным шлангом. Они встали за красным ящиком и, что было сил, прижались к стене.

Через пару секунд из туалета вышел сонный мужичок в очках с толстыми линзами. Он громко зевнул и зашаркал по коридору. Карл Борисович задержал дыхание и даже прикрыл глаза, чтобы казаться менее заметным. Однако мужичок еще раз зевнул и скрылся в ближайшей палате.

Валентин и профессор переглянулись, с облегчением выдохнули и продолжили путь. Карл Борисович дрожащими руками вынул ключ из кармана и вставил в замок.

— Только медленно, — шепотом предупредил Валентин. — Чтобы громко не щелкнуло. Здесь акустика хорошая.

Профессор кивнул, вытер пот со лба и повернул ключ. Слабый щелчок, и дверь открылась.

Оба с облегчением выдохнули и начали спускаться на первый этаж.

— Там еще две двери. Но ночью охраны нет, поэтому можно расслабиться.

Как и сказал Валентин, остаток пути они преодолели быстро и ни с кем не столкнулись.

— Фух, — с облегчением выдохнул Карл Борисович, когда они нырнули с крыльца больницы в кусты. — Свобода.

— Нет. Еще ворота.

— Их тоже запирают?

— Да, но не этим ключом, — Валентин почесал щеку, по которой больно ударила ветка.

— А как же тогда мы выберемся? — забеспокоился профессор.

— Придумаем что-нибудь, — сказал Валентин и начал продирааться сквозь густые неухоженные кусты. Карл Борисович последовал за ним.

Вскоре они оказались у железных ворот. Справа, в бетонном заборе, была дверь.

— Где-то здесь я оставлял в прошлый раз, — Валентин принялся прохаживаться возле забора, тщательно утаптывая траву.

— Что ты ищешь? — спросил профессор, озираясь.

Валентин не ответил. Он нагнулся к земле и принялся шарить руками.

— Неужели нашли? — ужаснулся он и с остервенением начал разбрасывать ветки.

— Что ты ищешь? — потряс его за плечо Карл Борисович.

— Лом. У меня здесь лом был.

— Так вон он, — профессор показал на кусок арматуры, прислоненный к стене за пышным кустом.

Валентин шумно выдохнул, просунул лом в щель между дверью и стеной и слегка приподнял. Язычок замка соскочил с выемки в стене и дверь со скрипом открылась.

Когда они вышли, Валентин проделал то же самое с другой стороны. Дверь закрылась, а лом снова был переброшен за забор.

— Вот теперь — выбрались, — весело сказал Валентин и подмигнул профессору. — Как ты?

Он глубоко вздохнул и, счастливо улыбаясь, ответил:

— На воле и воздух слаще.

— Согласен. Пошли ко мне. Здесь недалеко. Где-то полчаса ходьбы будет, — махнул Валентин рукой в сторону возвышающихся вдали высоток. Профессор кивнул, и они побрели вдоль дороги, делясь впечатлениями от пережитого.

Как и говорил Валентин, через полчаса они подошли к старому кирпичному дому в пять этажей.

— Вот здесь я и живу, — Валентин распахнул дверь и первым зашел в подъезд. Карл Борисович последовал за ним.

— Фу-у-у, — протянул он и прижал руку к носу. — Чем так воняет? Канализацию прорвало?

От резкой вони у него в носу защипало и выступили слезы.

— Да нет, — махнул рукой Валентин. — Это кошки. В подвале живут. Весь подъезд уже изгадили.

— Похоже, что не только изгадили, но и сами сдохли.

Они быстро поднялись на верхний этаж. Валентин приоткрыл этажный электрический щит и достал оттуда ключи.

— Вот я и дома, — он зашел в квартиру и включил свет. Карл Борисович зажмурился. Три большие люстры осветили квартиру-студию.

— Проходи, не стесняйся. А я пойду чайник ставить.

Профессор снял тапочки, но, взглянув на пол, снова надел и медленно побрел, с интересом рассматривая картины, висящие на стенах. Они были разных размеров. Одни — выполнены на полотнах, другие — просто на альбомных листах или ватманах.

— О, — восхищенно произнес Карл Борисович и показал на картину в золотистой рамке. — Это ты откуда такую красоту срисовал?

Валентин поставил чайник на плиту, включил газ и подошел к нему. На большой картине была изображена беседка, утопающая в зелени. Вдали возвышались острые верхушки гор. Розовые кусты краснели в долине.

— Это и есть другой мир. Я же говорил, что регулярно там бываю, — сказал он и начал раздеваться. — Надо переодеться. Тебе тоже что-нибудь подберу.

Растерянный Карл Борисович всматривался в пейзажи, написанные Валентином, и они начали ему казаться знакомыми.

«Я же так и представлял себе тот мир. Вот ручеек, который течет с гор. Его журчание хорошо слышно на цифре семь. А вот пруд с кувшинками. Похоже, он не соврал».

Тут засвистел чайник, и Валентин пригласил его к столу.

— У меня только сушки, — предупредил он и поставил дымящуюся кружку перед профессором.

— Рассказывай уже, как на ту сторону перебраться. Что делать? — в нетерпении проговорил Карл Борисович, интенсивно размешивая сахар.

Валентин загадочно улыбнулся и кивнул.

— Хорошо. Только мне надо подготовиться.

Сева стоял возле приемной директора и поглядывал на наручные часы. С шумом открылись двери лифта, и показалась Алла Шалвовна.

«Блин, — выругался он про себя. — Опять будет допытываться».

Он сделал вид, что изучает план эвакуации. Секретарь с любопытством взглянула на него, но, увидев, как старательно он делает вид, что не замечает ее, прошла мимо.

«А может, он сегодня вообще не появится», — встревожился Сева и начал грызть ноготь на большом пальце.

Всю ночь он не мог заснуть, придумывая речь, с которой выступит перед директором. Похоже, что смена власти в отделе будет со дня на день. Он, как и несколько сотрудников отдела, видел, в каком состоянии был в то утро Карл Борисович. Из интеллигентного профессора он превратился в неадекватного маргинала: дрался, плевался и кусался. Санитарам пришлось связать больного, чтобы тот не навредил себе или другим.

Тут двери лифта снова со скрипом разъехались, и появился Семен Семенович. Он неспешно вышагивал по коридору, напевая себе под нос.

— Здравствуйте, — поздоровался Сева и протянул руку. Директор крепко пожал ее и спросил:

— Ты меня ждешь?

— Да, хочу поговорить.

Директор кивнул и махнул чемоданом:

— Пойдем.

Алла Шалвовна подозрительно сощурилась, когда покрасневший Сева поздоровался и прошмыгнул в кабинет следом за директором.

Семен Семенович открыл форточки, сел в кресло и показал Севе на стул напротив стола.

— Ну, с чем пожаловал?

Сева от волнения забыл речь, которую заучивал ночью. Он снова засунул палец в рот, но

спохватился и быстро убрал.

— Говори, — велел директор. — Что ты мнешься, как барышня?

Сева откашлялся и несмело сказал:

— Я насчет Карла Борисовича...

— Да-а, — перебил его Семен Семенович. — Сорвался человек. Все-таки шестой десяток идет, а работает без сна и отдыха. Но ты не волнуйся. Вот поправится и вернется к вам.

— В том-то и дело, — тихо продолжил Сева. — А что, если Карл Борисович не вернется? Может, ему уже на пенсию пора? Вы же сами сказали, что шестой десяток. Ему надо больше отдыхать, свежим воздухом дышать, а на работе — одна нервотрепка. Зачем издеваться над пожилым человеком?

Семен Семенович с интересом выслушал и кивнул, чтобы тот продолжал.

— Так вот, я тут подумал. Было бы хорошо, если бы молодой и прогрессивный занял его должность.

— М-да? И кого же ты предлагаешь? Себя, что ли? — усмехнулся директор и сцепил пальцы.

Сева кивнул и еще сильнее покраснелся.

— Карл Борисович много времени проводит над проектами других предприятий вместо того, чтобы заниматься делами завода. Он спихивает всю работу на нас. Зачем нам такой руководитель? — Сева распаялся все сильнее и решил вывалить все, что знал о нем. — Даже сейчас, когда нас хотели закрыть, и вы дали задание придумать, как использовать полиэтилен. Знаете, что он делал?

Директор озадаченно нахмурил брови.

— Вот! И мы не знаем. Контейнеры, между прочим, я придумал. Да, два месяца я ломал голову, ночей не спал и придумал. А он вам сказал, чей это проект?

Семен Семенович помрачнел и, развалившись в кресле, посмотрел в окно.

— Станками опять же, мы занимались. Весь отдел до позднего вечера в цехах работал. А он где в это время был? В кабинете сидел, запершись. Лично меня такой руководитель не устраивает.

Сева выдохнул и, взглянув исподлобья на директора, тихо продолжил:

— Я бы хотел, чтобы отделом руководил кто-то помоложе и прогрессивнее. Тот, кто не бросит отдел в сложный период и не взвалит на плечи подчиненных весь груз забот и проблем. Нам нужен локомотив, а не прицепной вагон.

Семен Семенович вымученно улыбнулся и ответил:

— Я тебя услышал, подумаю. Если это все, то можешь возвращаться к работе.

Сева кивнул, но уходить не торопился. Было видно, что он еще не закончил, поэтому директор вопросительно уставился на него.

— Дело в том, — наконец решился он. — В общем, хочу предложить свою кандидатуру на должность руководителя отдела.

Семен Семенович опешил от его наглости и не сразу нашел, что ответить.

— Хорошо, я подумаю, — выдавил директор. — Идите, работайте.

Сева кивнул, вышел из кабинета и быстро зашагал к лифту.

«Могло быть и хуже, — успокаивал он себя. — Не уволил — значит, есть шанс. С КБ вышло нехорошо, но он сам виноват. Не надо было мои контейнеры на себя записывать. Ничего-ничего. Подожду, я терпеливый. Главное, что он теперь про КБ все знает. А мне надо

будет почаще мелькать перед директором, чтобы не забыл про наш разговор».

Сева поднялся на седьмой этаж и медленно пошел по коридору, представляя себя руководителем отдела.

Светлана сидела на диване и смотрела, как Артем подсоединяет усилитель.

— Вообще не понятно, что куда, — вспыхнул он и устало опустился рядом с ней. — Хоть бы разными цветами обозначил. А то пять одинаковых проводков и семь разъемов. Какой куда втыкать — не разберешься.

Она погладила его по спине и протянула коробку с шоколадными конфетами.

— А может, ну его, этот радиоприемник? Все равно задорого не сможем продать. Жаль, я не подумала об этом у него спросить.

Артем резко развернулся и схватил ее за руку:

— Точно! Сходи в психушку, типа проведать. Яблоки отнеси и разузнай у него все: как включить, кому продать, сколько стоит. Давай, собирайся.

Светлана сделала недовольное лицо.

— Не хочу с ним разговаривать. Он меня обидел.

— Как? Когда успел?

— Когда уходил, сказал, что я для него чужая. И что теперь он счастлив.

Артем прыснул, но, взглянув на Светлану, торопливо сказал:

— Ну хорошо, иди без яблок.

Она раздраженно выдохнула и ушла в спальню одеваться.

Артем вызвался проводить ее до больницы. Через пятнадцать минут они подошли к остановке. Вскоре подъехал автобус, и люди ломанулись внутрь.

— Попали в час пик, — недовольно пробурчал Артем ей на ухо. Они стояли, зажатые со всех сторон торопящимися на работу людьми.

— Терпи уж. Сам велел, — недовольно отозвалась она, одной рукой прижимая сумочку к груди, а другой — держась за поручень.

Артем опешил от такого ответа и отыгрался на мужчине, который нечаянно задел его портфелем.

— Смотри, куда прешь, жиробасина!

— Простите, — испуганно пролепетал тот и протолкался подальше.

Здание психиатрической больницы было обнесено высоким забором. Они подошли к двери у ворот и постучали.

— Кто? — послышался мужской голос.

— Мы навесить пришли, — подала голос Светлана. — У меня муж здесь лечится.

— Часы приема с четырех до шести, — ворчливо сказал мужчина.

— Нам срочно надо. У него мама умерла в другом городе, — вмешался Артем и подергал за ручку.

— Ну ладно, — мужчина открыл дверь, окинул их подозрительным взглядом и обратился к Светлане. — Сумочку откройте.

Она сняла с плеча сумку и раскрыла ее. Охранник внимательно изучил содержимое.

— Что вы ищете? — поинтересовалась Светлана. Ей стало неприятно от того, что чужой человек трогает ее вещи.

— А вдруг вы наркоту ему таскаете? Идите.

Взявшись за руки, они зашагали к серому двухэтажному зданию больницы.

— Я тебя здесь, на скамейке подожду, — предупредил Артем.

— Все-таки надо было что-то принести ему, — Светлана поправила прическу, поцеловала Артема в щеку и забежала в больницу. В здании было темно и прохладно.

Худая женщина в белом халате окинула ее недовольным взглядом и спросила:

— Вы куда?

— Здравствуйте, — дружелюбно улыбнулась Светлана, но женщина продолжала буравить ее взглядом, поджимая тонкие губы. — Я пришла мужа навестить.

Женщина ткнула пальцем в доску с записями возле входа.

— Режим же написан. Даже врачи еще не пришли, а вы уже лазите. Уходите. До четырех вам здесь делать нечего.

Она повелительным жестом указала на дверь и сурово сдвинула брови. Но Светлана выдержала ее взгляд и все тем же дружелюбным тоном продолжила:

— Мне надо с ним срочно поговорить. Это недолго, — она вытащила кошелек, открыла его и многозначительно посмотрела на женщину. — Всего на пару слов.

Та оглянулась, кивнула и протянула руку, на которую легли две купюры.

— Жди здесь. Сейчас приведу, — женщина пропала за дверью, за которой была лестница.

«Как у него спросить, чтобы не догадался? Все-таки надо было конфет купить по пути. А если прогонит? Нет, он интеллигент. Может, притвориться, что хочу вернуться к нему?»

Светлана задумчиво подошла к окну и увидела напряженно всматривающегося Артема.

Тут прямо над головой раздался топот и с лестницы скатились двое мужчин.

— Где они могут быть? — они начали бегать по первому этажу, заглядывая во все комнаты.

— Ищи здесь, я в прогулочном дворе посмотрю, — один из них снова скрылся за дверью лестницы.

Светлана прижалась к стене, чтобы не мешать мужчине, мечущемуся в поисках.

— Что случилось? — спросила она, когда он перегнулся через перекладину и заглянул в помещение с вывеской «Гардероб».

Тот не удостоил ее ответом и выбежал на улицу.

— На, держи, — подошла запыхавшаяся женщина и протянула деньги. — Нет их, пропали.

— В смысле?

— Держи, говорю, — она грубо сунула ей деньги в руки. — Сбежали, наверное. Нет их в отделении.

— Кого — их?

— Мужа твоего и соседа его, Валентина. Кровати пустые. В отделении их нет. Этот Валентин уже сбежал однажды. И вот, опять.

Она всплеснула руками и помотала головой.

— Может, он уже дома, чай пьет. А ты его здесь ищешь.

Светлана ахнула и выбежала на улицу.

— Что там происходит? Пожар? — поднялся Артем ей навстречу.

— Хуже! — крикнула она и потянула его к воротам. — Он сбежал. Вдруг домой пойдет. Там же радиоприемник.

— Точно, — они взялись за руки и быстро зашагали к сторожке охранника.

— Давно он сбежал? Вчера?

— Не знаю. Попросила тетку позвать его, и тут все забежали. Они даже не заметили, что

у них психи сбежали.

Пожилой охранник строгал маленьким перочинным ножом кусок дерева.

— Откройте дверь! — крикнул ему издали Артем. — Быстрее.

Тот шмыгнул и удивленно поднял брови:

— Что случилось?

— Не твое собачье дело! — рявкнул Артем и толкнул дверь в заборе. — Бегом открывай или сейчас выломаю.

Светлана увидела, как охранник с недоверием посмотрел на них.

«Наверное, думает, стоит нас выпускать или лучше позвать тех крепких санитаров».

— Считаю до трех, — пригрозил Артем. — Раз. Два.

— Ладно-ладно, сейчас открою. Уж и подождать не могут, — охранник отложил нож, взял ключ и открыл дверь. Артем бросился к дороге и начал «голосовать».

— Никто не остановится. Пойдем лучше на остановку, — предложила Светлана. Машины проезжали мимо. Казалось, никто не обращает внимания на поднятую руку Артема.

— На меня не клюют. Давай ты, — он отошел в сторону и кивнул ей. — Вставай поближе, чтобы увидели.

Она пожала плечами и сделала, как он велел. Возле нее тут же притормозила белая машина.

— До дому подбросите? — спросила Светлана и улыбнулась мужчине в очках. Тот кивнул.

— Мы вместе, — Артем открыл дверь и юркнул на заднее сиденье.

— Мы заплатим, — опередила она мужчину, возмущенно замахавшего руками.

Водитель кивнул и влился в поток мчащихся машин.

Валентин взглянул на часы и поцокал.

— Спит еще. Надо подождать.

— Кого? — Карл Борисович встал из-за стола и подошел к окну. Вдали, над крышами домов, занималась заря.

— Да так. Знакомого одного, — Валентин лег на диван и вытянулся. — Что будешь делать, когда попадешь к ним?

Карл Борисович сел на забрызганный красками подоконник и почувствовал, как в груди больно кольнуло. Бессонная ночь и переживания не прошли даром.

— У тебя валидол есть?

— Не-а.

— Что я буду делать, когда попаду к ним? — переспросил он и мечтательно улыбнулся. — Жить. Просто жить. Я очень боюсь смерти. А еще сильнее боюсь немощной старости. Детей у меня нет. Поэтому поселят меня в дом престарелых, где я и умру. На матрасе, пропитанном мочой. А ты старости не боишься?

— Нет, не боюсь. Мне до старости еще далеко. Как думаешь, сколько мне лет?

Профессор внимательно посмотрел на него и отметил лысину, глубокие морщины, избородившие лоб, лицо с красными прожилками, потемневшие зубы.

— Думаю, как и мне. Лет пятьдесят-шестьдесят.

— Что-о? — недовольно сказал тот. — Какие еще пятьдесят-шестьдесят? Мне тридцать семь.

Пришло время удивляться Карлу Борисовичу.

— Как — тридцать семь? Не может быть. Паспорт покажи.

Валентин потянулся к шкафу и вытащил пакет с документами.

— Паспорт ему покажи, — пробурчал он. — Вот тебе паспорт. Смотри.

Он протянул документ в коричневой обложке. Профессор посмотрел на дату рождения и присвистнул.

— Ничего себе! Не врешь. Как же так? Что с тобой случилось?

Валентин убрал документы на место, с силой захлопнул дверцу шкафа и вновь вытянулся на диване.

— Ничего не случилось. Просто работаю много, — он взглянул на часы. — Пойду, проверю. Вдруг он уже проснулся. А ты сиди здесь. Никуда не уходи.

Он надел дерматиновую куртку и вышел из квартиры. Карл Борисович прислушался к сердцу. Боли не было, но появилась тяжесть, словно в грудь засунули камень.

«Вот и хорошо. Потерпи немного. Валентин покажет мне, как в другой мир переместиться, и пойду домой отдыхать, — подумал он и спохватился. — В гостиницу. А вот насчет дома надо что-то решить. Хотя, что там решать, оставлю Свете».

Карл Борисович снова подошел к той картине.

«Красота. Как же я хочу туда!»

Он двинулся вдоль стены, с интересом рассматривая пейзажи и портреты. Вдруг ему на глаза попалось темное пятно в рамке, которое резко выделялось на фоне ярких солнечных работ. На полотне была изображена пещера. Посреди пещеры догорал костер, тлеющие угольки дарили совсем мало света, поэтому темные фигуры вокруг костра профессор увидел

не сразу.

«Какие-то странные головы у людей, вытянутые, — подумал он и ахнул. — Это рога!»

Он отступил на пару шагов, и картина стала четче. Пять рогатых созданий с длинными хвостами держались за руки и словно замороженные смотрели на огонь.

— Хм, — профессор пригладил затылок. — Я думал, он в жанре реализма пишет.

С трудом оторвав взгляд от темного полотна, он двинулся дальше. Следующая картина будто горела огнем. Красный, оранжевый, бордовый цвета смешивались в замысловатый узор.

«Валентин что, краски пролил?» — подумал он и снова отступил на несколько шагов. Как и в прошлый раз, в отдалении изображение раскрылось. Лицо демона с длинным языком и горящими глазами выступало из адского пламени.

Карл Борисович присмотрелся и обнаружил, что весь этот угол комнаты занимали картины со страшными демонами и отвратительными существами: безглазые карлики с острыми зубами, скелеты с когтями, толстяки с щупальцами вместо рук, свиньи с окровавленными зубами в несколько рядов. Он попятился, вернулся к окну и сел на подоконник. Ему стало неуютно и захотелось поскорее покинуть эту квартиру.

«Они смотрят. Они на меня смотрят», — в панике подумал он и отвернулся к окну. По спине побежали мурашки, ему показалось, будто демоны буравят его взглядом.

Тут входная дверь щелкнула и открылась. Карл Борисович взвизгнул от неожиданности и с облегчением выдохнул, увидев Валентина.

— Ну наконец-то пришел.

— Уже соскучился? — улыбнулся он. — Меня не было пять минут.

— Да? А мне показалось гораздо больше.

Валентин бросил куртку на диван, подошел к плите и включил чайник.

— Ты опять хочешь чай пить? А как же другой мир? — с негодованием воскликнул профессор. — Если ты меня обманул, то признайся, и я пойду домой. Мне здесь не нравится.

Валентин достал из кармана брюк небольшой сверток и положил на стол.

— Сейчас я тебе все покажу, потерпи, — тихо сказал он и загадочно улыбнулся.

— Что это такое? — профессор тронул пальцем сверток, он оказался мягким и легким.

Валентин поставил на стол глубокую тарелку, затем снял бумажную обертку со свертка и положил содержимое в тарелку. Заинтересованный Карл Борисович наклонился и увидел скрученную сухую траву.

— Это что, чай?

— Можно и так сказать, — Валентин залил кипятком листья, и те раскрылись. — Надо подождать пять минут, чтобы лучше сработало.

Профессор озадаченно посмотрел на Валентина, который с нетерпением уставился на настенные часы.

— Так, признавайся. Что это такое? Наркотики?

Тот замахал рукой и воскликнул:

— Ты что, с ума сошел? Какие наркотики? Я что, похож на наркомана?

Карл Борисович не стал говорить, что именно на наркомана он и похож. Поэтому решил сменить тему разговора.

— А там что за картины? — кивнул он в сторону угла. — Ты же вроде в реализме работаешь.

Валентин уставился на него и еле слышно ответил:

— Так они реальные.

— Кто? Демоны?

— Ну да. Я их видел. Они живут в параллельном мире.

Карл Борисович на мгновение потерял дар речи.

— Подожди-ка, — шумно выдохнул он. — Эти красивые пейзажи и монстров ты видел в параллельном мире?

— Да, — кивнул Валентин и вновь взглянул на часы.

— А в параллельный мир ты перемещаешься после того, как выпьешь эту настойку?

Валентин еще раз кивнул, затем взял ложку и размешал пожелтевшую воду. Запахло сеном.

— Еще чуть-чуть. Минутки две.

Профессор не знал, как поступить. Было понятно, что Валентин видел галлюцинации от травы, которую пил. И судя по его нетерпению, трава обладала наркотическим эффектом. Сам он, конечно же, даже пробовать не хотел настойку. Но, любопытство взяло вверх, и Карл Борисович решил остаться, чтобы понаблюдать за художником.

Тем временем вода в тарелке приобрела насыщенный зеленый цвет.

— Готово, — объявил Валентин и перелил жидкость в свою кружку. — Ты точно не будешь? Могу поделиться.

— Нет-нет. Я, пожалуй, воздержусь. А ты пей.

Валентин принялся шумно пить горячую настойку. Карл Борисович сел напротив и пристально за ним наблюдал. Сначала у художника покраснели щеки и уши. Затем стали влажными глаза.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросил профессор.

Валентин не ответил. Он блаженно улыбнулся, глядя перед собой. Затем начал что-то рассматривать, шурясь и наклоняя голову то в одну сторону, то в другую.

— Ты меня слышишь? — Карл Борисович дотронулся до его руки. Но художник даже не взглянул на него. Его интересовало что-то находящееся около дивана.

— Валентин, что ты видишь? — вопрос снова остался без ответа. Валентин медленно встал, подошел к дивану и начал щупать что-то в воздухе.

— Хороший, — любовно сказал он, и профессор вздрогнул от неожиданности. Происходящее ему совсем не нравилось. Было что-то зловещее и пугающее в его поведении и влажных неподвижных глазах.

Тем временем, Валентин встал на колени и начал тереться лицом о жесткую обивку дивана.

— Не уходи. Побудь со мной еще. Дай полюбоваться, — он начал хихикать и что-то шептать. Карл Борисович взял его под руку и начал поднимать.

— Валентин, ты меня слышишь? Не надо так делать, у тебя уже все лицо красное.

Он посадил художника на диван и сел рядом.

— Как долго будет продолжаться эта бесовщина? — Карл Борисович уже жалел, что не ушел сразу, когда понял, в чем дело. — Не могу же я целый день с тобой сидеть.

Валентин посылал воздушные поцелуи и подмигивал тому, кого видел только он.

«Домой пойду. Оклемается, позвонит».

Он нашел карандаш и написал на клочке бумаги номер рабочего телефона. Выходя из квартиры, остановился у зеркала и горестно вздохнул. Одет он был в спортивные трико и фланелевую рубашку, которые Валентин любезно предложил вместо голубой пижамы.

«Быстрее бы добраться до гостиницы и переодеться. Надеюсь, никого из знакомых не встречу».

Он вышел из квартиры и плотно закрыл за собой дверь. Денег него не было, так что пришлось идти пешком. В полдень, мокрый от морозящего дождя и с хлюпающим носом, Карл Борисович зашел в гостиницу.

Молодая девушка — администратор с сочувствием посмотрела на него и предложила горячий чай.

— Было бы очень мило с вашей стороны, — ответил он и пригладил волосы на затылке. — Если можно, то два кусочка сахара положите.

Она кивнула и протянула ключ от номера.

— Вас не было несколько дней. Мы испугались, что с вами что-то случилось. Наш директор, Марина Владимировна, даже в полицию позвонила, чтобы узнать, не было ли вас среди пропавших без вести и не попали ли вы в аварию.

— И что? Не было меня среди пропавших без вести? — улыбнулся он.

— Не было, — потупив взгляд, ответила она.

Карл Борисович выпил горячий чай, который любезно принесла администратор, принял душ и лег в кровать.

«Посплю немного, а то сил совсем нет. Надо еще радиоприемник у Светы забрать».

Карл Борисович проснулся уже затемно. Он включил настольную лампу и взглянул на часы:

— Ничего себе! Уже восемь. Целый день проспал.

Профессор налил воды из графина и залпом выпил. От холодной воды желудок неприятно сжался.

«Надо бы поесть. Схожу в магазин», — решил он и подошел к шкафу. Но тут вспомнил, что портфель остался на работе, а пиджак, в кармане которого лежат деньги — в больнице.

Он выругался и начал думать, где взять деньги.

«Можно у Вовки занять, но он сейчас на даче живет. Далеко. Может, у Семена Семеновича попросить? Не-ет, еще не понятно, как он отреагировал, когда узнал, что я сбежал».

Карл Борисович был уверен, что пожилой психиатр сразу же доложил директору завода о его побеге.

«Ребят моих на работе тоже нет. В это время там только охранник и Машенька... Машенька!»

Он торопливо оделся, засунул босые ноги в ботинки и вышел из номера.

— Скажите, где тут у вас телефон? Мне надо позвонить, — обратился он к администратору.

Девушка ткнула в сторону окна, заставленного бесчисленным множеством цветочных горшков. Профессор кивнул, развернулся и увидел за лимонным деревом в вазоне небольшой закуток. Там стояли кресло и столик, на котором белел телефон.

— Алло, Гена? Это Карл Борисович.

— Здравствуйте. Как дела? Как здоровье? — участливо спросил охранник.

— Спасибо, Гена. Уже гораздо лучше. Можешь Марию Сергеевну попросить, чтобы позвонила мне?

— Куда? Домой?

— Нет-нет. Я не дома. Записывай.

Профессор продиктовал номер, указанный на телефонном аппарате, и, попрощавшись, положил трубку.

«Что там с радиоприемником? Надеюсь, они его не сломали».

Телефон громко зазвонил, и профессор испуганно подскочил.

— Алло, Карлуша, — услышал он обеспокоенный голос Марии и с облегчением выдохнул.

— Машенька, здравствуй.

— Здравствуй. Где ты? Аллу видела, когда на работу шла. Она сказала, что ты сбежал из больницы. Что случилось?

Карл Борисович улыбнулся. Ему было приятно, что хоть кто-то о нем беспокоится.

— Все хорошо. Надоело мне в больнице. Скукота. Что Алла про директора сказала? Небось, вразнос пошел?

— Не знаю, — призналась она. — Я не спрашивала. Ну, где ты?

Профессор сорвал листок лимонного дерева, помял его между пальцами и вдохнул цитрусовый аромат.

— Я в гостинице. Расстались мы со Светой.

— Понятно. Значит, ты все знаешь, — Мария горестно вздохнула. — Неприятно, но жить можно.

Карл Борисович откашлялся и спросил:

— Ты о чем?

— Видела я их. Когда она антенну вынесла, на улице ее ждал молодой да бравый. Теперь понятно, почему ты сорвался. Со всех сторон тебя прижали.

Профессор согласно кивнул, но решил, что не стоит обсуждать с Машей измену Светы.

— Машенька, ты можешь мне портфель с кабинета принести? А то у меня нет денег даже на еду.

— Конечно, могу. Мне осталось пятый этаж помыть и все. Правда, спина болит, еле хожу. В какой ты гостинице?

— На Фрунзенской в «Победе», — Карл Борисович взглянул на часы. — Поздно уже. Домой портфель забери. А завтра утром я тебе позвоню, и мы встретимся.

Мария согласилась, и они попрощались.

Карл Борисович полночи проворочался в постели. Во-первых, он выспался днем. А, во-вторых, мысли пчелиным роем перескакивали с одной темы на другую.

«Как там Валентин? Надеюсь, он ничего с собой не сделает. Бедный он, бедный. Завтра схожу проведать и денег отнесу. А сколько денег ему надо? И что это за трава такая опасная? Надо будет взять несколько листочков и показать в университете. Химбил должен определить... Лишь бы Света ничего с радиоприемником не сделала. И зачем он ей? Кроме русского, языков больше не знает. А любовник-то хорош. Рад за нее... Соскучился по Гюставу и остальным. Как они там? Ушел ли Амон на четвертую сторону? Оливер хотел пойти вместе с ним. Я бы тоже пошел. Как же я хочу к ним! Жаль, мамы больше нет. Уверен, ей бы там тоже понравилось».

Едва рассвет осветил небо, как Карл Борисович наконец-то уснул.

Карл Борисович надел свой лучший костюм, пригладил гелем вихор на затылке и вышел из номера.

«Жаль, денег нет. Купил бы Маше цветы», — думал он, бодро шагая по улице. Они договорились встретиться в Центральном парке возле фонтана. Парк находился недалеко от дома уборщицы Марии.

Через полчаса он был на месте. Фонтан уже не работал, а на дне лежала пожелтевшая листва.

— Карлуша, — услышал он сзади и радостно обернулся. Но тут же встревоженно бросился ей навстречу.

— Машенька, ты чего?

Мария опиралась на трость и с трудом передвигала ноги. В подмышке был зажат портфель.

— Сегодня еще сильнее спина разболелась. С утра сдала анализы и вышла на больничный.

— А почему не сказала? Я бы сам до тебя пришел, — возмутился он и забрал портфель.

— Не хочу дома сидеть. Я уже сделала компресс и анальгин выпила. Отпустит. Пойдем на скамейку.

Он кивнул, взял ее под руку, и они медленно зашагали к скамейкам.

— Знакомая трость. У Захара?

— Да, — кивнула она. — Семь лет прошло с его смерти, а я до сих пор ничего не выбросила. И вот пригодилось.

Мария с кряхтением села на скамью и вытянула ноги.

— Может, и прав ты. Пора на пенсию выходить, здоровье дороже. Вчера еще дочка расстроила.

— Что такое?

— Приехали с отпуска и заявили, что хотят на юге жить. Уже и квартиру присмотрели. А сегодня пошла документы у детей из школы забирать. Меня с собой зовут, но я не хочу. Какой юг, когда я всю жизнь на севере прожила? Я в это-то лето от жары не знала, куда спрятаться, а они хотят на юг меня увезти.

— Ты права. Нельзя под старость лет климатический пояс менять, — кивнул он и пригляделся к Марии. Светло-русые волосы седина не тронула, овал лица тоже не изменился, только мелкие морщины покрыли веснушчатое лицо. С мужем Марии Захаром он дружил со школьной скамьи. Даже, так получилось, служили в одной части на границе с Китаем. Затем судьба их разделила, но незадолго до смерти Захар устроился на работу на завод. Их дружба вспыхнула вновь, однако ненадолго. Несчастный случай в цеху сделал Захара инвалидом, а через год у него случился инсульт.

— Сам-то ты как?

Карл Борисович посмотрел вдаль, на алые кусты и тяжело вздохнул:

— Даже не знаю, что сказать. До сих пор не осознал, что произошло. Правильно ты сказала: прижало меня со всех сторон. Черная полоса.

— Но ты держись, — она положила руку ему на плечо и сжала. — Время лечит, уж я-то знаю. Если совсем станет немого, то обопрись на меня. Я придержу, не дам упасть.

Профессор посмотрел на нее и грустно улыбнулся.

— Спасибо, Машенька. Кроме тебя, никого из близких не осталось.

Они замолчали. Каждый думал о своем. С деревьев тихим шорохом сыпалась листва. Картавая ворона оповещала всю округу о приближении зимы.

— Может, в кафе пойдем? — предложил Карл Борисович. — Я со вчерашнего дня

ничего не ел.

— А пойдём ко мне? — спохватилась Мария. — У меня суп куриный с вермишелью. Вчера варила.

— Неудобно. К тому же, хочу тебя угостить в благодарность за услугу. Пойдём?

Мария кивнула. Профессор помог ей подняться, и они неспеша направились в сторону оживленной дороги.

— Здесь помнится, Пельменная была, — сказал Карл Борисович, сиюсь разглядеть вывески.

— Так вон она, — указала Мария на соседний дом.

Они зашли в столовую с выцветшей вывеской «Пельмени от Лёни». Профессор заказал двойную порцию пельменей со сметаной, а Мария — вареники с вишней.

— Что со Светой будешь делать? — осторожно спросила она. — Попытаешься помириться?

— Ты что! — воскликнул Карл Борисович, чем привлек внимание остальных посетителей. — Предательство нельзя простить. Если бы она честно призналась, то я бы с удовольствием ушел и ей все оставил.

— С удовольствием? Ой ли, — расхохоталась Мария.

— Честно, — заверил он. — Меня этот брак тоже напрягал. Я женился в пятьдесят три года. Почти всю сознательную жизнь прожил один, а потом — раз и появилась Света. Мне было тяжело.

Дородная женщина с пышной прической принесла дымящиеся тарелки и поставила перед ними.

— В общем, разводиться буду и имущество тоже буду делить по закону.

— Дело твое, конечно, — сказала Мария, подула на вареник и засунула в рот. — Но я бы не торопилась. Вдруг, помириться. Одному — ой, как не сладко. Уж я-то знаю.

Карл Борисович замотал головой.

— Нет, не хочу. Я вон, лучше с тобой буду в парке гулять и пельмени есть, чем продолжать играть в семью.

Они поели, и Карл Борисович проводил Марию до дома.

— Ты на работу-то собираешься возвращаться? — спросила она.

— Конечно, если Семен Семенович меня еще не уволил, — грустно усмехнулся он. — Ты покажешь мне, где маму похоронили?

Мария взяла его руку и крепко пожала:

— Конечно покажу, только не сейчас. Спина совсем одолела, надо полежать. Давай завтра сходим?

Карл Борисович кивнул:

— Выздоровливай, Машенька. Как хорошо, что ты есть.

Светлана наблюдала со скучающим видом за Артемом. Тот снова выдернул проводки и зло выругался.

— Тебе не надоело? Давай продадим в комиссионку и все.

— Не-ет. Мне самому интересно узнать, что там за параллельным мир такой. Я уже почти все варианты перепробовал, осталось три.

Еще вчера после очередного провального подключения, он отметил цифрами проводки и нарисовал в тетради схемы. Артем побродил по комнате, успокоился и вновь подсел к радиоприемнику.

— Ой, забыл тебе сказать, — спохватился он. — Сегодня придут комнату смотреть. Звонила одна, пока ты в магазин ходила.

— Женщина? — насторожено спросила она.

— Да, а что? — он воткнул проводки и зазвучали голоса. Артем хлопнул в ладоши, повернул ручку громкости на максимум и прислушался. Светлана встала с дивана и подошла к нему.

— Ничего не понятно, — наконец сказала она. — На каком языке они разговаривают?

Артем шумно выдохнул, вскочил и пнул стул. Тот отлетел к подоконнику и стукнулся об цветочный горшок, который упал и раскололся.

— Какого хрена! — закричал он. — Столько времени угробил, а они говорят не по-нашему.

Светлана не знала, что делать, то ли успокаивать разбушевавшегося Артема, то ли собирать землю и осколки цветочного горшка.

Но тут раздалась мелодия дверного звонка. Оба застыли и переглянулись. Артем развернулся и бросил через плечо:

— Если это твой муженек, то ему очень не повезло попасть мне под горячую руку.

Встревоженная Светлана бросилась следом. В дверях стояла миловидная женщина средних лет.

— Здравствуйте. Я звонила по поводу аренды. Хотела бы комнату посмотреть.

Артем тут же натянул улыбку и отошел в сторону:

— Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Светлана недовольно покосилась на Артема, который разрешил не снимать обувь и, по-хозяйски, начал показывать квартиру.

— Вот здесь кухня. Можете пользоваться техникой и посудой. У нас есть красивый чайный сервиз, если будете гостей приглашать.

Этот сервиз Светлана показала Артему только вчера, когда перетаскивала вещи с кабинета по комнатам. Карл Борисович говорил, что привез его из Японии и стоит он, как два автомобиля.

Женщина внимательно осмотрела ванную и зачем-то понюхала полотенца. В туалете заглянула под крышку унитаза и одобрительно кивнула. Артем, тем временем, заливался соловьем:

— В этой квартире жил знаменитый профессор Воронов. Мы сдаем его кабинет. Там до сих пор стоит стол, за которым он работал.

Артем обратил ее внимание на новые окна, не пропускающие холодного зимнего ветра.

На пол, устланный ковром и на мягкий диван.

— Хорошая квартира, — одобрила женщина. — Только дороговато. Может, снизите цену?

Артем всплеснул руками и изобразил негодование:

— Мы и так поставили ниже некуда. В центре города, все рядом, второй этаж, ремонт новый, потолки высокие. Вы обратили внимание, какой чистый ухоженный подъезд? Где вы еще такую комнату найдете? А я вам скажу: нигде.

Женщина еще раз обвела взглядом кабинет и, поджав губы, кивнула:

— Уговорили. Беру. Завтра же привезем вещи.

— Вот и хорошо, — Артем радостно потер руки. — Как и договаривались, оплата вперед за три месяца.

Светлана прислонилась к косяку и хмуро наблюдала, как женщина отсчитывала деньги на ладонь Артема.

После того, как гостя попрощалась и ушла, надутая Светлана села на диван рядом с Артемом.

— Я не хочу жить с чужими людьми, — пробубнила она.

— Ты и работать не хочешь, — равнодушно ответил тот, — На что жить-то будем?

— Иди работай.

— Сама иди. Я свое уже отработал, спина вся больная. Хочу пожить по-человечески.

— По-человечески, говоришь? — воскликнула она. — Да ты превратил мою квартиру в коммуналку!

Она убежала в спальню и с силой захлопнула дверь.

«Сам работай. Все-таки ты — мужчина, — думала она, хлюпая мокрым от слез носом. — Вот Карл никогда бы со мной так не поступил».

Остаток дня они с Артемом провели порознь в разных комнатах. Встречались только один раз на кухне, но не перекинулись и парой слов.

«Если он думает, что я первая подойду, то ошибается, — она лежала в кровати и смотрела на дверь. — Еще наглости хватает отправлять меня работать. Пусть сам идет. Работал бы и дальше грузчиком, если бы не я. И вообще, почему он здесь распоряжается? Квартира-то моя».

Утром ее разбудила мелодия дверного звонка. Светлана накинула халат и вышла из комнаты. Артем в одних трусах помогал заносить чемоданы. В квартиру зашла вчерашняя женщина, следом за ней молодая девушка. На вопросительный взгляд Светланы женщина ответила:

— Знакомьтесь, это Олеся. Она будет жить с вами. Ой, то есть — у вас.

Девушка, в отличие от матери, разделась и принялась осматривать квартиру.

— Миленько, — сказала она и кивнула на хрустальную посуду в серванте. — Можно пользоваться?

— Конечно, — расплылся в улыбке Артем и втянул и без того плоский живот.

— Конечно, нет, — с нажимом сказала Светлана, зло сверкнула на него глазами и повернулась к женщине. — И вообще, я думала, что жилье вы для себя присматриваете.

— Нет, не для себя. А ведь предупреждала Артема, — она недоуменно уставилась на него. Тот кивнул, подошел к Светлане и с силой прижал к себе:

— Все в порядке. Я просто забыл предупредить. Олеся, добро пожаловать. Уверен, мы подружимся и будем весело проводить время.

Но тут вмешалась ее мать:

— Олеся приехала учиться, а не развлекаться. Поэтому хочу попросить, чтобы вы вели себя потише и не мешали ей заниматься. В медицинской академии надо много учить.

— О, Олеся, — восхищенно произнес Артем. — И на кого же вы учитесь? На хирурга?

— Нет, на педиатра.

Артем поднял вверх большой палец. Светлана высвободилась и, пристально глядя на него, тихо сказала:

— Верни деньги. Девушка не может здесь оставаться.

— Не дури. Она останется, — отмахнулся он.

— А я сказала, не останется, — Светлана поджала губы, не сводя с него глаз.

Артем делано рассмеялся и кивнул напрягшимся женщинам:

— Все хорошо. Не переживайте, располагайтесь. Она просто не выпалась.

Светлана развернулась и ушла в спальню, с трудом сдерживая слезы обиды. Через два часа, когда в квартире наступила тишина, она вышла из комнаты. Чемоданы из прихожей пропали, зато возле двери выстроились несколько пар туфель на высоком каблуке.

Она заглянула в кабинет. На столе лежала белая ажурная скатерть. На диване расстелено постельное белье с розами.

— Маринка, он в дом девушку привел, — пожаловалась она, как только услышала голос подруги из телефона, и рассказала про Олеся.

— А ты думала, верного нашла? Запомни, верных мужиков не бывает. Если не изменяет, значит больной или старый. У них в крови — потомство плодить. Ты бы хотела, чтобы он где-то на стороне с ней встречался?

— В смысле? Я не хочу, чтобы он вообще с кем-то, кроме меня, встречался, — возмутилась Светлана.

— Эх, совсем расслабилась ты со своим профессором. Теперь ты понимаешь, как мне трудно со Славкой. За мужиками только глаз да глаз. Только отвернулась — уже за чужим подолом волочится. Насчет студентки не переживай, придумаем, как от нее избавиться. А пока, не оставляй их наедине и больше времени проводи с Артемом. Где он сейчас?

— Не знаю, — буркнула Светлана. — Я с ним не разговариваю.

— Вот! Девка только появилась, а ты уже начала мозг выносить. Короче, подруга, не хочешь, чтобы убежал, придется ублажать и улыбаться. А обиды свои спрячь поглубже.

Светлана пообещала подумать над ее словами, положила трубку и села на пуфик у туалетного столика.

— Ну что ж, посмотрим кто кого.

Карл Борисович снял в сберкассе деньги, вызвал такси и поехал к Валентину. Дверь квартиры была не заперта.

— Валентин, ты дома, — позвал он и осторожно зашел. В воздухе витал запах вчерашней травы. Профессор вздрогнул от резкого всхрапа и, присмотревшись, с облегчением выдохнул. На диване под покрывалом спал Валентин. Карл Борисович подошел к столу и взглянул на тарелку, на дне которой плавали листочки.

— Интересно, как долго он галлюцинирует? — он выловил траву, завернул ее в бумагу, на которой писал номер телефона, и спрятал в карман. Валентин, тем временем, что-то бессвязно пробурчал и повернулся на бок.

Карл Борисович положил деньги на стол, придавил их кружкой и пошел к дверям. Тут

его взгляд остановился на картине, находящейся на мольберте. Краска еще не высохла и блестела. Профессор приблизился и увидел беседку, выполненную в греческом стиле. Она утопала в тропической зелени. На мраморной скамейке с изогнутыми ножками сидела девушка в бледно-розовом платье и держала на поводке черта с горящими глазами.

— У него, похоже, все смешалось. Рай и ад — вместе, — он поцокал языком и вышел на улицу. Таксист курил, опершись о машину.

— Поехали, — профессор забрался на заднее сиденье и задумался.

«Как забрать радиоприемник? Если они его еще не продали, то добровольно все равно не отдадут. Ладно, на месте что-нибудь придумаю».

Когда машина подъехала к дому, на улице уже стемнело и в окнах горел свет.

«Интересно, что они делают в моем кабинете? Надо забрать все ценное, конечно, если не распродали», — он горестно вздохнул, глядя на свой дом и двор. Он никогда не думал, что тихая, спокойная, размеренная жизнь может просто так рухнуть. Буквально за пару дней.

— Дальше поедem или стоять будем? — подал голос таксист.

— Постоим немного и поедem в гостиницу, — грустно ответил он. Тут дверь подъезда открылась и вышел Влад. Профессор открыл дверь и замахал рукой.

— Владик, иди сюда.

Юноша неспеша подошел и кивнул:

— Здравсьте, Карл Борисович. Чего звали?

— Садись, — профессор подвинулся, освобождая место. Влад насторожено посмотрел на таксиста, сел в машину, но дверь оставил открытой.

— Как дела?

— Нормально. В гости иду. У друга день рождения. Я ему купил...

— Отлично, — перебил его Карл Борисович. — Мне снова помощь нужна. Светлана одна живет?

— Нет, хмырь какой-то с ней таскается. Мать сказала, вы развелись. Это правда?

— Почти. Но это не важно, — махнул он рукой. — Ты можешь позвонить мне, когда они оба уйдут из дома? Вот номер.

Карл Борисович достал из портфеля лист с каким-то проектом и написал на нем номер телефона гостиницы.

— Хорошо, — Владик сложил лист, убрал его в карман и вытянул руку. — Половину сейчас.

— Эх, ты — коммерсант, — усмехнулся профессор и положил на ладонь несколько купюр. — Только сразу же. Мне надо кое-что забрать, пока их не будет.

— А почему вы просто не придете и не возьмете? Хмыря боитесь?

— Никого я не боюсь. Просто не хочу их видеть.

Владик недоверчиво посмотрел на него, но ничего не сказал и, кивнув, вышел из машины. Карл Борисович еще с минуту полюбовался на окна своей квартиры и попросил таксиста отвезти его в гостиницу.

Весь вечер он слонялся по коридору, боясь пропустить звонок от Владика. Однако тот, так и не позвонил.

«И чего они дома сидят? Сходили бы на дискотеку, что ли», — профессор лег в кровать и включил телевизор. На экране появился знакомый черно-белый военный фильм. Вскоре сам не заметил, как заснул.

Громкий стук в дверь разбудил его.

— Кто там? — сипло спросил профессор, откашлялся и посмотрел на часы. Восемь утра.

— Карл Борисович, это администратор. Вам звонят.

— Кто?

— Мальчик.

Профессор ахнул, накинул поверх пижамы халат и выбежал из комнаты. Телефонная трубка лежала на столе.

— Алло, Владик? — выпалил он, — Это ты?

— Да, я. Они только что ушли.

— Спасибо!

Карл Борисович засеменял обратно в номер, и на ходу крикнул администратору:

— Вызовите мне такси!

«Куда это они так рано ушли, — он чистил зубы и натягивал носки одновременно. — Только бы успеть».

Через десять минут он сел в такси и назвал адрес.

— Езжайте как можно быстрее... Только бы успеть.

Во дворе его ждал Влад:

— Быстро вы, — похвалил он.

— Еще не вернулись? — спросил Карл Борисович и положил на раскрытую ладонь деньги.

— Нет.

Профессор забежал в подъезд, открыл дверь своим ключом и зашел в квартиру. Он ринулся в кабинет и нос к носу столкнулся с незнакомой девушкой.

— Вы кто? — испугано спросила она, закрывая ворот миниатюрного халата.

— А вы кто? И что делаете в моем кабинете? — он обвел взглядом комнату. — Что здесь происходит?

— Я снимаю эту комнату. А вы, наверное, Светин папа?

Профессор опешил, но быстро сообразил, что девушка сама подсказала ему выход из сложившейся ситуации.

— Да, я — папа. Приехал забрать кое-что. Не видели радиоприемник? Большой такой, деревянный.

Девушка осмотрела кабинет и замотала головой.

— В моей комнате нет. Вроде в гостиной что-то подобное было.

Карл Борисович с облегчением выдохнул, когда увидел свой радиоприемник, стоящий на столе в гостиной.

— Да, это он. Я заберу.

Он аккуратно сложил усики усилителя, затем схватил его и пошел на выход. Девушка забежала вперед и открыла дверь.

— Может, что-нибудь передать Свете?

Карл Борисович улыбнулся и ответил:

— Да, если вас не затруднит, то передайте: теперь у каждого своя дорога.

Девушка озадачено сдвинула брови и кивнула. Он быстро спустился и вышел на улицу. Таксист помог загрузить радиоприемник на заднее сиденье.

— Куда едем? — спросил он, выезжай со двора.

— В гостиницу, — Карл Борисович крепко держал свое «сокровище» и улыбался.

Светлана и Артем пешком возвращались домой. Она с раздражением наблюдала за развеселившимся Артемом.

— Какой сегодня хороший день. Правда? — он обнял ее за талию и подмигнул старушке, продающей жареные семечки у дороги. — Отличный денек.

Светлана убрала его руку и ускорила шаг.

— Ну чего ты? Радоваться надо. Прикинь, если бы ты реально забеременела. Вот это был бы попадос.

С утра ее тошнило и кружилась голова. С замиранием сердца, она разбудила Артема и прошептала:

— Кажется, я беременна.

— Как? — Артем резко сел в кровати. Сон вмиг улетучился. — Не может быть.

Она нежно провела рукой по его груди и поцеловала в щеку.

— У меня все признаки. А ты что, не рад?

Он схватил ее за плечи, встряхнул и грубо ответил:

— Одевайся. В больницу пойдем.

— Зачем? — испугалась она. — Предупреждаю сразу — аборт делать не буду.

— Ты дура, что ли? Какой аборт? Я хочу точно знать, да или нет, — ответил он, натягивая брюки.

В больнице выяснилось, что беременности нет, а тошнота от обострившегося гастрита.

— Ну, чего ты такая надутая? Будут у нас дети, — он снова прижал ее к себе. — Мы же еще для себя не пожили. Вот лет через пять-семь можно будет ребеночка родить. Моя мама детей любит, будет помогать.

Светлана молчала. Всю дорогу до больницы она перебирала в голове имена для девочки.

«По-любому, будет девочка. Снежана или Софья? А, может, Ева? Надо будет на всякий случай еще и мужское имя подготовить».

Теперь же, она разочаровано брела домой, туда, где в коротеньком халатике прогуливалась перед Артемом симпатичная студентка. Светлана поняла, что ее жизнь поворачивала совсем не в ту сторону.

— Мне не нравится жить с Олесей. Отдай ей деньги и пусть выселяется, — она хотела, чтобы голос звучал твердо, но получилось жалобно и совсем неуверенно.

— Что ты к ней прицепилась? Пусть живет. Ее не видно и не слышно. Сидит, как мышь в норке.

— Посели ее в свою коммуналку. Там ей самое место.

— Пф-ф, моя комната в два раза дешевле стоит. Я, кстати, туда тоже жильца нашел. Завтра договорились встретиться.

Они зашли в подъезд и поднялись на свой этаж. Артем подошел к двери, но не успел вставить ключ в замок. Навстречу вышла Олеся.

— Иду на учебу. Буду поздно, — предупредила она и начала спускаться. — А да, Света, к тебе папа приходил.

Артем со Светланой переглянулись.

— Какой еще папа? — насторожено спросила она.

— Интеллигентный такой. В костюме, — Олеся взглянула на них и остановилась. — В чем дело? На вас лица нет.

— А что хотел этот «папа»?

— Старый радиоприемник забрал и ушел. А что? Не надо было отдавать? Вы бы хоть предупредили. Откуда мне знать, что можно отдавать, а что нельзя. И попросил передать что-то типа: каждому своя дорога.

Она пожала плечами и продолжила спускаться. Артем забежал в квартиру и выругался.

— Забрал, — выдохнула Светлана и опустилась на край дивана. — Ну и пусть. Все равно мы не знали, что с ним делать.

— Надо замок поменять. Неизвестно, что еще он захочет забрать, — зло сказал он.

Она легла на диван и свернулась калачиком.

— Пусть забирает, что хочет. Это же его дом.

— Не его, а ваш общий — не забывай об этом. А теперь еще и мой, — он засмеялся и повернулся к ней. — Хотел бы я посмотреть на твоего мужа, когда он увидел Олесю в своем кабинете. Представляю, сколько матерных слов пришлось ей выслушать.

Светлана сложила ладошки под голову и закрыла глаза. Сейчас ей, как никогда ранее, хотелось, чтобы Карл Борисович сел рядом и заботливо спросил, как она себя чувствует и почему расстроена. От Артема такого не дождешься. Она горестно вздохнула, пытаясь подавить слезной поток.

«Похоже, я сделала неправильный выбор», — вдруг осознала она и посмотрела на Артема, слоняющегося по дому.

— Он хочет со мной развестись.

— И правильно. Чего тянуть? Скорее бы уже отделаться от него, — он остановился в дверях.

— А если он выставит меня на улицу, ты примешь меня без приданного?

Артем подошел, сел рядом и начал хрустеть пальцами.

— Тебе надо сделать все, чтобы хотя бы квартиру тебе оставил. А лучше, чтобы пособие какое-нибудь платил.

Светлана снова закрыла глаза, изо всех сил стараясь не выдать своих чувств. Слезы бесшумно стекали на обивку дивана.

Карл Борисович вытер пот со лба, трясущимися руками воткнул вилку в розетку и, задержав дыхание, повернул рукоятку на полную громкость. Из динамиков послышалось журчание ручья и пение птиц.

— Та-ак, вроде работает, — он шумно выдохнул и повернул антенну на «Деревню».

Веселый детский смех заполнил гостиничный номер.

— Реган, дай мне попробовать, — крикнула Вера. — Ого, прям как настоящий. Жаль только, что постоянно приходится заострять и быстро заканчивается.

— Ерунда, — профессор узнал Гюстава. — Этого добра здесь навалом. Мне обиднее всего, что белого листа не достать. Остается только на камнях рисовать.

— И на деревьях, — подала голос Луиза. — Я раскрашу свой дом.

— А-а, — протянул Реган. — До первого дождя. Вода быстро смывает, я пробовал.

— Тем лучше, — ответила Вера. — Смоет, заново нарисуем. Я очень люблю рисовать, особенно акварелью. Спасибо, Реган, за такое счастье. Кто бы мог подумать, что эти плоды рисуют, как мелки.

— Да, молодец Реган, — сказал Гюстав и хрипло рассмеялся. — А мы не знали, что придумать с этими кустами. Растут быстро, а плоды ядовитые.

— Они не ядовитые, — возмутился Оливер. — Кроме диареи от них ничего плохого нет.

— А диарея, по-твоему, от чего? От отравления.

— Ну, может быть, — согласился он. — Посмотрите, как я раскрасил свою панаму.

Они еще долго обсуждали красящие восковые плоды, а Карл Борисович с блаженной улыбкой сидел, прижавшись к радиоприемнику, и представлял, что находится рядом. Вот он расспрашивает Гюстава о жизни во Франции в начале двадцатого века, вот вместе с Оливером ловит рыбу, а вот с Луизой накрывает на стол. Прямо, как большая дружная семья. Жаль, только мамы нет.

Тут Карл Борисович вспомнил, что хотел с Марией сходить на кладбище. Он спрятал радиоприемник в шкаф, вышел из номера и запер дверь.

«Где же Машенька? — подумал он и набрал ее номер второй раз. — Вроде на больничном. Должна дома сидеть с больной спиной».

Он уже хотел положить трубку, но гудки пропали и послышался слабый голос Марии:

— Алло. Кто это?

— Машенька, это я. Что с голосом? Заболела?

Вместо ответа Мария зарыдала.

— Что случилось, Маша? — испугался он, но она не ответила и продолжала горько плакать.

— Я сейчас приеду. Никуда не уходи!

Встревоженный профессор выбежал на улицу, но вспомнил, что машина осталась на парковке завода и вернулся назад.

— Такси! Вызовите мне такси. Срочно! — закричал он администратору.

Весь путь до дома уборщицы Марии обеспокоенный Карл Борисович подгонял таксиста.

— Здесь можно быстрее, патруль никогда сюда не заезжает... Обгоняйте этот утиль, еле тащится! Блин, красный.

На светофоре таксист повернулся к нему и с насмешкой спросил:

— На роды, что ли, торопишься?

— Ага, на роды, — торопливо ответил он и кивнул. — Езжай давай, уже желтый.

Карл Борисович расплатился, зашел в подъезд и побежал вверх по лестнице.

«На третьем или четвертом этаже? Помню, что квартира слева. Дверь вроде бы черного цвета».

Он постучал об черную дверь на четвертом этаже и замер в ожидании. Прошло пять секунд, десять, двадцать, но никто не открывал.

«Перепутал, наверное. Хотя на третьем дверь красная. Может, перекрасили», — он хотел уйти, но замок щелкнул и дверь открылась.

— Машенька, что случилось? — выдохнул он, увидев растрепанную и красную от слез Марию.

Она ничего не ответила, развернулась и исчезла в глубине квартиры. Карл Борисович зашел, закрыл дверь и пошел следом.

— Суп будешь? — тихо спросила она.

— Буду, — он сел за стол и вопросительно уставился на Марию, которая старательно избегала встретиться с ним взглядом.

Она поставила перед ним миску с супом и плетеную корзинку, в которой лежал хлеб. Профессор начал есть, не сводя глаз с Марии.

— Очень вкусно, Машенька. Спасибо. Я помою за собой, — он подошел к раковине, но она опередила его и отобрала грязную посуду.

— Не надо. Я сама.

Карл Борисович взял ее за руку и участливо спросил:

— У тебя где-то болит? Может, с дочкой что-то случилось?

Она прижала кухонное полотенце к лицу и зарыдала. Профессор обнял ее и погладил по спине:

— Расскажи, легче станет. Если что, у меня есть связи и деньги. Я тебе помогу. Только прошу, не молчи. Пожалуйста, Маша!

Она отстранилась и села на табуретку у стола.

— Эх, Карлуша, поздно. Уже слишком поздно.

— Что поздно-то? Не томи, говори!

Она горько усмехнулась и покачала головой.

— Я-то думала, что от работы спина болит, а оказалось от рака.

У Карла Борисовича перехватило дыхание.

— Как от рака? Ты же здоровая была. Вон, какие ведра таскала.

— И я так думала, а, оказывается, уже последняя стадия. Дали таблеток, чтобы не мучилась и домой отправили умирать. Все, прожила я свой век. Завтра куплю платье и туфли на похороны, чтобы дочке потом не бегать.

Он опустил голову перед ней на корточки и заглянул в опухшие от слез глаза.

— Машенька, даже не думай об этом. Поняла меня? Я что-нибудь придумаю. А ты, держись. Не хорони себя раньше времени. Я, обязательно, придумаю, как тебя спасти, — с жаром сказал он и резко встал, отчего хрустнули колени. — Пойду. Вытри слезы, они не помогут. Позвоню тебе вечером.

Он размашистым шагом вышел из квартиры.

«Ну уж дудки! На этот раз ты меня не проведешь, Смертушка. Не отдам я тебе Машу. Вот увидишь, — подумал он и остановился. — Надо магнитофон купить и кассет побольше».

Карл Борисович зашел в магазин «Музыкальный мир» и подошел к продавцу.

— Мне нужен магнитофон, на который можно записывать.

— С функцией диктофона? — молодая девушка-продавец жевала жвачку и со скучным видом листала журнал. — Или с кассеты на кассету?

— Диктофона, — торопливо ответил профессор. — И побыстрее, пожалуйста. У меня мало времени.

Она окинула его равнодушным взглядом и показала на стеллаж с магнитофонами.

— Все такие, выбирайте.

Карл Борисович еле сдержался, чтобы не выругаться, схватил первый попавшийся магнитофон и поставил перед продавцом.

— И пустых кассет штук двадцать.

— Ого, это что же вы записывать собрались?

— Оперу, — выпалил он и достал кошелек. — Упаковывать не надо, а то зима наступит, пока вы это сделаете.

Карл Борисович установил магнитофон рядом с радиоприемником.

«Теперь я ни слова не пропущу и обязательно выясню, как вы туда попали», — думал он, настраивая усики антенны. По пути в гостиницу он зашел в магазин и набрал продуктов на несколько дней, чтобы лишний раз не выходить из номера. А магнитофон он задумал включать, пока будет спать.

— Так-с, ребята, всем привет, — сказал профессор и включил радиоприемник.

Послышался стук ложек и довольное кряхтение.

— Луиза, ты, как всегда, бесподобна, — похвалил Гюстав. — Пудинг выше всех похвал.

— Да, согласен, — отозвался еще один мужской голос. Карл Борисович его не узнал.

— Ты работала поваром в ресторане? — поинтересовался незнакомец.

Луиза кокетливо захихикала.

— Нет, Чан. Не в ресторане, а в богатом доме французского магната. Он занимался кораблями. По всему дому стояли макеты лайнеров и барж.

— Расскажи о себе, — попросил Чан и за столом наступила тишина, прерываемая только стуком ложек и далеким лаем собаки.

Она тяжело вздохнула.

— Не люблю вспоминать, но тебе, как новенькому, расскажу... Молоденькой девушкой я поступила к ним работать служанкой. В мои обязанности входило присматривать за старой больной матерью магната Моруа. Через два года, она умерла, и я начала прислуживать за столом. Там-то он меня и заметил.

Луиза замолчала, но никто даже не думал ее торопить.

— Жильбер несколько лет учился в Англии и приехал навестить родителей. Обычно они к нему ездили, но в то лето, он сам соизволил явиться в отчий дом. Признаюсь честно, я влюбилась. Он был такой красивый, галантный, щедрый... М-да, казался настоящим рыцарем. Мы украдкой встречались в саду или в коридоре на этаже со спальнями господ. Через месяц наши встречи перешли в мою спальню. В конце лета, он уехал обратно в Англию, а я поняла, что забеременела. Мне было всего семнадцать. После того, как прошел испуг, я начала думать, что делать дальше. Уходить мне было некуда, я — сирота. Поэтому, собрав все силы и мужество, я подошла к госпоже Шарлотте и все рассказала.

— Шарлотта? Кто она? — спросил Чан.

— Мать Жильбера. К ее чести, хочу сказать, она меня не прогнала. Только велела держать язык за зубами, что бы ни одна живая душа не узнала, от кого я забеременела. Когда пришел срок рожать, меня поселили в женском монастыре. Там и родила девочку... Мелани. Через два месяца ее увезли к сестре Шарлотты, а я вернулась прислуживать в дом Моруа. Жильбер приехал к родителям только через пять лет и делал вид, что, между нами, ничего не было. Так я и жила, в чужом доме, вдалеке от своего ребенка. Много позже я узнала, что Жильбер признал дочь и часто навещал. Я не знаю, что ей говорили про меня. Может, сказали, что я умерла.

Луиза всхлипнула и глухим голосом продолжила.

— В один день госпожа Шарлотта слегла с горячкой, после письма. Два дня лежала в бреду, а когда пришла в себя, дала мне прочитать то письмо. Оно было от ее сестры. Той самой, к которой увезли мою доченьку... Мелани шла домой, после спектакля. В парке ее схватили какие-то подонки, надругались и перерезали горло.

Тяжелые вздохи и слова сочувствия послышались из динамика радиоприемника.

— Я не смогла дальше жить. Каждый день я вставала с надеждой, что когда-нибудь мы встретимся. Но, видно, не судьба. Двухмесячная крошка Мелани с белыми курчавыми волосами — только ее лик вселял в меня жизнь. Но после того, что с ней случилось, я не смогла жить дальше. Не хотела больше мучиться.

— И? Что ты сделала, Луиза? — в нетерпении прошептал Карл Борисович, прильнув к динамику.

Но тут в разговор вмешался Гюстав:

— Печаль ухудшает пищеварение. На десерт я вам расскажу, как мы с другом ходили лягушек ловить.

Все будто пробудились, вновь застучали ложки и послышались тихие разговоры на заднем фоне. Гюстав со смехом описывал «охоту» на лягушек.

Профессор распахнул окно. Холодный влажный ветер ворвался в комнату и заиграл занавесками.

— Не смогла жить дальше, — задумчиво произнес он. — Луиза убила себя. Но, как? Может, в этом секрет? Они остались в том возрасте, в котором совершили самоубийство. На их телах остались шрамы и отметины, которые они получили на Земле. В разное время. В разных местах.

Он уставился невидящим взглядом на серые тучи.

«Луиза — француженка. Она очень мило картавит. Если работала на магната, то, скорее всего, жила в большом городе. Париж? Ницца? Или Марсель?»

Профессор начал приглаживать вихор на затылке.

«Повесилась? Вряд ли. Повешенного Филиппа я помогал снимать с петли. Он никуда не делся. Отравилась? Могла, но почему пропала?»

Окончательно прозябнув, он закрыл окно и лег на кровать. Гюстав и остальные весело хохотали.

«А, может, это они думают, что пропали, а на самом деле их похоронили? Сколько вопросов и ни одного ответа! Надо переключиться».

Он включил запись на магнитофоне, взял записную книжку и вышел из номера.

— Алло, Вася, привет! — крикнул он, едва услышал голос друга. Тот работал на их заводе юристом.

— А-а, вспомнил обо мне, — послышался довольный голос. — Ты куда пропал? Света

сказала, что ты дома не живешь. Мы с Семен Семеновичем обыскались. Хотели уже в милицию идти.

Карл Борисович недовольно поморщился. Ему совсем не хотелось выходить на работу, но и лишиться стабильного дохода, было страшно.

— Выйду в понедельник. Пусть оформят «за свой счет». Мне еще немного времени надо, чтобы прийти в себя.

Тут он вспомнил, что так и не сходил на кладбище, а за окном уже стемнело.

— Сочувствую тебе. Тяжело мать терять, сам через это прошел.

— Спасибо, Вася. Я вот по какому поводу тебе звоню, — Карл Борисович огляделся и понизил голос. — Со Светкой хочу развестись. Поможешь?

Вася молчал. Профессор терпеливо ждал, зная эту особенность друга: сначала обдумать, взвесить и только потом ответить.

— Смогу. Тебе надо будет документы подписывать и все. А что случилось? Гуляет?

Профессор шумно выдохнул и грустно ответил:

— Гуляет и...Крадет. Не буду вдаваться в подробности, ни к чему это. Пусть живет, как хочет и с кем хочет.

— Будешь делиться?

— Нет, — твердо ответил он. — С чем пришла ко мне, пусть с тем и останется. Сама виновата. Нельзя так с людьми поступать.

Василий обещал все устроить, и они попрощались. Однако Карл Борисович не спешил возвращаться в номер. Ему очень хотелось услышать Марию, но он никак не мог решиться позвонить.

«А, ладно. Не возьмет, так не возьмет», — он набрал ее номер и начал стучать подушечкой указательного пальца по столу.

— Алло, — еле слышно ответила она. — Кто это?

— Машенька, это я. Как ты себя чувствуешь?

— По-прежнему, спину ломит, кусок в горло не лезет, халат от слез не высыхает.

— Стабильность — признак мастерства, — усмехнулся он, но понял, что шутка неуместна и извинился.

— Да ладно тебе. Лучше смеяться, чем плакать. Конец все равно один, — сказала она и спохватилась — А на могилку-то матери мы не сходили. Пойдем завтра? Таблеточки, которые дали — помогают, уже не так сильно болит. Завтра еще две выпью и совсем буду, как огурчик.

Карл Борисович замялся. Он вознамерился во что бы то ни стало выяснить, как попасть в параллельный мир и, по возможности, не покидать радиоприемник. Но при упоминании о матери, сердце предательски заныло.

— Ты права, надо сходить. Завтра заеду за тобой, — он вспомнил, что так и не удосужился забрать джип с заводской парковки и тихо выругался. — Приеду на такси. Будь готова в десять.

— Хорошо. Приятной ночи тебе, Карл.

— И тебе, Машенька, — из трубки послышались гудки, но профессор не торопился класть трубку на телефонный аппарат. Ему казалось, что так они ближе друг к другу.

«Я не прощу себе, если и тебя потеряю».

Весь остаток дня он не отходил от радиоприемника. Как только разговоры прекращались, он включал магнитофон и прослушивал записи. Только перед сном он

повернул усики на Струнного и в течение пяти минут наслаждался чудесной музыкой, уносящей его на волнах баюкающего моря к берегам неизведанной земли параллельного мира.

Карл Борисович включил запись на магнитофоне и вышел из номера. Таксист в нетерпении прохаживался вокруг машины, дымя сигаретой.

— Ну, наконец-то, сколько можно ждать?

— Не могу же я к даме поехать в пиджаке с пятном, — начал оправдываться он. — Пока почистил, погладил. И не надо на меня так смотреть, прошло всего лишь пять минут.

— Семь. Семь минут, — таксист выбросил недокуренную сигарету в урну и запрыгнул в машину.

Карл Борисович сел на заднее сиденье и уставился в окно.

«Тяжелая жизнь была у Луизы. Потерять единственную дочь дважды — это не каждый выдержит. Но что она сделала? Порезала вены или выпила яд? И почему пропала? Что должно случиться с человеком, чтобы он умер, а тела не осталось? Загадка».

Мария сидела на лавочке у подъезда с тростью в руке. Карл Борисович выскочил ей навстречу и помог добраться до машины. До кладбища они ехали молча.

— Надо было цветы купить, — сказал Карл Борисович, когда раздраженный таксист отсчитал сдачу и, взревев двигателем, уехал.

— В следующий раз. Им цветы уже не нужны, — Мария взяла его под руку, и они медленно побрели по кладбищу. — В самом конце похоронили. Разрастается кладбище, даже забора не видно. На обратном пути заглянем к Захару.

Карл Борисович кивнул и всмотрелся вдаль, туда, где светлела свежая земля. Когда они приблизились, Мария кивнула в сторону бугорка с деревянным крестом. Но он и так догадался, и медленно, точно во сне, приближался к последнему пристанищу мамы. Если бы не Мария, он не смог бы сдержаться. Но в ее присутствии, профессор лишь сглотнул ком, застрявший в горле, и нежно погладил крест с табличкой, на которой строгими печатными буквами было написано имя и период жизни мамы.

— Здравствуй, мамочка. Прости, я опоздал.

Он поправил венки с искусственными цветами и сел на наспех сколоченную деревянную скамейку. Мария примостилась рядом. Они молчали.

Карл Борисович вспомнил последнюю встречу с мамой и о том, как она сокрушалась, что заставила жениться на Светлане.

«Как хорошо, что я не успел тебе про Свету рассказать. Если бы ты умерла после того, как узнала о ее поведении, то я бы корил себя всю жизнь. Эх, мамочка, не уберег я тебя. Мало времени уделял, все о себе думал. Теперь вот Маша заболела. Мамочка, если можешь — подскажи. Машеньку надо спасти, рано ей еще умирать. Без нее я совсем один останусь».

Карл Борисович опустил голову и закрыл глаза, из-под густых ресниц начали просачиваться слезы и стекать в седую бороду. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким опустошенным и несчастным.

— Поплачь, Карлуша, поплачь. Легче станет. Слезы, как святая вода, чистят душу.

Он повернулся, крепко обнял ее и зарыдал. Мария гладила его по спине и тихо утешала:

— Все будет хорошо. Время лечит. Мама успела пожить и вырастить тебя. Ты — хороший сын, всегда ей помогал. Она очень тобой гордилась.

Они так просидели минут пятнадцать. За это время профессор успокоился, вытер слезы

и сказал:

— Машенька, мне надо тебе кое-что сказать. Только ты не смейся и не думай, что я с ума сошел... Я открыл параллельный мир.

— Помнишь, я тебя звал послушать, о чем говорят в радиоприемнике?

Мария задумчиво посмотрела наверх и прищурилась:

— Ты это про ту тарабарщину? Помню. И что?

Профессор понизил голос и скосился на пожилую пару, проходящую мимо.

— Для меня сначала тоже было тарабарщиной. Но в тот день, я уснул прямо в кресле. А когда проснулся, то понимал все, что они говорят. Каждое слово.

Мария с интересом уставилась на него, а Карл Борисович продолжал:

— Это была не радиостанция, не программа и даже не аудио фильм. Голоса, шум воды, пение птиц — просто жизнь. Я как будто открыл окно, и звуки с улицы ворвались в комнату. Чуть позже я понял, что они живут не на Земле.

— А где?

— В другом мире. В параллельном мире, — прошептал он и напрягся, в ожидании ее реакции. Мария сдвинула брови и сурово спросила:

— Карл, ты шутишь? Если да, то шутка смешная. Только предупреди, когда смеяться.

Он встал и потянул ее за руку.

— Поехали в гостиницу. Я тебе покажу.

Мария испугано выдернула руку и замотала головой:

— Карлуша, ты, конечно, мужчина видный и в самом расцвете сил. Но я сейчас не готова. Давай в следующий раз, а?

— Маша, опять ты не о том думаешь! — возмутился он. — Я тебе радиоприемник включу, и сама слушаешь.

Она улыбнулась и кивнула.

— Хорошо, я согласна.

Карл Борисович с облегчением выдохнул, встал и подошел к кресту.

— Мамочка, пойду я. Прости меня за все.

Мария встала, оперлась на его руку, и они медленно пошли по узкой тропинке, между обнесенных невысокой оградой, могил. Кладбище было старое, с покосившимися крестами и мрачными статуями. В течение двадцати лет оно было закрыто и не принимало новых «посетителей», но в администрации города решили, что вместо того, чтобы выделять новое место, лучше расширять старое. Захар, муж Марии, был одним из первых, кого похоронили на этом кладбище после двадцатилетнего перерыва.

— А вот и он, — указала Мария на черный памятник за оградой с витиеватым узором.

Она погладила холодный камень с изображением мужа, затем смела со скамейки листья и устало опустила голову.

— Я специально огородила побольше, чтобы самой рядом лечь. Даже не думала, что так скоро в нем встречусь.

Профессор дотронулся до памятника и вполголоса сказал:

— Вот об этом я и хотел рассказать. В тот мир люди попали с Земли. И теперь они бессмертны. У них нет болезней, они дружно живут все вместе.

— Похоже ты поймал трансляцию с Рая, — усмехнулась она.

— Ты мне не веришь, — удручено сказал Карл Борисович. Ему стало обидно, ведь он ни слова неправды не сказал. Тут начал капать мелкий дождь. — Пойдем на остановку.

Провожу тебя до дома.

— А как же радиоприемник? — удивилась она. — Я хочу послушать, ты меня заинтриговал.

Карл Борисович помог ей встать.

— Если ты в прошлый раз ничего не поняла из их разговора, то нет гарантии, что в этот раз поймешь. К тому же, ты, наверное, устала.

Она согласилась, и они побрели к раскрытым воротам кладбища. Дождь тем временем усилился и березы зашумели, махая желтыми листьями.

Карл Борисович попрощался с Машей у двери ее квартиры.

— Может, зайдешь? — предложила она. — Ты же промок. Замерзнешь и заболеешь.

Он махнул рукой и побежал вниз по лестнице. В гостинице его ждал радиоприемник. Едва профессор зашел в номер, услышал, как Вера хвалила Регана:

— Хорошо, что собаку с собой взял. Смотри, как весело детям.

— Да, — ответил тот. — Баффи уже было пятнадцать. После моего ухода, его бы никто к себе не взял. Поэтому мы ушли вместе. Баффи, иди сюда! Иди, мой хороший.

Баффи счастливо повизгивал и тьякал. Карл Борисович выключил магнитофон, сделал радиоприемник погромче и начал раздеваться.

— Как жаль, что мы не можем отправить весточку.

— Зачем? — удивилась Вера. — На Земле жизнь трудная, но прекрасная. Я бы хотела вернуться.

— Зачем? — на этот раз пришло время удивляться Регану.

— Я передумала свою жизнь вдоль и поперек, и поняла все ошибки. Если бы была умнее, то жила совсем по-другому и сюда никогда не попала. Обиды, мелкие дразги, гордость — вот причины моих несчастий. Надо дарить больше любви и понимания. Больше разговоров и объяснений. Мне не нужна вечная жизнь.

Реган откашлялся и сочувственно сказал:

— Просто ты устала. Думаешь, почему Амон уходит? Он спасается от такой жизни. Хотя, существование здесь, я бы не назвал жизнью. Лично я был очень влюбчив, поэтому и попал сюда. Моя любовь меня отвергла. Сейчас же я не могу влюбиться, как и разозлиться. Я как будто постоянно в одном благожелательном настроении, как и все. Между нами нет ссор и обид, но нет любви и страсти. Даже те, кто пытается создать пару — играют. Они играют в любовь, так, как если бы жили на Земле. Посмотри на Виолу и Джона. Живут вдвоем, не даже о скандалах договариваются: кто кому что скажет, кто как отреагирует. Они ставят спектакль под названием «Семейная жизнь». Но это фикция.

Он замолчал и спустя несколько секунд продолжил:

— Я бы хотел вернуться, но только из-за чувств. Мне не хватает огня. Но своим бессмертием я доволен.

«Все-таки нашлись недовольные. Но разве можно считать минусом жизнь без ярких эмоций? Дружба, возможность заниматься любимым делом, путешествия — ради этого стоит отказаться от гнева или вожделения», — подумал Карл Борисович и засунул в стакан с водой маленький кипятильник.

Тем временем разговор продолжался, только к ним присоединился Оливер и перевел тему на Амона:

— Мы собираемся в дорогу. Луиза гамаки нам связала, будет, где спать. Амон сказал, что через пять дней выдвигаемся. Я так волнуюсь.

Послышались звуки, будто Реган похлопал Оливера по спине.

— Не волнуйся, парень. Не заблудитесь. И даже если где-нибудь задержитесь, мы никуда не денемся. Мы здесь навсегда, — раздались смешки. Вера сказала, что пора готовить ужин и ушла. Реган и Оливер продолжили разговор о сборах в поход.

Карл Борисович вытащил кипятильник из кипящей воды и насыпал в стакан крупинки чая. Затем убавил громкость радиоприемника и включил запись магнитофона.

Гул голосов, смех и мелодия Струнного послышались из динамика магнитофона.

— Оливер, попроси у Савелия ритмичную музыку, хочу поплясать, — попросила развеселившаяся Луиза. Через минуту зазвучала «Полька», и люди начали плясать и хлопать.

— Вера, а как сюда попали дети? — перекрикивая шум, спросил новичок Чан.

— Так же, как и мы. Правда, никто не пришел сюда по доброй воле. Рави говорит, что не хотел — так получилось. А сестры Лола и Энни — с мамой пришли, Виолой. Ты ее должен был видеть: брюнетка с раскосыми глазами. Они с Джоном живут отдельно от нас, на другом берегу водопада, но девочки целый день здесь с Рави. Им не скучно вместе.

— Как может мать пойти на такое? В голове не укладывается.

— Тяжелая жизнь вынудила... Как и всех нас. Пойдем лучше танцевать.

«Теперь я полностью уверен, что они покончили с собой, — думал профессор, попивая чай ложечкой и закусывая мятным пряником. — Остается выяснить, как именно. Так, что известно: Луиза сказала, что Рави не хотел. Виола сделала *это* вместе с девочками».

Он встал и принялся вышагивать от окна до двери и обратно.

«Гюстав и Луиза из Франции. Реган — ирландец. Амон — египтянин. Вера с Советского Союза. Рави жил в горах. Что-то крутится рядом, никак не могу ухватить».

Тут музыка стихла, и кто-то предложил расходиться по домам. Все разбрелись, тихо переговариваясь.

Карл Борисович прослушал остальные записи и выключил магнитофон. Из радиоприемника доносились только ночные звуки природы: треск насекомых, редкое уханье птицы, ветер, играющий листвой и далекий раскат грома.

Вдруг раздался стук. Профессор открыл дверь и увидел девушку-администратора:

— Вам звонят. Очень злой человек. Кричит, — предупредила она.

— Если кричит, то я знаю кто.

Карл Борисович включил запись, запер номер и побежал к телефону:

— Семен Семенович, здравствуйте!

— А-а, наш пропащий, — насмешливо протянул он и так громко закричал в трубку, что Карлу Борисович стало неловко. Администратор качала головой и с сочувствием смотрела на него. — Тля ты с макушки Эдисона, а не руководитель отдела!

— Вообще-то тля на человеке не живет, — несмело ответил он, но тут же пожалел.

— Значит, вошь. Да, точно, ты — лобковая вошь Кьюри! Где тебя носит уже который день? Все нервы мне вымотал. Из последних сил терплю, чтобы не вышвырнуть тебя с завода. Если завтра же с утра не явишься ко мне — пеняй на себя. У меня уже очередь выстроилась на твое место.

Профессор пытался оправдаться, но директор еще раз повторил, что вышвырнет с завода и положил трубку. Карл Борисович пожал плечами и поплелся в сторону номера.

— Может, вам чаю налить? — спросила вслед администратор. — Или валерьянки дать?

— Нет, все хорошо, — он через силу улыбнулся и зашел в номер.

«Придется на работу возвращаться, — с досадой думал он, перебирая рубашки в

шкафу. — Перенести радиоприемник обратно в кабинет или здесь оставить? На работе постоянно дергают. Оставлю здесь, а вечером буду прослушивать запись».

Светлана зашла домой и с грохотом захлопнула дверь. Из кухни выбежали Артем в одних шортах и Олеся в мини-халатике.

— Ты чего?

Она не ответила, лишь смерила Олеся неприязненным взглядом и, скинув ботинки, пошла в спальню.

— Что случилось-то? — он зашел следом и прикрыл дверь. — Куда ходила?

— Карл разводится со мной! — выпалила она и повалилась на кровать. Артем расплылся в улыбке и сел рядом.

— Ну и хорошо. Давно пора. Что тянуть, когда и так ясно, что у него шансов нет?

— В смысле? — она повернулась на бок.

— Ну, я — молодой, он — старый. Что не понятного?

— То есть, ты думаешь, что возраст — это главное? Не любовь, не уважение, не забота, а возраст?

— Ясно дело. Он, небось, и в кровать ложится только, чтобы поспать. В отличие от меня, — Артем смачно поцеловал ее в губы. — Давай рассказывай, как имущество будете делить?

Светлана отстранилась от него и отвернулась к окну.

— Никак. Я не с ним встречалась, а с его другом. Юристом на заводе работает. Карл ничего мне не оставит и алименты платить не будет. Совместного имущества у нас нет, детей тоже нет. Так что, собираем вещи и переезжаем к тебе в коммуналку.

Она чуть повернула голову и искоса посмотрела на Артема. Тот в ступоре смотрел перед собой, крепко сжимая кулаки.

— Значит, ничего не хочет оставлять, — зло прошептал он. — Я столько времени потратил, а он тебя с носом оставляет? Я даже не знаю, что с ним сделаю. Где он? Где живет эта паскуда?!

Светлана усмехнулась и легла на кровать:

— Столько времени потратил, говоришь. Так ты ради денег со мной, что ли, связался?

Он натянул штаны и взялся за свитер.

— Нет, но без денег будет плохо. Где он живет?

— Я не знаю, — пожала она плечами. — В квартире матери, наверное.

Артем оделся и вопросительно уставился на нее:

— Ты чего лежишь? Вставай и показывай, где квартира матери. Если, по-хорошему, не хочет делиться, то придется, по-плохому, выбивать.

Она обняла подушку и тихо ответила:

— Никуда я не пойду и ничего ты выбивать не будешь. Он — хороший человек. А я себе жизнь испортила из-за тебя.

— Что? Я тебе жизнь испортил? — взревел он, вырвал из ее рук подушку и швырнул на пол. — Это ты мне все испортила. Дурак, сделал ставку на тебя. Надо было малохольную охмурять, она хоть и старая, но денег — завались. Знаешь, что? Пошла ты!

Он покидал в спортивную сумку свои вещи и, уходя, бросил через плечо:

— И не звони мне, коза.

Когда входная дверь громко хлопнула, Светлана уткнулась в одеяло и зарыдала.

«Я все испортила. Что же мне теперь делать? К Карлу! — она резко села. — Точно! Надо идти к нему с повинной. Он поймет, простит и все будет, как прежде».

Она вытерла слезы и села на пуфик у туалетного столика. Тут в соседней комнате что-то упало, и Светлана вспомнила об Олеесе.

— Собирай вещи и уматывай отсюда, — велела она, распахнув дверь кабинета. — Комната больше не сдается.

Олеся лежала на диване в одном красном белье и листала журнал.

— Ты с ума сошла? Мы за три месяца заплатили, — возмутилась она, — Артем, иди сюда!

Светлана усмехнулась и бросила в нее халат, висевший до этого на спинке стула.

— Одевайся, его здесь нет и больше не будет. Мы разошлись. Хозяйка квартиры — я. А мне ты ничего не платила. Даю двадцать минут. Если задержишься, то вызову милицию.

Она развернулась и, гордо вскинув подбородок, пошла на кухню. В шкафу, за посудой, стояла бутылка элитного коньяка, привезенного Карлом Борисовичем из Армении. Светлана налила янтарного цвета жидкость в стакан и, прикрыв глаза, втянула носом его аромат.

Однако насладиться напитком не смогла, в кухню вбежала Олеся.

— Я никуда не пойду, пока не вернете мне деньги, — заявила она, уперев руки в бока.

Светлана устало выдохнула и поставила стакан на стол. Суровая жизнь в семье алкоголиков научила ее кое-чему.

— Значит так, паскуда, — сквозь зубы процедила она, взяла вилку и медленно поднесла к испуганному лицу Олееси. — Если через пять минут, ты не уберешься с моей жилплощади, то эту вилку придется доставать врачам из твоего зада. Поняла?

Олеся развернулась и исчезла в кабинете.

— Давай-давай, уматывай, — Светлана залпом выпила коньяк и налила еще. — То же мне. Шлюха ты, а не студентка. Крутила задом возле его носа. Так, иди к нему, забери свои деньги! Ничего не получишь, он только брать умеет.

Она села на подоконник со стаканом в руке и уставилась на улицу. Темно-серое небо, полуголые деревья и мелкий холодный дождь.

«Как же я устала, — она медленно попивала из стакана и вспоминала вечера с Карлом Борисовичем. — А ведь он никогда на меня даже голос не повысил. Если не было ужина, сам находил, что поесть. Денег давал и никогда не требовал отчета. Что же я наделала! Надо его обязательно вернуть».

Тут в прихожей послышался шорох и хлопнула дверь.

«Свалила наконец-то. Превратил мой дом в коммуналку. Сволочь! А Карлу я развод не дам. Он простит меня, и будем дальше с ним жить душа в душу».

Светлана снова наполнила стакан и пошла к телефону. Номер свекрови был написан на обложке телефонной книги, как и номера экстренных служб.

«Что-то пальцы не слушаются, — подумала она и прищурилась, пытаясь попасть на нужную цифру. — На голодный желудок быстро опьянела».

Из трубки послышались гудки. Она вся подобралась, откашлялась и, с замиранием сердца, начала ждать ответа. Однако трубку никто не взял. Светлана набрала еще несколько раз, но безрезультатно.

— Где же ты, Карлуша? — забеспокоилась она. — Надеюсь, с тобой все хорошо.

Карл Борисович подошел к джипу, одиноко стоящему на парковке. Первым делом он

проверил не сдулись ли колеса и не поцарапал ли кто-нибудь краску.

— Скучал небось, — улыбнулся профессор и заглянул в окно. — Ну, ничего-ничего. Сегодня заберу.

Время было ранее, поэтому, кроме охранника, в административном корпусе завода никого не было.

— Здравствуйте, Карл Борисович, — открыл дверь сонный охранник и приветливо улыбнулся. — Выздоровели?

— Да я и не болел. Отдыхал, — подмигнул профессор, взял ключ и поспешил к лифту. Он не знал, охранник помогал загружать его в карету скорой помощи, уворачиваясь от его плевков.

Карл Борисович вышел на седьмом этаже и порадовался привычному жужжанию кондиционеров. Директор несколько раз порывался отключить их, потому как они много сжигали электричества.

«Как хорошо, — он медленно шел по коридору и улыбался. — Будто домой пришел».

В кабинете все было на своих местах, похоже без него сюда никто не заходил. Только запахнутая дверь железного ящика напомнила ему, с чего все началось. С кражи радиоприемника.

— Привет, дружок, — он дотронулся пальцем до истукана и плюхнулся в кресло. — Как ты тут без меня? Скучал?

Тут его внимание привлекла стопка листов. Это были проекты, которые приносили сотрудники отдела. Профессор с интересом начал их изучать.

— М-м, такие молодцы. Некоторые очень даже интересные. Пока не перемещусь, можно будет несколько идей воплотить.

Вскоре послышались шаги и разговоры. Он подождал, пока часы не показали ровно восемь утра, вышел из кабинета и несколько раз хлопнул в ладоши.

— Совещание! — провозгласил он и зашагал в конференц-зал.

Удивленные и обрадованные работники приветствовали его и рассаживались вокруг стола. Когда все собрались, Карл Борисович начал с того, что поблагодарил за работу и пожурил тех, кто приносил один и тот же проект несколько раз.

— Теперь я хочу послушать вас.

— Завод уже выпустил первую партию контейнеров, — подал голос Сева. — Тех самых, которые придумал я. На станках, которые разрабатывали и подключали всем отделом. Видите, без вас справились.

Повисло тягостное молчание, будто затишье перед бурей. Однако Карл Борисович улыбнулся и сказал:

— Я в вас несколько не сомневался. Горжусь. Обязательно похвастаюсь Семену Семеновичу, каким высококлассных спецов подготовил.

— Ага, так же как похвалили меня? — продолжал Сева. На него кто-то зашикал, но тот только сильнее распалялся. — Соврали, что проект сами придумали. Всю славу себе хотели забрать. И правильно, что вас Кондратий хватил!

Раскрасневшийся Сева вскочил из-за стола и активно жестикулируя, продолжил:

— Только место занимаете, толку от вас никакого. Идите уже на пенсию, уступите дорогу молодым! Больше не хочу работать под вашим началом. Давайте, ребята, проголосуем. Кто хочет, чтобы Карл Борисович ушел с поста руководителя отдела, поднимите руку.

Он вскинул дрожащую руку вверх и с вызовом посмотрел на опешившего профессора.

— Ну же, не стесняйтесь. Сейчас решается ваша судьба, — обратился Сева к замершим коллегам. Однако никто не пошевелился.

— Сева, я ведь уже просил у тебя прощения за то, что сразу все не рассказал директору, — тихо сказал Карл Борисович и с сочувствием посмотрел на пылающего от злости и обиды Севу. — Все знают, что контейнеры придумал ты. Что тебе еще надо? Ты что, хочешь занять мое место?

Сева опустил затекшую руку и, понуриив голову, опустился на стул.

— Друзья, еще кто-нибудь хочет высказаться?

Все замотали головой, бросая неприязненные взгляды на Севу.

— Значит, за работу. Потихонечку буду вникать в дела. Если возникнут вопросы или пожелания, то жду в своем кабинете.

Профессор встал и первым покинул конференц-зал. Он зашел в лифт, нажал на кнопку с номером четыре и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Седая борода делала его старше, но он даже не думал бриться. Теперь не надо соответствовать молодой жене и можно свободно выдохнуть.

Алла Шалвовна бросилась навстречу, едва он переступил порог приемной.

— Карл Борисович, как вы?

— Здравствуйте, Алла, — поздоровался он и улыбнулся. — Со мной все хорошо. Вот, приступил к работе. Вы как?

Она махнула рукой:

— По-прежнему. Семен Семенович у себя. Он вам тоже будет рад.

Карл Борисович тихонько постучал и открыл дверь:

— Семен Семенович, здравствуйте! А вот и я.

Тучный директор махнул ему рукой:

— Заходи-заходи. Наконец-то пришел. Как голова? Как сердце? Как самочувствие в целом?

Профессор закрыл дверь, пожал руку директору и сел напротив:

— Намного легче. Спасибо. У вас, как дела? Что акционеры?

— Слава Богу, успокоились. Первую партию контейнеров не успели оптовикам кинуть, как магазины растащили и потребовали в пять раз больше. Молодец, Борисович! Выручил.

— Я-то что? Это ребята мои постарались. Все-таки отличную команду я подобрал, — он замолчал и, немного поколебавшись, продолжил. — Короче, Семен Семенович, думаю, пришло время уходить.

Директор непонимающе уставился на него.

— Если понадобится, то всегда готов помочь. Но работать, как прежде, я не хочу. Устал и постарел, наверное. У меня есть на примете один хороший парень. Умный, ответственный, трудолюбивый и, главное, целеустремленный. Давайте обсудим, а завтра на всеобщей планерке, озвучим. Хорошо?

Семен Семенович тяжело вздохнул и обреченно кивнул:

— Ну, если ты так решил.

Через полчаса Карл Борисович вышел из кабинета директора.

— Ну, как? Все хорошо? — шепотом спросила Алла Шалвовна.

— Да. Все отлично, — улыбнулся он.

— Вам идет такая борода. Солиднее стали.

Профессор подмигнул ей и вышел из приемной.

Весь день Карл Борисович провел, как на иголках. Ему очень хотелось бросить все и бежать. Бежать к радиоприемнику.

«А я включил магнитофон?» — ужаснулся он и чуть не подавился куском курицы в столовой. К нему подсел юрист Вася.

— Будь здоров, не кашляй, — он похлопал профессора по спине. — Тебе еще до конца недели работать.

Карл Борисович вытер слезы и отпил компот из граненного стакана.

— Доработаю. Как там с разводом? Идут дела?

Вася намазал горчицу на хлеб и начал размешивать сметану в борще.

— Туго идет. Не хочет развод давать. Говорит: люблю, хочу вернуть. Просит назвать адрес, по которому ты сейчас проживаешь.

— Надеюсь, ты меня не выдал? — напрягся профессор.

— Конечно, нет. Ты за кого меня принимаешь? После того, что она сделала, я бы на твоём месте в милицию пошел.

— Какая милиция, — Карл Борисович закинул в рот листок петрушки и продолжил. — Снаружи радиоприемник старый, копеечный. За него и штраф бы не дали.

Юрист Вася пожал плечами и зачерпнул ложкой густой суп.

— С разводом не тяни. Я хочу продать квартиру и помочь одному человеку. Если не получится то, что я задумал, то отправлю ее в Европу. Может, там смогут вылечить.

— Ее? Да ты под старость лет ловеласом заделался, — подмигнул Вася, но Карл Борисович ничего не ответил и откусил кусок мяса.

В пять вечера, когда сотрудники ринулись в сторону лифта, из кабинета вышел профессор и быстро пошел следом.

— Карл Борисович, вы что, тоже уходите? — удивился Костя.

— Рабочий день закончился, — усмехнулся он. — Хватит перерабатывать.

Они зашли в лифт, последним протиснулся Сева, который, заметив профессора, сразу отвернулся.

Карл Борисович попрощался с Костей и зашагал к парковке.

— Ты меня прости, но я и тебя продам, — сказал он и завел двигатель. — Мне деньги нужны.

Он остановил машину возле гостиницы и, забрав ключ у администратора, поспешил к номеру.

Как только профессор открыл дверь, услышал спокойный голос Амона:

— О чем ты, Вера?

— Джон переместился с перочинным ножом. Почему? У меня на шее висела иконка Божьей Матери, но, когда я попала сюда, ее со мной не оказалось.

— И у нас также, — подтвердил незнакомый женский голос. — У меня на пальце было обручальное кольцо, а у девочек пропали сережки. Правда, они были простые, не из золота. Но все равно им очень жалко.

Амон подозвал Джона и спросил:

— Ты держал в руке этот нож?

— Нет, Амон. Он был в мешочке, который я привязал к руке. Это на случай, если я не

убьюсь.

Послышался испуганный вздох.

— Не говори так, Джон. Это ужасно.

— Виола, успокойся. В конце концов, мы все здесь хотели смерти. Я боялся, что выживу и останусь немощным калекой до старости.

Все замолчали. Профессор быстро разделся и подсел к радиоприемнику. Вдруг снова заговорил Амон:

— Джон, ты сказал, что положил нож в мешок. Опиши его.

— Ну-у, я его взял с бабушкиного чердака. Думаю, раньше в нем хранили монеты.

— Из чего он сделан? Хлопок?

— Нет-нет, из кожи. Кожаный мешочек с тонкими кожаными завязками. Материал очень мягкий. Не знаю, то ли от времени, то ли от того, что им часто пользовались.

— Может, в этом дело? В коже? — задумчиво произнес Амон. — Мы все попали сюда голые. Никто не смог принести с собой даже спичку. Хотя некоторые остались в ботниках. А Джон, спасибо ему, переместился с ножом.

— Жаль только, что металл плохой. За тридцать семь лет он стерся наполовину. Пройдет еще несколько десятков, и он совсем исчезнет.

«Кожа — это надо запомнить», — подумал профессор и весь обратился в слух.

— Поэтому Реган смог Баффи с собой взять, — продолжал Амон.

— Да, — Карл Борисович узнал Регана. — Знал бы, что так получится, то еще и котика бы с собой взял.

— А я бабушку. Родители погибли, когда мне было пятнадцать. С тех пор я жил с бабушкой, — сказал Джон. — Я бы очень хотел, чтобы она была здесь, со мной. Она, в отличие от меня, заслужила жить в этом месте.

— Кстати-кстати, — торопливо сказала Вера. — Помните, я предлагала придумать название нашей деревеньке? У кого-нибудь есть предложения? Только не надо повторяться и озвучивать земные названия. Напрягитесь и придумайте что-нибудь оригинальное.

Со всех сторон посыпались предложения. Карл Борисович уменьшил звук и задумался:

«Они говорят «взял бы с собой». Значит, не отравились и не повесились. Тогда, что?».

— Хунцунь! — выкрикнул Чан.

— Хунцунь? — насмешливо переспросила Вера. — Звучит, как ругательство.

— Неправильно, первая Н — твердая. Хунцунь — это моя родная деревня. Я там с детства не был. Она мне снится иногда.

— Не-ет, так не пойдет. Договорились же: только новое название.

— Понятно... По моим подсчетам, скоро полгода, как я здесь. Скучаю по дому, по родителям. Я жалею, что так поступил.

Карл Борисович до этого вполуха слушающий их разговор, отложил бутерброд и, затаив дыхание, увеличил громкость.

— Они, наверное, ищут меня, если, как вы сказали, тела не осталось.

— Чан, мы так только предполагаем, — с сочувствием ответила Вера. — А почему ты это сделал?

Чан ответил не сразу. Все это время профессор стоял в напряжении, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть разговор, который, как ему казалось, может пролить свет на загадку, мучившую его уже несколько месяцев.

— Я не знаю... Наверное, от одиночества. Я просто залез на крышу дома, в котором

снял квартиру, и посмотрел вниз. Был туман, поэтому ничего не было видно: ни машин, ни людей. И было тихо. Очень тихо. Мне стало страшно, только когда я полетел вниз. А потом я проснулся здесь.

— Тебе повезло упасть в нужный день. Теперь ты с нами. Кому-то покажется бессмертие пресным, но не мне. Я наслаждаюсь каждый день.

Тут Вера переключилась на Рави и его игру в «Слова», а Чан тихо сказал:

— Я не упал. Я спрыгнул.

«Он спрыгну, — Карл Борисович прижал руку ко рту. — В нужный день. Полгода назад».

Он вскочил и спотыкаясь выбежал из номера.

— Календарь! У вас есть календарь! — издали крикнул он администратору.

Опешившая девушка ткнула пальцем в настенный календарь с милыми котятками.

— Та-ак, апрель, — Карл Борисович вытер пот со лба и начал нервно приглаживать вихор на затылке. — А что у нас в апреле?

— Пасха, — подсказала девушка-администратор и подошла к нему. — В апреле Пасху отмечаем. Один из моих любимых праздников. Куличи, яйца и все такое.

— Точно! — расплылся в улыбке он. — Это большой церковный праздник. А какого числа?

— Нет определенного числа. Каждый год по-новому.

— Как это?

— Так и есть. В этом году отмечали двадцать третьего числа, в прошлом первого мая.

Карл Борисович недоуменно переводил взгляд с календаря на девушку и обратно.

«Не получается. Это не может быть плавающий день. Нужен конкретный».

— А в следующем году какого числа будет?

— Не знаю. Обычно по отрывному календарю смотрю. На будущий год календаря пока нет, — пожала она плечами и вернулась за свой стол.

Карл Борисович поплелся обратно в номер. Из динамика слышались неторопливые разговоры. Он доел бутерброд и включил магнитофон, который целый день записывал звуки параллельного мира. Чтобы не тратить время, профессор перематывал, изредка останавливая. В основном они обсуждали, как использовать в хозяйстве найденные Оливером длинные крепкие корни какого-то растения.

Он дослушал до конца, поставил новую кассету для записи и лег в кровать.

«Они сбросились, все сходится. Реган взял с собой пса, Виола — детей, Рави, живущий в горах, упал случайно. Осталось выяснить, что это за день такой. С Пасхой, интересная версия, но это не определенный день, а плавающий из года в год. Мне это не нравится. Завтра схожу в библиотеку».

Тем временем, люди начали желать друг другу доброй ночи и вскоре наступила тишина.

«Так, время десять. Время дня и ночи у нас сходятся. Тем лучше, буду включать запись только когда уйду на работу. Машеньке сегодня не звонил. Как она там? Завтра после работы заеду в гости».

Карл Борисович не заметил, как уснул. Приснилась ему Мария, здоровая и веселая. Они шли, утопая в полевых цветах, и крепко держались за руки.

Карл Борисович вылез из машины и, подняв воротник плаща, быстро зашагал к проходной. Перед ним шли двое и тихо переговаривались.

— Сева, — узнал он одного. — Здравствуй!

Тот нехотя остановился, натянул искусственную улыбку и ответил:

— Здравствуйте, Карл Борисович.

— Что-то ты не в духе вчера был. Не заболел?

— Нет, — буркнул Сева. — А вы точно здоровы? Или вас на время из психушки выпустили?

Карл Борисович засмеялся и забежал вперед. Охранник вместо приветствия указал куда-то за спину. Профессор повернулся и увидел Светлану, виновато глядящую на него.

— Привет, Карлуша, — тихо сказала она. — Как ты? Как самочувствие?

— Здравствуй, Светочка. Чувствую себя хорошо. Вот, на работу вышел. Ты как?

Она подошла вплотную и взяла его за руку.

— Хочу с тобой поговорить. Пойдем к тебе в кабинет, а то здесь народу много.

Карл Борисович мягко высвободил свою руку и кивнул:

— Хорошо. Пойдем.

Он взял ключ, и они молча зашагали к лифту.

В кабинете было холодно, профессор забыл вчера закрыть форточку.

— Присаживайся, — кивнул он на стул и опустился в кресло. — Слушаю тебя. Мне через десять минут надо быть на планерке, поэтому поторопись.

Светлана опустила голову и, нервно перебирая платок, проговорила:

— Я пришла попросить прощения. Сама не знаю, как так получилось. Теперь я все осознала и поняла, что люблю только тебя и не хочу разводиться.

Она подняла на него глаза, полные слез, и жалобно попросила:

— Возвращайся домой. Давай жить, как раньше. Я не хочу разрушать семью. Мы так хорошо ладим, ты меня всегда понимал и поддерживал. Я все осознала и больше никогда так не поступлю. Обещаю. Прости меня, пожалуйста.

Светлана с надеждой уставилась на него. Карл Борисович поджал губы, закивал и сухо ответил:

— Хорошо.

Она с облегчением выдохнула и счастливо улыбнулась.

— Хорошо, прощаю, — продолжал профессор. — Но мы никогда не будем жить вместе. Мы разведемся, и каждый пойдет своей дорогой. Я бы хотел перечислить все, что ты натворила. Однако, думаю, ты сама все понимаешь. Я делал все, что только мог, но ты ударила меня в спину. Если честно, то даже видеть тебя не могу. Уйди, пожалуйста, из моей жизни. И твой отказ от развода — не поможет.

Он сурово сдвинул брови и угрожающим тоном сказал:

— Иди и собирай вещи, я буду продавать квартиру. Даю тебе неделю.

Карл Борисович не сводил пристального взгляда с опешившей Светланы. Она приоткрыла рот и замерла.

— Света, иди. Мне надо работать. Впрочем, как и тебе. Больше ни копейки на тебя не потрачу.

Она, наконец, совладала с собой, закрыла рот и медленно встала.

— Хорошо, — процедила она сквозь зубы. — Но ты об этом еще пожалеешь.

Профессор тяжело вздохнул, когда разъяренная Светлана пнула дверь и выскочила из кабинета.

— Знал бы ты, как тяжело мне было, но я сдержался, — пожаловался он истукану. —

Жалко ее, но надо быть твердым.

Он посмотрел на часы и засобирался в актовый зал. Сегодня должны объявить нового руководителя отдела.

В актовом зале было шумно. Как обычно все расселись так, как работали: бухгалтеры и отдел кадров вместе, затем инженеры и работники с производства, отдельно технический отдел и возле окон отдел снабжения. Семен Семенович сидел за столом на небольшой сцене. Слева от него Алла Шалвовна, справа — главный бухгалтер Данилов.

— Карл Борисович, — вскочила Алла Шалвовна и помахала. — Идите сюда.

Профессор подошел и сел рядом с ней.

— Семен Семенович хочет дать вам слово. Надо будет выступить. Но это только в конце, так что есть время подготовиться, — зашептала она.

Директор махнул рукой и двери закрыли. Он откашлялся и наклонился к микрофону:

— Доброе утро, коллеги. Предлагаю начать с поздравления именинников. Их у нас в этом месяце восемь человек.

Он перечислил именинников, зачитал пожелания с открытки и попросил подойти за подарками к Алле Шалвовне после планерки.

— У меня есть две новости. И, как полагается, одна — хорошая, а вторая — плохая. Начну с плохой, — он показал на Карла Борисовича. — Наш великий ум, наш уважаемый профессор покидает нас.

Две сотни пар глаз уставились на смутившегося Карла Борисовича.

— Он решил уйти на заслуженный отдых. Я просил, уговаривал и даже угрожал, но он был непоколебим, как скала, — пошутил директор и с грустью посмотрел на Карла Борисовича. — Мы много лет проработали вместе. Было много хорошего и мало плохого, поэтому мне особенно трудно. Я не знаю, что нас ждет, но двери для Карла Борисовича навсегда останутся открытыми.

Зал зааплодировал. Профессор поднялся с места и поклонился, прижимая руку к груди.

— Спасибо, мои дорогие. Я прикипел сердцем к заводу и ко всем вам. С кем-то мы работали, с кем-то обедали, с кем-то просто здоровались, но каждый из вас что-то привнес в мою жизнь. Я ухожу, но, если понадобится, можете на меня рассчитывать.

Снова раздались аплодисменты. Карл Борисович продолжал:

— Я дорабатываю эту неделю и ухожу. Мы с Семеном Семеновичем долго думали, кому доверить отдел. Это было трудное решение, но мы его приняли. Итак, место руководителя технического отдела мы предлагаем молодому и очень перспективному человеку Жукову Константину Валерьевичу.

Радостный Костя встал и поспешил к сцене.

— Чего?! — взревел Сева и вскочил со своего места. — Костю? А я! Вы там, что, совсем свихнулись?

Он грубо продрался через ноги, сидящих коллег, и побежал к сцене.

— Сева, остынь, — остановил его Костя.

— Слышь, ты, — взъерепенился тот. — За моей спиной стариков окучивал? Уйди, предатель, пока не врезал.

Тут подбежали еще мужчины и преградили Севе путь.

— Отвалите от меня. Я только поговорить с ними хотел.

Семен Семенович встал и, нахмутив густые брови, грозно двинулся к Севе.

— Что такое? Чего ты хотел?

— Это что же получается: я контейнеры придумал, а вы Костю ставите руководителем. Вы что, не поняли, что я хотел быть руководителем?

Семен Семенович вплотную приблизился к нему, чуть не упершись в него большим животом, и сказал:

— И что? Я, может, в космос хочу. Ты работаешь без году неделя, а столько гонора. И, кроме твоих контейнеров, мы решили выпускать еще с десятков различных штуквин. Руководителем будет Жуков. Ясно?

Карл Борисович с сочувствием смотрел на Севу, который чуть не плакал от злости и бессилия.

— Тогда я ухожу, — выдохнул он, развернулся и размашистым шагом пошел к дверям.

Директор дождался, когда за ним закроется дверь и показал на Костю:

— Давайте поздравим нового руководителя отдела.

Неприятный инцидент с Севой отразился на присутствующих. Сотрудники перешептывались, на задних рядах что-то активно обсуждали, поэтому раздались редкие хлопки.

— Константин Валерьевич, поздравляю, — Семен Семенович крепко пожал ему руку. — У тебя есть пару дней, чтобы выведать у Карла Борисовича особенности работы. С понедельника вступаешь в должность. Удачи, и помни об ответственности, — он повернулся к залу. — Товарищи, планерка закончилась. Все свободны.

Карл Борисович спустился со сцены и подошел к Косте, который стоял с потеряннным видом.

— Ну что, Костя, ты заслужил. Рад?

— Рад... Наверное, — он подождал, пока все выйдут и опустился на ближайшее кресло. — Только не понимаю, за что?

— За семь лет, что мы работаем вместе, ты показал себя с очень хорошей стороны: исполнительный, ответственный, пунктуальный и, что немаловажно, спокойный. Руководитель должен быть рассудительным и осторожным. Такая ответственная работа не терпит импульсивности и сумасбродства. Ты заслужил, сам не сомневайся и другим не позволяй. Пойдем ко мне. Расскажу, что да как.

До самого вечера Карл Борисович и Костя не выходили из кабинета. Профессор, как можно подробнее описывал все, чем занимается сам и что должен контролировать в работе других. Часто заставлял записывать, чтобы Костя что-нибудь не забыл и не пропустил.

— Завтра с утра сразу ко мне. Покажу, как заполнять документацию и проекты, — они попрощались и Карл Борисович пошел к джипу.

Но когда приблизился, то увидел, что на черном отполированном боку белеет надпись: «Чтоб ты сдох».

— Сева-Сева, тяжело тебе жить с таким характером, — покачал он головой. — Придется на мойку заехать.

Светлана стояла на стуле и с размаху бросала хрустальную и фарфоровую посуду об пол. Она схватила со стола статуэтку:

— Прощай, голубка.

Статуэтка разлетелась на несколько кусков.

— Прощай, колокольчик, — следом полетел глиняный колокольчик в виде сказочного домика.

— Прощай, свистулька. — Грохот.

— Прощай, тарелка. — Грохот.

Так продолжалось уже пятнадцать минут. Весь пол в гостиной был усеян осколками. Вскоре ей надоело разбивать по одному, и она смахнула все разом со стола на пол.

Светлана аккуратно спустилась со стула и огляделась. Лакированные дверцы шкафов испещряли нецензурные слова, сделанные гвоздем. Обои местами были порваны, местами забрызганы коричневой краской для пола.

— Та-ак, унитаз и раковины засорила, холодильник выключила, посуду разбила. Чем бы еще его порадовать?

Она остановила взгляд на открытой банке краски и хищно улыбнулась.

— Коричневое белье тебе должно понравиться, — она схватила банку и пошла в спальню. Тонкая струйка коричневой краски полилась на пуфик, туалетный столик, ковер, комод, пока Светлана не добралась до кровати. Она скомкала постельное белье и обильно полила оставшейся краской.

«Может, пожар устроить? — задумалась она, но тут же отвергла эту мысль. — Посадят еще».

Светлана понимала, что злиться нужно на себя. Она своими руками разрушила безбедную спокойную жизнь. Но решила отомстить Карлу Борисовичу, в первую очередь за то, что он так легко отказался от нее. Во вторую, что не принял обратно.

— Прощай, Карлуша, — она закинула на плечо сумку, взяла чемодан и вышла из квартиры. Дверь назло оставила открытой настежь.

Денег на такси не было, поэтому пришлось тащить тяжелый чемодан до остановки. Через час она вышла из автобуса и увидела вдали родительский дом.

«Зря каблуки надела», — зло думала она, семеня по ухабистой дороге из разбитого асфальта.

Маленькие старые скособоченные домики в пригороде использовались городскими жителями, как дачи. Осенью, когда урожай был собран, двери и окна заколачивались до следующей весны. На длинной кривой улице оставались жить лишь те, кому идти было некуда, как матери Светланы.

С тяжелым сердцем она остановилась у калитки и посмотрела на дом. За три года дом еще сильнее провалился в землю с правой стороны. Заросший травой огород говорил о том, что и в этом году ее мать не удосужилась посадить даже картошку. Светлана потянула калитку, и та жалобно заскрипела. В окне появилось светло пятно, которое тут же исчезло и на крыльцо выбежала моложавая женщина с пышной химической завивкой на голове.

— Светка приехала, — всплеснула она руками и улыбнулась, обнажив нестройный ряд желтых зубов. — А что не предупредила?

Она спустилась с крыльца и поприветствовала калитку, пока Светлана втаскивала во двор чемодан.

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, доченька.

Они обнялись, и Светлана невольно сморщила нос от тяжелого запаха пота, перегара и сигарет.

— Ой, а что в чемодане? — женщина приподняла его и опустила вновь. — Консервы, что ли, привезла?

— Нет, мама, это вещи мои. Я приехала насовсем.

Мать озадачено уставилась на нее и сочувствием спросила:

— Бросил, да? Моложе нашел?

— Нет, — буркнула Светлана и поволокла чемодан к дому. — Я тебе потом расскажу. Надеюсь, ты не все продала, и мне будет на чем спать.

Женщина пожала плечами и пошла следом.

Карл Борисович с облегчением выдохнул, когда на мойке смогли удалить надпись.

— Спасибо, что отмыли. Я собираюсь продавать машину, — сказал профессор, когда оплачивал услугу.

— Да? — заинтересовался владелец мойки. — И за сколько?

— Не решил еще. Надо прикинуть, на рынок посмотреть. Машине чуть больше двух лет, совсем новую брал.

Тут он вспомнил, в каком восторге была Светлана и тяжело вздохнул. Он корил себя за то, что жестко с ней поговорил.

— Будете продавать, про меня не забудьте. Я заметил, какой аккуратный вы водитель. Ни соринки, ни пылинки, ни царапинки. Движок работает, как часы, и на спидометре всего восемь тысяч.

— Какой вы внимательный, — усмехнулся профессор. — Хорошо, дам знать. Спасибо.

Он попрощался и поехал к дому Марии. По пути заходил в магазин и купил продуктов.

— Машенька, ну, как ты?

Мария стояла в дверях и держалась за косяк.

— Также, спина болит. Но таблетки хорошие, помогают.

— Тебе легче? Может, на выздоровление идешь? — с надеждой спросил он.

Мария махнула рукой.

— Какое выздоровление, без таблеток жизни нет. Пока не выпью, хоть волком вой. Боли адские. Доктор сказал, что когда таблетки перестанут помогать, уколы выпишет. Проходи, чего в дверях стоять.

Она поплелась на кухню, держась за стену. Карл Борисович разделся и пошел следом.

— Я тебе продуктов купил. Если что-то нужно, то говори — не стесняйся, — Карл Борисович выложил продукты в холодильник и по просьбе Марии включил чайник.

— Как у тебя дела? Что на работе?

— А-а, — махнул он рукой. — Я на пенсию уйду. Еще два дня и «до свидания». Буду больше времени с тобой проводить. Ах, — спохватился он. — Я же выяснил кое-чего. Оказывается, они сбросились. У них новенький — Чан, об этом рассказал. А Вера сказала что ему повезло упасть в определенный день. Что это за день, я не знаю. Но думаю, что в какой-то апрельский день. Чан сказал, что уже полгода там.

— Апрельский день, — заинтересовалась Мария. Она нарезала тонкими ломтями сыр и раскладывала его веером на тарелку.

— Да, теперь надо узнать, что за день? — он выключил свистящий чайник и вытащил из шкафа две кружки.

— У меня вон календарь за дверью висит, — кивнула она. — Там все праздники красным цветом выделены.

Карл Борисович налил чай и подошел к календарю:

— Кроме Пасхи, здесь и Радоница есть, и Благовещение, — он начал задумчиво приглаживать вихор на затылке. — А может, это вовсе не праздник? Может, обычный будний день?

Мария открыла пакет с печеньем и позвала профессора к столу.

— А ты уверен, что в апреле? Вдруг в марте или в мае?

— В том-то и дело, что не уверен. Вообще не знаю на что опереться. Меня беспокоит, что все так медленно движется. А вдруг, я вообще не узнаю, что это за день? — он поджал губы и устался в кружку.

— И что из этого? Нашел о чем горевать, — она сделала бутерброд с сыром и протянула ему.

— Машенька, ты что, не поняла? Я ради тебя это делаю. Хочу спасти тебя.

Мария перевела разговор в шутку, сказала, что ее совсем не интересует бессмертная жизнь, тем более с таким занудой, как профессор. Он посмеялся вместе с ней, но от задуманного не хотел отступать. После чаепития профессор попрощался и сразу поехал в гостиницу.

— Так-с, чем занимаетесь? — Карл Борисович выключил магнитофон и подсел к радиоприемнику. Однако ничего интересного там не происходило: кто-то ел, кто-то играл в настольную игру, вдали насвистывал Духовой, он же Оливер. Профессор включил запись на магнитофоне. Однако и там, кроме повседневных забот, ничего особенного не обсуждали.

«Ну ничего, я терпеливый. У нас еще полгода в запасе есть, — махнул он рукой и начал переодеваться. Вдруг уронил брюки и испуганно прижал руку ко рту. — А если, Маше хуже станет? Может, я зря время трачу и лучше отправить ее лечиться? Точно, так и сделаю: продам квартиру, машину, кое-какие проекты и глиняную коллекцию».

Карл Борисович наскоро перекусил, лег в кровать и уснул под звуки неспешных разговоров. Ему приснилось, что он отгадал нужный день и взобрался вместе с Машей на телевизионную башню.

— Нож. Ты нож положил в мешочек? — забеспокоилась Мария и с опаской посмотрела вниз.

— Положил. И не только нож, — он показал на кожаный чемодан, битком набитый разными вещами. — Пошли, нас ждут.

Он радостно улыбнулся и спрыгнул, увлекая за собой Марию и кожаный чемодан.

Раздражающий звук будильника заставил проснуться. Карл Борисович вылез из-под одеяла и зябко поежился.

— Что так холодно-то? — он надел поверх пижамы халат, посмотрел на улицу и опешил. Все, на что падал взгляд, покрывал тонкий слой снега. — Ух ты!

Он открыл форточку и вдохнул свежий морозный воздух. За суетой и хлопотами, он редко замечал смену времен года, только когда надо было сменить колеса и ботинки. Профессор наскоро позавтракал галетами с паштетом и, по пути на работу, заехал в шиномонтаж. Пока работники шиномонтажа меняли колеса, он сел на лавочку и вспомнил сон.

«Хорошая идея с чемоданом. Только надо побольше купить или несколько чемоданов с собой взять. И телевизионная башня подойдет для такого дела. Интересно, как взобраться на самый вверх? Может, заплатить кому-нибудь? Или втихаря пробраться?»

О том, что Мария не доверится ему и не спрыгнет, Карл Борисович даже думать не хотел. В конце концов, он найдет способ уговорить ее.

Через полчаса он подъехал к заводу. Еще издали увидел Севу, который быстро шел от остановки.

— Сева, подожди!

Сева остановился, как вкопанный, но, когда понял, что его зовет Карл Борисович, бросился к проходной.

— Эх, молодость, — усмехнулся профессор. Возле лифта он встретился с юристом Васей.

— Документы она подписала, — похлопал Вася по портфелю.

— Хорошо, — улыбнулся Карл Борисович, взял Васю под руку, отвел в сторону и заговорщически зашептал. — Надо квартиру продавать. Деньги нужны.

— Квартира на твою маму была записана. Надо сначала вступить в наследство, а для этого должно пройти полгода.

— Что?! — воскликнул профессор, отчего две женщины испуганно покосились на них. — Какие полгода? А раньше никак?

Вася покачал головой, а профессор судорожно начал думать, как поступить.

— А мамину квартиру можно продать? — с надеждой спросил он.

— Можно. Но только через полгода.

Карл Борисович зло выругался и уставился невидящим взглядом на стену.

«Проекты задорого не продашь. Машина хорошая, но на лечение вряд ли хватит денег. Что же делать?»

— А деньги тебе зачем? Любовницу молодую содержать? — Вася расхохотался своей шутке, но Карл Борисович только махнул рукой.

— Не о том ты думаешь. Мне надо человеку помочь. Деньги нужны на лечение, — сказал он, оглянулся и шепотом продолжил. — Можно как-нибудь обойти закон?

— Пф-ф, — со звуком выдохнул Вася и скривил губы. — По поводу махинаций — это не ко мне. Ты лучше сходи домой и посмотри, что там творится. Я вчера заезжал по твоей просьбе. Света уехала и оставила тебе подарочек.

— Что такое?

— Сам увидишь. Пошли работать, уже пятнадцать минут здесь стоим.

После разговора с Васей Карл Борисович весь день был не в себе. Костя досаждал вопросами и не давал сосредоточиться:

— А если к нам проверяющие органы придут, что надо показывать, а что прятать подальше?

— Костя, не отвлекай меня. Ты во всем со временем разберешься, — профессор вновь задумчиво уставился на истукана.

— А его вы мне оставите? — Костя взял глиняную статуэтку и покрутил ее в руках.

— Нет, конечно. Поставь на место и иди работай, — рассердился Карл Борисович. — И вообще, я плохо себя чувствую. Если будут спрашивать, то я поехал домой. Надо температуру померять.

Он засунул истукана в портфель и вышел в коридор. Проходя мимо открытой двери одного из кабинетов, он увидел Севу. Тот склонился над платой и что-то паял.

«Да ну их. Пусть что хотят, то и делают, — Карл Борисович подошел к лифту и нажал на кнопку. — Съезжу домой, посмотрю, что там».

Вскоре он подъехал к дому и забежал на второй этаж. Дверь была не заперта. Карл Борисович медленно, с опаской, заглянул в квартиру и шумно выдохнул. Такого «подарочка» он не ожидал.

— Что же это такое? — пролепетал он. — Как же это называется?

Ошарашенный увиденным, он ходил из комнаты в комнату и качал головой.

— Ну, Светка. Как же ты могла такое натворить?

Он сел на уцелевшее кресло в кабинете и прижал руку к груди. Сердце начало больно колоть.

— Фух, надо бы успокоиться. Не хватало еще загреметь в больницу.

Больше всего его огорчало не то, что сделала Светлана, а то, что он в ней так ошибся. Милая, светлая, улыбчивая, добрая — так он себе ее представлял.

«Как же я промахнулся. А ведь считал, что мне с ней повезло. Ничего-ничего, хорошо, что вовремя глаза открылись».

Через десять минут ему стало легче. Карл Борисович собрал веником осколки, вытащил продукты из холодильника и все выбросил в мусоропровод.

— Остальное пусть новые хозяева отмывают, — он запер квартиру и поехал в гостиницу. Профессор решил, что лучше поселиться в квартире мамы и с порога начал собирать вещи.

Из радиоприемника лилась музыка Струнного. Такое бывало редко, обычно он сидел отдельно и играл только для себя.

— Спасибо, Савелий. Спасибо, говорю! — громко сказал Реган и засмеялся. — Друзья, не ожидал, что вы вспомните.

— Сегодня у тебя первый двойной круглый юбилей, — послышался голос Гюстава. — Мы отмечаем только первое десятилетие, потом уже скучно.

— А почему двойной? — профессор узнал осторожный голос Чана.

— На Земле сегодня — день смерти. А у нас — день рождения.

Карл Борисович бросил в раковину принадлежности для бритья, которые хотел положить в чемодан, и бросился к радиоприемнику. Люди поздравляли Регана, а некоторые сетовали, что уже позабыли свой первый юбилей.

«Сейчас начало октября, четверг. До апреля — далеко. Значит, дело не в апреле. А в чем же тогда?»

Он выскочил в коридор.

— Сегодня есть какой-нибудь праздник? — выпалил он и уставился на администратора.

— Вроде, нет. А что? — удивилась она.

Карл Борисович взглянул на календарь, но тот отказывался ему подсказывать.

— Ничего...Кстати, я выселяюсь.

Он расплатился и вернулся в номер. Из динамика вновь звучала музыка Струнного,

вскоре к нему присоединился Духовой.

— Ребята, пока вы играете, я успею доехать до маминой квартиры.

Профессор быстро собрал вещи и отнес чемодан и магнитофон в машину. Затем вернулся за радиоприемником, который положил на пассажирское сиденье и для надежности закрепил ремнем безопасности.

В маминой квартире пахло свечами и ладаном. Ее портрет, который Карл Борисович заказывал именитому художнику, был перевязан черной лентой.

— Эх, мамочка, — вздохнул он и провел рукой по платкам, пестрящим на вешалке в прихожей. — Как же мне тебя не хватает.

Он поставил радиоприемник на небольшой холодильник на кухне и включил на полную громкость. Вместо музыки послышался стук ложек.

— На Земле ничего подобного не пробовал, — сказал Оливер.

— Ну конечно, — усмехнулся Гюстав. — За столько лет жизни здесь, а не нашел ничего, что по вкусу было бы похоже на что-то земное.

— А вот и неправда! — возмутился Оливер. — А как же рыба? Она, конечно, сладковатая и мясо сиреневое, но по вкусу очень похоже.

— Лишь отдалено напоминает, — вмешалась в разговор Вера. — Я на Земле очень любила бутерброд из черного хлеба, куска селедки и кружочка вареной свеклы. Вот этот вкус и похож на рыбу. Но мне очень нравится.

«Хм, — задумался профессор. — Оказывается, различий между мирами больше, чем я думал».

Он закрыл глаза и попытался взглянуть на параллельный мир их глазами, но перед внутренним взором появились лишь пейзажи с Земли. Карл Борисович понял, что смотрел на Тот мир со знаниями Этого мира, а это совсем неверно.

«Может, у них три солнца и земля, как кисель? Нет смысла представлять то, о чем понятия не имеешь».

Он включил магнитофон, переоделся и вышел из квартиры. По пути к Марии решил заглянуть в свою квартиру и забрать проекты, которые Светлана не уничтожила. По-видимому, забыла о них. Возле дома его ждал неприятный сюрприз.

— Здорова, — Артем неуверенно топтался возле подъезда. — Светка где?

— Здравствуй, — сухо ответил Карл Борисович и сердце неприятно екнуло. Он не боялся, а скорее презирал этого гнусного типа, который стоял с опущенной головой и что-то бубнил себе под нос, как студент-двоечник.

— Я не расслышал. Повторите еще раз.

— Я говорю, где она? Уже второй день ее ищу.

Карл Борисович пожал плечами и равнодушно ответил:

— Не знаю. Мы развелись. Она уехала.

— Куда?

— Понятия не имею. Скорее всего, к матери. Анна Ильинична живет в пригороде. Где именно, не знаю. В гостях никогда не был. Она сама к нам приходила. А теперь дайте пройти, я тороплюсь.

Артем нехотя отошел в сторону, и профессор забежал в подъезд.

«До чего же неприятный тип».

Он зашел в квартиру, закрыл за собой дверь и с облегчением выдохнул. Только сейчас он почувствовал себя в безопасности.

Прошло два месяца. Наступила зима. Карл Борисович продал все, что мог: проекты, машину, мебель, но денег на лечение Марии все равно не хватало.

— Алло, Машенька?

— Нет, Мария Сергеевна не может подойти к телефону, — ответил незнакомый женский голос.

— Что случилось? — упавшим голосом спросил он и крепко сжал телефонную трубку.

— Она только уснула. Морфин подействовал.

— Понятно. А вы кто?

— Сиделка. Передать что-нибудь, когда она проснется?

— Нет, не надо, — тихо ответил он и положил трубку. Здоровье Марии сильно ухудшилось. Последние две недели он ее не видел, запретила приходить.

Карл Борисович в беспокойстве заметался по кухне, не зная, куда себя деть. Он чувствовал, как сквозь пальцы, словно песок, утекает жизнь дорогого ему человека, но никак не мог ей помочь. Радиоприемник вещал беспрестанно. Он старался ни слова не пропускать и прослушивал интересные записи по несколько раз, но ни на сантиметр не приблизился к понимаю, как же к ним переместиться. Сердце неприятно закололо и он, наконец, сел на стул и прибавил звук радиоприемника.

— Девочки совсем не меняются, — сказала Луиза. — Ты бы хотела посмотреть, какими они вырастут?

— Да, очень, — профессор узнал голос Виолы. — С недавних пор я начала жалеть, что взяла их с собой. Они остались детьми и никогда не испытают счастья первой любви и рождения детей. Это грустно.

— Они не знают, чего лишились, поэтому никогда не будут горевать об этом. Для них мама — центр Вселенной, и так останется навеки. Поэтому они самые счастливые дети.

— Наверное, — согласилась Виола и грустно вздохнула.

— Давно хотела спросить, но все забывала. Куда ты взобралась с детьми?

— Водонапорная башня. Слава Богу, ее высоты хватило, и мы очутились здесь. Сначала я хотела спрыгнуть с трехэтажного дома префекта, который переехал жить в одну из своих квартир. Но, когда зашла во двор, меня схватил охранник. По пути домой увидела водонапорную башню. Вот с нее мы и спрыгнули.

— Хорошо, что охранник поймал. Иначе ты сюда бы не попала.

Карл Борисович весь напрягся и еле дышал, но женщины перевели разговор на платья для девочек.

«Высота. Должно быть высоко. Так, трехэтажный дом примерно десять — двенадцать метров. Водонапорные башни разные бывают. В среднем двадцать — тридцать метров. Выше телевизионной башни в нашем городе ничего нет. Там метров двести, не меньше. Нам надо будет взобраться примерно до середины. А Маша сможет? Ей с каждым днем все хуже и хуже. Надо торопиться».

Профессор оделся и выбежал из дома. Зимнее солнце отражалось от снега и слепило глаза. Он приложил варежку ко лбу и, шурясь, побежал к автобусной остановке. Без машины было непривычно, особенно когда торопишься. Автобус подъехал через пятнадцать минут, профессор за это время успел замерзнуть и хлопал носом. Путь до дома Марии казался

мучительно длинным, хотя уже через полчаса он стучал в дверь ее квартиры.

— Вы чего так стучите? — напустилась на него тучная женщина средних лет. — В доме больной человек. Ей нужен отдых.

— Я знаю, я друг. Мне надо ее увидеть.

— Так это вы звонили, — догадалась она. — Я же вам сказала, что она только уснула.

— Ничего страшного, я подожду, — он бесцеремонно отодвинул ее и прошествовал на кухню. Сиделка недовольно поцокала языком, но ничего не сказала и захлопнула дверь.

Ждать пришлось недолго. Вскоре из спальни послышались голоса. Карл Борисович встал и чуть не столкнулся с женщиной, которая внезапно появилась в дверях.

— Мария Сергеевна зовет вас, — недовольным голосом сказала она и сложила руки на груди. — Только не вздумайте ее расстраивать.

Карл Борисович зашел в спальню и опешил от увиденного. На кровати лежала худая женщина с синяками под глаза и впалыми щеками. Она слабо улыбнулась.

— Здравствуй, Карлуша.

— Машенька, это не ты, — он мотнул головой и зажмурился. — Оптический обман какой-то. Подожди, сейчас пройдет.

Он открыл глаза и глубоко вздохнул:

— Не обман.

Мария рассмеялась:

— Да ладно тебе. Ну похудела немного. Просто аппетита нет, ничего не лезет.

Карл Борисович сел на краешек кровати, взял ее руку и отметил про себя тонкие пальцы с чуть посиневшими ногтями и сухую ладонь.

— Не виделись всего две недели, а тебя будто подменили.

Мария погрустнела и отвернулась. В глазах защипало и в горле появился ком, который не давал ей вздохнуть. Ужас и жалость на лице Карла Борисовича ранили ее сильнее всего.

— Я не хотела, чтобы ты приходил, — выдавила она. — Теперь я останусь в твоих воспоминаниях не «попой кверху в погоне за пылью», а живым скелетом. Больше не приходи. Чувствую, недолго мне осталось.

— Маша, посмотри на меня, — строго сказал он.

Мария нехотя повернула голову и вопросительно уставилась на него.

— Завтра четверг. А это значит, что самое время покинуть этот мир и переместиться в параллельный.

— Ты что, разобрался?

— Да, — равнодушно дернул он плечом. — Всего-то и надо, что взобраться на телевышку и спрыгнуть. Только обязательно в четверг.

— Ну и шуточки у тебя, — деланно возмутилась она.

— Машенька, я серьезно. Думаю, что взбираться на телевышку лучше вечером, когда стемнеет, а то кто-нибудь да помешает. Завтра в восемь заеду за тобой. А сейчас пойду готовиться, времени совсем мало осталось.

Он поцеловал ее руку, встал и пошел к двери.

— Карл, признайся, что ты пошутил? — попросила она. Карл Борисович посмотрел на нее с нежностью и помотал головой:

— Нет, не пошутил. Увидимся завтра.

Он вышел из квартиры и замер на лестничной площадке. Все, что только что произошло, казалось нереальным. Будто в него кто-то вселился и руководил без его ведома.

Сам не зная почему, обещал Марии, что завтра они переместятся в параллельный мир. Как такое могло произойти? Он даже не думал об этом и, тем более, не планировал.

«И что же теперь делать? Вернуться и сказать, что пошутил? Не-ет, она с такой надеждой посмотрела на меня. А может, попробовать? Если ничего не получится, значит суждено так умереть. А Машеньке все равно мало осталось», — он медленно спустился по лестнице, вышел на улицу и вдохнул освежающий морозный воздух. В последние месяцы он жил мечтами о параллельном мире. Но мечтать — это одно, а решиться на суицид — совсем другое. Ему стало страшно.

«Может, подождать еще недельку до следующего четверга? И вообще, почему я решил, что этот день — четверг? Вдруг в том мире уже воскресенье?»

Так, в раздумьях, он дошел до дома. Из радиоприемника слышались голоса, вдали лаял Баффи.

— Ты заметил, как Реган смотрит на Веру? — шепотом спросила Виола.

— Нет, — сказал Гюстав. — Тебе показалось. Реган — одиночка. У него была такая дрянная жена, что он вряд ли захочет в ближайшее столетие заводить романы.

— Не скажи, — усмехнулась она. — У меня глаз наметан на такое. Надо их свести.

— Виола, ты знаешь поговорку: любовь и смерть преград не знают? То-то же. Время все расставит по местам без посторонней помощи.

«У Машеньки времени на Земле уже не осталось. Решено, завтра это случится».

Карл Борисович схватил трубку и набрал номер телефона юриста Васи.

— Алло, Васенька, ты мне нужен! — прокричал он, едва услышал голос друга.

— Что случилось? Ты жив-здоров? — переполошился тот.

— Надо срочно составить завещание. Можешь подъехать?

— Еду.

Через час взъерошенный Вася стоял на пороге.

— Что случилось? — повторил он и уставился на два раскрытых кожаных чемодана. — Куда-то едешь?

— Да, уезжаю. Раздевайся, проходи, пиши, — Карл Борисович слонялся по дому и бросал в открытые жерла чемоданов вещи.

Вася удивленно приподнял бровь, когда профессор принес с кухни ножи и, обернув полотенцем, уложил на дно чемодана. Там же лежали мотки пряжи, коробки спичек, разноцветные карандаши и кипа газет.

— Ты куда это собрался?

— Далеко. Времени у меня нет, поэтому садись и пиши.

Вася решил пока не допытываться, видя возбужденное состояние друга, и сел за стол, на котором лежали чистый лист бумаги и ручка.

— Говори свое завещание.

— Значит так: квартиру мамы я завещаю дочери моего друга Захара. Ее данные я записал на обложке телефонной книги.

Вася начал писать, а Карл Борисович собрал в прихожей пестрые платки и бросил в чемодан.

— Ты меня подбросишь до хозяйственного магазина? Надо еще прикупить нитки, иголки, спицы, футбольный мяч, тапочки разных размеров. Та-ак, что еще? — задумался он и не заметил тревожный взгляд друга.

— Карл, а ты как себя чувствуешь? — осторожно спросил Вася.

— Чувствую себя отлично, просто дел много. Ты записал про мамину квартиру? — Вася кивнул.

— Счет в банке тоже ей. Сберкнижка на столе... Записал? Мою трешку в центре города я оставляю своему лучшему другу Васе, — торжественно произнес он и улыбнулся, глядя на изумленного друга. — Из родных у меня больше никого нет, а из близких друзей только ты остался.

Вася замотал головой и положил ручку.

— Говори, куда собрался, — велел он и сурово сдвинул брови.

— Не могу. Честно.

— Это что-то опасное? — напрягся Вася.

— Возможно, — уклончиво ответил Карл Борисович. — Пиши, не отвлекайся. Прости за то, что Света натворила в квартире. Это она от обиды. Я ее понимаю.

Вася недовольно скривил губы, но взял ручку и продолжил писать. Карл Борисович, тем временем, думал, что бы еще с собой взять.

— Соль! — он нашел на кухне в шкафу лишь полпачки. — Надо купить.

— Карлыч, — позвал Вася. — Иди, подписывай.

Профессор взял лист, внимательно прочел, удовлетворенно крякнул и подписал документ:

— Оставлю тебе на хранение. Если пропаду более, чем на неделю, значит меня нет в живых. Понял?

Вася схватил его за плечо и, крепко сжав, спросил:

— Ты что задумал?

— Васенька, не горячись. Все хорошо. Это так, — махнул профессор рукой. — На всякий случай. Я не молодею, сердце иногда прихватывает. Лучше подбрось меня до хозяйственного магазина. Надо купить кое-что.

— Чувствую, что затеваешь дурное дело, — тихо сказал друг, но отпустил и поплелся к выходу. — Жду в машине.

Карл Борисович закупил нитки, иголки, спицы, рыболовные снасти и еще много чего. Страх, поселившийся в сердце после того, как он решил сброситься с телевизионной вышки, отступил. В ходе приготовлений профессор все больше уверовал в правильность своего решения.

Перед сном он впервые за долгое время выключил радиоприемник и с блаженной улыбкой представил, как обрадуются подаркам друзья с параллельного мира.

Карла Борисовича разбудил яркий солнечный луч, осветивший спальню. Он потянулся и вспомнил о своем вчерашнем решении.

«Надеюсь, все получится».

Он позавтракал и позвонил Марии.

— Машенька, привет. Как ты себя чувствуешь?

— Здравствуй, Карлуша. Чувствую себя хорошо, еще действует обезболивающее. Ты-то сам как?

— Я в прекрасном настроении. Ты помнишь, что сегодня за день?

— Помню, — удрученно вздохнула она. — Но мне страшно. Ты уверен, что у нас получится?

— Конечно, — заверил он наиграно веселым голосом. — Я все проверил и перепроверил. Прибудем как раз к ужину. Мне не терпится попробовать их сиреневую рыбу.

— Рыбу? — задумчиво сказала Мария. — Я люблю жареную рыбу в кляре. Интересно, они умеют такое готовить?

— Если не умеют, то ты их научишь. Отдыхай до вечера и набирайся сил. В восемь заеду.

Он положил трубку и начал приглаживать вихор на затылке.

«Надо оставить какую-нибудь записку. Вдруг разобьемся».

Карл Борисович положил перед собой чистый лист и начал грызть кончик ручки:

«Что написать? Если про параллельный мир, то подумают, что я свихнулся и завещание признают недействительным. Может, соврать про депрессию?»

Он начал писать, аккуратно выводя каждую букву:

Я, Воронов Карл Борисович, больше не хочу продолжать жить в этом мире

— Не-ет, так не пойдет. Про мир лучше вообще не писать, — сказал он истукану, стоящему напротив, скомкал лист и взял новый.

Моя жизнь рухнула: умерла мама, ушла жена, детей нет, сердце болит. Больше не вижу смысла продолжать жить и хочу умереть. Прошу в моей смерти никого не винить. Это мой выбор и мое решение. Воронов Карл Борисович. Декабрь 1995 года.

Текст ему снова не понравился, но он решил оставить, как есть.

— Вася поймет, а больше, я думаю, никто не огорчится.

Карл Борисович оставил лист на столе и начал прибираться в квартире. Он не хотел, чтобы кто-нибудь обвинил его в неряшливости.

Он то и дело поглядывал на часы и даже вздремнул после обеда, чтобы скоротать время. В семь вечера, после ужина, он помыл посуду и вызвал такси.

— Ого, какие тяжелые, — прокряхтел таксист, загружая чемоданы в багажник.

— Картошку родственникам везу, — соврал профессор и пожалел, что на самом деле картошку не взял:

«Надо было хотя бы два килограмма взять. Ну да ладно».

Машина остановилась возле дома Марии, Карл Борисович попросил водителя подождать и забежал в подъезд. На громкий стук дверь открыла сиделка.

— Здравьете, — угрюмо сказала она. — Неприлично так громко стучать.

Профессор кивнул, обошел ее и ринулся в комнату Марии:

— Ты уже готова, молодец, — похвалил он. — Машина внизу.

Мария встала, опираясь на трость и руку профессора, и медленно двинулась к двери. Он взял ее за талию и с горечью отметил, как сильно она похудела.

— Надеюсь, вы недолго. Через час мне надо домой, — предупредила сиделка.

— Мы погуляем и вернемся, — заверила Мария.

Та кивнула и закрыла за ними дверь.

— Ты знаешь, я одновременно волнуюсь и в то же время стораю от любопытства. Неужели мы скоро попадем в тот чудесный край? Интересно, параллельный мир похож на наш или отличается? А если отличается, то чем? — она говорила тяжело, с трудом переводила дыхание, но глаза горели. — Как ты думаешь, я буду их понимать?

— Конечно, Машенька, ты все будешь понимать. Я уверен, — с жаром ответил он, но от осознания, что предстоит сделать, похолодели ноги.

Карл Борисович не был уверен, что поступает правильно. Даже наоборот, предполагал,

что они просто насмерть разобьются и все.

«Когда найдут наши тела и чемоданы, набитые всякой ерундой, подумают, что я совсем свихнулся и Машу насильно притащил. Вот и оставлю после себя разговоры о сумасшедшем профессоре. Может, признаться Маше и отвезти ее домой?» — думал он, глядя на мелькающие витрины из окна машины.

— Я надела платье, в которое уже лет десять не могла влезть, — похвасталась Мария. — Выгляжу так себе — ключицы торчат, но если выздоровею, то быстро наберу вес. Как думаешь, в каком виде мы там очутимся?

Карл Борисович легонько сжал ее хрупкую руку, улыбнулся сквозь слезы и тихо спросил:

— Ты, действительно, хочешь туда попасть?

— Очень, — призналась она и положила голову ему на плечо. — Я доченьке написала письмо, в котором рассказала, что ты открыл другой мир, и мы собираемся туда переместиться. Думаю, она будет рада. В последнее время постоянно плачет, когда приходит. А теперь она будет знать, что я продолжаю жить, только в другом месте.

«Не принести бы ей больше горя этим поступком. В газетах будут писать о нас, как о суицидниках. Боже, что же я натворил!»

Таксист тем временем остановился:

— Приехали.

Он вытащил чемоданы из багажника и обратился к профессору:

— Вы уверены, что вам сюда?

Карл Борисович огляделся. Они стояли у высокого забора из металлических прутьев, за которым возвышалась телевышка. Слева от нее был пустырь, а справа длинные ряды гаражей.

— Да, нам сюда, — упавшим голосом сказал он.

Таксист уехал. Мария стояла, опираясь на трость, и смотрела на высокую металлическую конструкцию.

— А как мы взберемся?

Карла Борисовича мучил этот же вопрос. Хотя он даже не учел того, что вышка окружена высоким забором, а калитка заперта на большой навесной замок.

— Не волнуйся. Сейчас что-нибудь придумаем, — приободряюще улыбнулся он и начал судорожно искать в снегу какой-нибудь металлический прут или кусок трубы.

Тем временем, Мария подошла к калитке, внимательно посмотрела на замок и хмыкнула:

— Я такие замки с детства умею открывать. Детьми часто ключи от амбара теряли, поэтому пришлось научиться.

— Правда? — оживился профессор. — И что для этого нужно?

— Шпильку и скрепку. Или проволоку пожестче.

— У меня есть, — он подтащил чемоданы к уличному фонарю и начал в них рыться. — Я целый моток проволоки с собой взял. Думал, там пригодится.

Он отломал кусок проволоки и отдал Маше. Та, некоторое время повозилась с замком и вскоре открыла скрипучую калитку:

— Вуаля. Готово!

Карл Борисович чмокнул ее в щеку и, схватив чемоданы, подошел к вышке. Прямая железная лестница с облупившейся желтой краской устремлялась ввысь и терялась в

темноте. Он перевязал шарфом ручки чемоданов и взвалил на плечо.

— Здорово ты придумал, — похвалила Мария. — А я не могла понять, как ты собираешься поднимать чемоданы на вышку. Давай ты первый, а я следом.

— Машенька, я хотел тебя вперед пусть, чтобы страховать. Не дай Бог поскользнешься и еще что.

— Там темно и страшно, — призналась она. — Не хочу первой.

Карл Борисович кивнул, надел варежки и подошел к лестнице. Тяжелые чемоданы тянули вниз и больно били по груди и спине, но он старался не обращать внимания и продолжал подниматься. Следом кряхтела Мария. Вдруг он уперся головой об решетку. Сердце неприятно сжалось. Первый пролет был закрыт решеткой.

Он изо все сил уперся и надавал на нее. Решетка жалобно закрипела и открылась.

— Машенька, здесь небольшая площадка. Можно отдохнуть.

— Хорошо, а то сил уже не осталось, — с трудом сказала она.

Карл Борисович снял чемоданы с плеча и помог Марии взобраться на площадку. Она устало опустила на корточки и спросила:

— Сколько еще подниматься?

— Ну, — задумался он. — Мы вроде метров десять поднялись. Чтобы не рисковать, надо еще тридцать.

— Тридцать? Я не смогу, — замотала она головой. — До сюда-то с горем пополам поднялась. Иди один.

— Да ты что! — воскликнул он. — Без тебя я никуда не пойду.

— Я не смогу, — повторила она. — Болезнь все силы забрала. Два раза чуть не сорвалась.

Карл Борисович хотел погладить затылок, но вспомнил, что в ушанке и почесал бороду. Мария сидела неподвижно и невидящим взглядом смотрела на огни города.

— Значит так, — решительно сказал он. — Идешь первая, а я за тобой. Чемоданы оставим здесь. Если устанешь, то я буду рядом и попридержу тебя.

Мария кивнула, встала и медленно полезла вверх по лестнице. Железная лестница морозила руки даже сквозь шерстяные варежки, но им было жарко.

— Я в младших классах приклеилась языком к качелям, — сказала она, тяжело дыша.

— Смешная, — улыбнулся профессор. — Ты не знала, что так делать нельзя?

— Знала, — призналась она. — Потому-то и лизнула. Прямо как сейчас, знаю, чем это может закончиться, но все равно лезу.

— Ты — отважная, — похвалил он.

— Не-а, глупая. Никогда не учусь на чужих ошибках, все перепроверяю.

Они рассмеялись. Следующий пролет был открыт. Они отдохнули на площадке и вновь полезли вверх. На третьей площадке она призналась, что больше не сможет подняться ни на одну ступеньку.

— Машенька, ты не расстраивайся. Вот отдохнем и последний рывок.

— Давай отсюда? — она нагнулась через ограду и посмотрела вниз, но земли не было видно, только фонарь у дороги. — Честно, я очень устала. И лекарство перестает действовать, боли вернулись.

Карл Борисович крепко обнял ее и прошептал:

— В этой ситуации я ни в чем не уверен. Но знаю одно, если уж умирать, то быстро. Если прыгнем с этой высоты, то сможем выжить, но будем искалечены: с лопнувшими

органами, с разбитой головой, с раздробленными костями. Мы должны умереть или переместиться в параллельный мир. Ты согласна?

Мария кивнула и вытерла слезы.

— Хорошо, но только до следующей площадки. Если ты скажешь, что пошутил и надо подняться еще, я сама тебя сброшу..

Он улыбнулся и кивнул. Через несколько минут они стояли на четвертой площадке и смотрели на ночной город и мерцающие звезды.

— Красиво, — тихо сказала она и посмотрела на Карла Борисовича. — Карлуша, я боюсь.

— И я боюсь, Машенька. Если хочешь, можем спуститься. Не так себе я это представлял.

— А как? — она зябко поежилась, и профессор обнял ее.

— Думал, что есть какие-то ворота или космический корабль. Или еще что-то из фантастики. Как в фильмах показывают: забирает тебя яркий луч на корабль, — усмехнулся он. — Теперь я уверен, если мы спрыгнем, то умрем. Никакой параллельный мир нам не светит.

— Я тут подумала: давай я первая пойду? Ты посмотришь, что будет. Если я просто разобьюсь, то вызовешь скорую и поедешь домой. Хорошо?

— Нет, не хорошо, — возмутился он. — Ты подумала, как я себя буду чувствовать? Наврал, привел, убил и пошел домой. Это надо быть полным мерзавцем, чтобы так поступить. Пойдем вместе, рука об руку.

Мария кивнула и в первый раз поцеловала его. В щеку.

— Хорошо.

Они перелезли через металлические балки, взяли за руки и молча спрыгнули.

— Аккуратно, поправьте ему руку, — Карл Борисович услышал знакомый женский голос, но не мог вспомнить кому он принадлежит. — Пледом надо накрыть.

Ему на лоб положили что-то холодное и мокрое. Он чуть приоткрыл глаза и снова зажмурился от яркого света.

— Просыпается, — сказал довольный Гюстав и потряс его за плечо. — Мсье, добро пожаловать в Парадиз!

— Никакого Парадиза, — возмутилась Вера. — Я уже сказала, что это слово не подходит. Думайте дальше.

Профессор улыбнулся и с облегчением выдохнул.

— Карлуша, вставай. У нас получилось, — радостно прошептала Мария ему на ухо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net